

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Горский государственный аграрный университет»

На правах рукописи

Качмазова Альбина Владимировна

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕИСПОЛНЕНИЕМ
СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ**

Специальность 5.1.4. – Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор
Вишневецкий Кирилл Валерьевич

Владикавказ – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Социально-юридическая природа уголовной ответственности за неисполнение судебных постановлений	15
1.1. Обязательность судебных постановлений как один из важнейших принципов правосудия.....	15
1.2. Общественная опасность преступлений в сфере исполнения судебных постановлений.....	25
1.3. Зарубежный опыт криминализации деяний, связанных с неисполнением судебных постановлений	35
ГЛАВА 2. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере исполнения судебных постановлений: актуальные особенности	47
2.1. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации	47
2.2. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи	64
2.3. Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера	76
2.4. Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений.....	88
2.5. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта.....	99
ГЛАВА 3. Основные направления повышения эффективности уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с неисполнением судебных постановлений	114
3.1. Проблемы квалификации преступлений в сфере исполнения судебных постановлений.....	114
3.2. Перспективные пути совершенствования российского уголовного законодательства об ответственности за неисполнение судебных постановлений	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	171
ПРИЛОЖЕНИЕ	194

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования предопределяется необходимостью развития современного правового государства, одним из фундаментальных условий которого является эффективно действующее правосудие. Правосудию отводится главенствующая роль в деле обеспечения высокого уровня защищённости прав и законных интересов граждан, общества и государства. При этом эффективность правосудия во многом зависит от качества исполнения судебных постановлений, безоговорочного их соблюдения и исполнения.

Обязательность судебного постановления гарантирована Основным законом РФ (ст. 2, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). Успешная реализации данного принципа выступает залогом справедливого и независимого правосудия, обеспечивает самостоятельность судебной власти и её уникальную специфику, позволяющую влиять на всех участников общественных отношений, включая государственные органы, коммерческие структуры, общественные объединения и граждан.

Вместе с тем конституционно гарантированный принцип обязательности судебного постановления будет являться лишь декларацией, если не будет обеспечен эффективным механизмом его реализации. И поскольку вопросы отправления правосудия связаны с широким комплексом общественных отношений, являющихся основополагающими, нарушение принципа обязательности судебного постановления требует строгой реакции со стороны государства. И такой реакцией является уголовная ответственность за преступления, выражающиеся в неисполнении судебных постановлений.

Криминальное неисполнение судебного постановления связано с неразрешением в полной мере имеющегося правового конфликта, что создаёт почву для его продолжения или усугубления. Неисполнение судебного постановления зачастую влечёт значительные материальные потери стороны,

правомерность поведения которой подтверждена судом. Нарушение принципа обязательности исполнения судебного постановления дискредитирует государство в лице его судебных органов власти.

В российском уголовном законе комплекс норм об ответственности за неисполнение судебного постановления предусмотрен ст.ст. 312-315 УК РФ. При этом в последние годы ряд из этих предписаний подвергался корректировкам, расширялась криминализация деяний в данной сфере.

В этих условиях представляется возможным констатировать актуальность и своевременность уголовно-правового исследования проблем ответственности за неисполнение судебного постановления. Научный анализ имеющегося комплекса уголовно-правовых средств противодействия преступлениям, связанным с неисполнением судебных постановлений, выступит основой для систематизации, уточнения и развития знаний в этой сфере.

Диссертационное исследование уголовно-правовых средств противодействия преступлениям в сфере исполнения судебных постановлений позволит восполнить имеющиеся теоретические пробелы, выработать предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства и рекомендации по квалификации данных преступлений.

Степень научной разработанности темы исследования. Изучением уголовно-правовых проблем противодействия преступлениям против правосудия занимались такие учёные, как А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, А.С. Горелик, Л.В. Иногамова-Хегай, Н.Р. Косевич, Ю.И. Кулешов, Л.В. Лобанова, А.И. Чучаев и др. Отдельные аспекты уголовной ответственности за совершение преступлений против правосудия рассматривались К.П. Андреевым, А.О. Астаховой, Д.Ю. Виноградовым, В.В. Вороным, И.В. Губко, А.Л. Жуйковым, М.А. Князьковым, Е.А. Летягиной, В.Н. Маловым, А.Н. Оленьчевой, Д.А. Харьковским.

Признавая значительный вклад указанных авторов в разработку уголовно-правовой характеристики преступлений против правосудия и частных

правил их квалификации, нельзя не отметить, что многие вопросы, связанные с пониманием признаков преступлений против обязательности исполнения судебных постановлений, а также уголовно-правовой оценкой их проявлений, требуют обновлённых решений. Имеющиеся труды были подготовлены преимущественно до законодательной корректировки системы преступлений, связанных с неисполнением судебных постановлений. Кроме того, комплексного монографического исследования уголовно-правовых аспектов противодействия неисполнению судебных постановлений не проводилось. В целях восполнения имеющихся теоретических пробелов, а также для разработки предложений по совершенствованию отечественного уголовного законодательства и рекомендаций по квалификации фактов неисполнения судебного постановления необходимо проведение специального диссертационного исследования.

Цель исследования состоит в разрешении теоретических и прикладных проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой неисполнения судебного постановления, а также в разработке предложений по совершенствованию нормативной регламентации ответственности за преступления, связанные с неисполнением судебных постановлений, и правил их квалификации.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие исследовательские **задачи**:

- 1) определить юридическую природу обязательности судебных постановлений как одного из важнейших принципов правосудия;
- 2) охарактеризовать уровень общественной опасности преступлений в сфере исполнения судебных постановлений;
- 3) провести компаративное исследование зарубежного опыта криминализации деяний, связанных с неисполнением судебных постановлений;
- 4) рассмотреть признаки незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации;

5) дать уголовно-правовую характеристику состава побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи;

6) проанализировать признаки уклонения от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера;

7) определить юридически значимые признаки состава уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений;

8) рассмотреть признаки состава неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта;

9) выявить проблемы квалификации преступлений в сфере исполнения судебных постановлений и сформулировать рекомендации по их разрешению;

10) разработать перспективные пути совершенствования российского уголовного законодательства об ответственности за неисполнение судебных постановлений.

Объектом диссертационного исследования является комплекс общественных отношений, возникающих в связи с уголовно-правовой оценкой фактов неисполнения судебных постановлений.

Предмет исследования составляют: объективные и субъективные признаки преступлений, связанных с неисполнением судебных постановлений.

Методологической основой диссертации выступают категории и принципы диалектики: всесторонность, объективность, связь теории и практики. В ходе исследования использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, классификация) и частно-научные (системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой, анализ документов, экспертный опрос) методы познания.

Нормативная основа исследования представлена Конституцией России, решениями Конституционного Суда Российской Федерации, международными правовыми актами (Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений и др.), УК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, иными федеральными законами и подзаконными актами.

Исследование компаративных аспектов ответственности за прикосновенность к преступлению осуществлялось на основе уголовного законодательства зарубежных государств (в частности, УК Франции, УК ФРГ, УК Швеции, УК Республики Болгария, УК Республики Польша, Закон об уголовном праве Израиля, УК стран СНГ и др.).

Теоретическую основу исследования образуют достижения отечественной науки уголовного права, составляющие учение о преступлении и составе преступления (Я.М. Брагинин, А.В. Бриллиантов, Л.Д. Гаухман, Н.Г. Кадников, М.П. Карпушин, В.П. Коняхин, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.И. Курляндский, Ю.Е. Пудовочкин, А.И. Рарог, А.Н. Трайнин и др.); учение о преступлениях против правосудия (А.В. Бриллиантов, Д.Ю. Виноградов, В.В. Вороной, А.В. Галахова, А.С. Горелик, А.А. Гулый, А.И. Друзин, А.Л. Жуйков, Л.В. Иногамова-Хегай, М.А. Князьков, Н.Р. Косевич, Ю.И. Кулешов, Е.А. Летягина, Л.В. Лобанова, А.Н. Оленьчева, О.Н. Румянцев, А.Д. Смлян, Д.А. Харьковский, А.И. Чучаев и др.).

Эмпирическую базу исследования составили результаты проведенного в 2018-2021 гг. обобщения материалов 284 уголовных дел о преступлениях, связанных с неисполнением судебных постановлений, опубликованной практики Верховного Суда Российской Федерации, относящейся к теме исследования, данные опроса 206 экспертов (52 судьи, 46 прокуроров, 20 помощников судей, 34 следователя Следственного комитета Российской Феде-

рации, 54 следователя органов внутренних дел Российской Федерации), проведённого в 2018-2021 гг. При подготовке диссертации также использовались результаты исследований, проведённых другими авторами.

Научная новизна диссертации заключается в разработке целостного комплексного научного представления об уголовно-правовых средствах противодействия неисполнению судебного постановления. Определён круг норм, устанавливающих уголовную ответственность за неисполнение судебного постановления, исследованы системные взаимосвязи данных предписаний.

Рассмотрены положения, отражающие социально-юридическую природу уголовной ответственности за неисполнение судебных постановлений; предложена уточнённая уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере исполнения судебных постановлений; разработаны научно обоснованные рекомендации по уголовно-правовой оценке фактов неисполнения судебных постановлений; определены и обоснованы перспективные направления совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики в сфере исполнения судебных постановлений.

Основные положения, выносимые на защиту

1. *Определение уровня общественной опасности преступлений, связанных с неисполнением судебных постановлений.* Выявлен достаточный для криминализации уровень общественной опасности данных преступлений. Эти деяния посягают на один из ведущих принципов осуществления правосудия – обязательность исполнения судебных постановлений, что является фундаментальным обстоятельством, свидетельствующим об их общественной опасности. Криминальное неисполнение судебного постановления связано с неразрешением в полной мере имеющегося правового конфликта, что создаёт почву для его продолжения или усугубления. Специфика общественной опасности данных преступлений предопределяется их отнесением в число общеправовых норм об обязательности судебных постановлений или в

группу преступлений, выражающихся в неисполнении судебных постановлений в уголовно-правовой сфере. Первые нередко причиняют весомый материальный вред или создают угрозу его причинения, а также обладают потенциалом причинения иного вреда. Преступное неисполнение судебных постановлений в уголовно-правовой сфере, как правило, не влечёт прямого и непосредственного вреда, но создаёт угрозу дальнейшей преступной деятельности виновного.

2. Уточнено понимание отдельных признаков состава незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации. Непосредственным объектом этого преступления являются общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением устанавливаемого судебным постановлением специального правового режима имущества. При этом состав преступления, предусмотренный ст. 312 УК РФ, не имеет в своей структуре какого-либо дополнительного объекта. В случае, если нарушение обозначенного правового режима имущества сопровождается его хищением, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений.

Опись имущества – это документ, составляемый при производстве ареста имущества, содержащий перечень имущества, подвергнутого аресту. В этой связи опись имущества не может существовать в отдельности от ареста имущества, а выступает исключительно в подчинённой роли. Более того, наличие указания в законе на опись имущества является избыточным, поскольку опись имущества не обладает правовым значением в отсутствие его ареста.

Имущество, подвергнутое арестам, налагаемым налоговыми, а также иными административными органами, не может выступать предметом состава преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ.

3. Сформулированы разъяснения по толкованию признаков объективной стороны состава побега из места лишения свободы, из-под ареста

ста или из-под стражи. До момента составления протокола о задержании в порядке ст. 91 УПК РФ, согласно уголовно-процессуальному законодательству, лицо не может считаться находящимся под стражей в смысле ст. 313 УК РФ. Побег в таком случае не может быть квалифицирован по ст. 313 УК РФ.

Законодательная конструкция объективной стороны состава побега не позволяет отнести данное преступление к числу дящихся. Моментом его окончания выступает момент оставления места заключения (содержания под стражей). Дальнейшее поведение виновного лица не влияет на квалификацию содеянного по ст. 313 УК РФ.

4. *Определено содержание юридически значимых признаков состава уклонения лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера.* Уклонение от применения принудительных мер медицинского характера в ч. 3 ст. 314 УК РФ подразумевает неявку к врачу-психиатру для постановки на учёт, неявку на периодические приёмы, назначенные лечащим врачом, игнорирование рекомендаций врача в части назначенного им лечения. При этом ввиду отсутствия в ч. 3 ст. 314 УК РФ признака злостности, любое и даже однократное нарушение образует состав данного преступления.

5. *Выявлено юридическое содержание признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 315 УК.* Непосредственный объект данного преступления образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением обязательности исполнения судебных постановлений о защите чести, достоинства, деловой репутации, а равно частной жизни лица.

При этом законодателем дифференцирована уголовная ответственность за неисполнение судебного постановления о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространённой информации в зависимости от признаков субъекта совершённого преступления. Квалифи-

кация по ч. 2 ст. 315 УК РФ возможна как при наличии, так и при отсутствии административного наказания по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ, применённого в отношении виновного. Одновременно ответственным по ч. 1 ст. 315 УК РФ является общий субъект, а по ч. 2 ст. 315 УК РФ – специальный.

6. Разработаны научно обоснованные рекомендации по квалификации неисполнения судебного постановления:

- нормы об уголовной ответственности за присвоение или растрату и за незаконные действия с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ не могут состоять в отношениях конкуренции. В случаях, когда содеянное лицом одновременно содержит признаки преступлений, предусмотренных ст. 160 и 312 УК РФ, данные статьи применяются по совокупности;

- квалификация по ч. 1 ст. 312 УК РФ совершённых банковским работником расчётных операций с денежными средствами, на которые наложен арест, подразумевает арест как меру процессуального принуждения, применяемую судом. В противном случае незаконные действия банковского служащего с денежными средствами, арестованными, например, налоговым органом, не могут подлежать уголовно-правовой оценке в рамках ст. 312 УК РФ;

- уголовно-правовые нормы об ответственности за незаконные действия с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ могут конкурировать с соответствующими предписаниями ч. 2 ст. 315 УК РФ. А разрешаться данная конкуренция должна в порядке, установленном ч. 3 ст. 17 УК РФ, в пользу ст. 312 УК РФ, как нормы, в которой уточнено содержание судебного акта, а также конкретизированы действия по неисполнению судебного постановления;

- сопоставление уголовно-правовых норм, установленных ст.ст. 313-314¹ УК РФ и ч. 2 ст. 315 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что их ведущим разграничительным признаком является субъект преступления. Эти деяния чётко отличаются субъектами правоотношений по исполнению судебных постановлений. В первом случае это лица, подвергнутые мерам госу-

дарственного принуждения (уголовного наказания, мерам пресечения, принудительным мерам медицинского характера, административному надзору), то есть лица, пассивно исполняющие (подчиняющиеся исполнению) соответствующих судебных постановлений. В свою очередь, в ч. 2 ст. 315 УК РФ закреплена ответственность субъектов активного исполнения судебных актов.

7. Определены основные пути оптимизации российского уголовного законодательства об ответственности за неисполнение судебного постановления. Существующее словосочетание в ч. 1 ст. 312 УК РФ «растрата, отчуждение, сокрытие или незаконная передача имущества» необходимо заменить формулировкой «незаконное отчуждение, а равно совершение иных незаконных действий с имуществом».

Современная редакция Федерального закона «О банках и банковской деятельности» к банковским операциям относит не только соответствующие операции с денежными средствами, но и операции с драгоценными металлами. В этой связи является оправданным дополнение деяния в виде осуществления служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами (вкладами), на которые наложен арест, ещё и указанием на драгоценные металлы как предмет преступления. В итоге эта формулировка может быть представлена в следующем виде: «осуществление служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами или драгоценными металлами, на которые наложен арест».

Обоснована необходимость закрепления примечания к ст. 313 УК РФ следующего содержания: «Лицо, отбывающее наказание в колонии-поселении, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, и добровольно вернувшееся в место лишения свободы в течение суток, подлежит освобождению от уголовной ответственности за побег из места лишения свободы при условии отсутствия в его действиях иного состава преступления».

Аргументирована целесообразность расширения круга субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ. Субъект данного преступления должен быть общим – любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Доказана обоснованность перемещения нормы, сформулированной в ч. 1 ст. 315 УК РФ, в структуру ныне действующей ч. 2 ст. 315 УК РФ. При этом в целях сохранения объёма криминализации потребуются исключить указание в ч. 2 ст. 315 УК РФ на специального субъекта преступления.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в том, что они развивают и углубляют доктринальные представления о деяниях, направленных на противодействие исполнению судебных постановлений, вносят вклад в развитие уголовно-правового учения о преступлениях против правосудия, определяют направления для дальнейших исследований преступлений против государственной власти, и, тем самым, обогащают уголовно-правовую науку. Положения и выводы исследования могут выступать в качестве теоретической базы для совершенствования уголовного законодательства, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практики.

Практическое значение диссертационного исследования выражается в том, что оно создает основу для разрешения сложных правоприменительных проблем, возникающих при уголовно-правовой оценке деяний, выражающихся в неисполнении судебных постановлений. Результаты исследования могут быть использованы: для совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации; в праворазъяснительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации; для квалификации случаев неисполнения судебных постановлений; в учебном процессе образовательных организаций высшего образования; в процессе повышения квалификации сотрудников правоприменительных органов.

Практическая значимость диссертационного исследования подтверждается **апробацией его результатов** посредством:

– их публикации в 12 научных работах (из них 4 – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России);

– обсуждения основных положений и выводов диссертации на научно-практических форумах: международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы права и правоприменения» (г. Краснодар, 22 октября 2021 г.); международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (г. Москва, 21-22 января 2021 г.); международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (г. Москва, 23-24 января 2020 г.); круглый стол «Квалификация преступлений: общие и частные проблемы» (г. Москва, 30 мая 2019 г.); международная научно-практическая конференция «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (г. Новороссийск, 20 сентября 2019 г.); международная научно-практическая конференция «Перспективы развития АПК в современных условиях» (г. Владикавказ, 18-19 апреля 2019 г.); XX ежегодная межвузовская научно-практическая конференция «Человек, государство, общество: традиционные проблемы и новые аспекты» (г. Владикавказ, 26-27 апреля 2018 г.);

– их внедрения в практическую деятельность Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания, Управления Федеральной службы судебных приставов по Республике Северная Осетия-Алания, в учебный процесс юридических факультетов Горского государственного аграрного университета, Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, Владикавказского института управления.

Структура диссертации определена ее целью и задачами и представлена введением, тремя главами, объединяющими десять параграфов, заключением, библиографией и приложением.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

1.1. Обязательность судебных постановлений как один из важнейших принципов правосудия

Конституция РФ содержит гарантии судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в части 1 статьи 46. Обязательства по защите названных прав и свобод берет на себя государство, что закрепляется в статье 2 Конституции. Проанализировав названные положения, мы можем заключить, что в процесс реальной судебной защиты гражданских прав и свобод входит, с одной стороны, легитимное и обоснованное решение, выносимое судом по правовому конфликту; с другой же стороны, в него входит безоговорочное и безусловное исполнение принятого судебного решения. Рассматривая вторую составляющую защиты гражданских прав и свобод в суде, Конституционный Суд РФ высказывает позицию, согласно которой, в соответствии как с буквальным толкованием предусматривающей данное право ст. 46 Конституции Российской Федерации, так и так и со смыслом, проистекающим из связи данной нормы с иными нормами гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ, а также принимая во внимание общепризнанные международно-правовые положения, решения суда носят обязательный к исполнению характер¹.

Сказанное представляется вполне обоснованным, так как если принцип обязательности решений суда не будет соблюдаться, судебная защита прав и свобод личности становится бессмысленной, и даже мотивированные и леги-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2016 № 1748-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 4 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

тимные судебные постановления могут стать ничего не значащими декларациями, если законодательство не будет гарантировать их исполнение. По словам Ю.И. Кулешова, право на предоставление судебной защиты, согласно статье 46 Конституции РФ, предусматривает как вынесение и оглашение судебного решения, так и оперативное и безоговорочное его выполнение².

Мы согласны с А.В. Бриллиантовым и Н.Р. Косевичем, утверждающими, что сущность нормального функционирования судебных органов заключается не только в том, чтобы выносить постановления, решения, приговоры и иные акты, но и обеспечивать их реализацию, так как только это поможет наказать виновных и восстановить нарушенные права человека. Если законодатель не предусмотрит гарантии исполнения судебного постановления, вся система правосудия будет бессмысленна и бессильна³.

Следует подчеркнуть, что принцип, провозглашающий обязательный характер судебного решения, закрепляется на правовом уровне как в межотраслевых актах, так и в отдельных отраслях права. К примеру, в соответствии с частью 1 ст. 6 Федерального конституционного закона (далее – ФКЗ) «О судебной системе РФ», решения, вынесенные судами субъектов РФ, мировыми судьями, федеральными судами, а также любое их поручение, требование или распоряжение носит обязательный характер для всех государственных органов, включая органы местного самоуправления, общественные организации, другие организации и граждан, а также должностных лиц, и должны быть исполнены на территории РФ⁴. Сходные по содержанию нормы

² Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: Дис. ... докт. юрид. наук. – Владивосток, 2007. – С. 316.

³ Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 410.

⁴ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 06.01.1997. – № 1. – Ст. 1. (ред. от 30.10.2018).

регулируются частью 8 статьи 5 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в РФ»⁵, статьей 7 ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ»⁶, ч. 1 ст. 392 УПК РФ, ч. 2 ст. 13 ГПК РФ, ч. 1 ст. 16 АПК РФ, ч. 1 ст. 16 КАС РФ.

Таким образом, нормативно-правовые установления, закрепляющие обязательный характер решений суда, формируют единую структуру. Предпосылки этих установлений предусмотрены, в том числе, Конституцией РФ. Также они регулируются на общеправовом уровне и в отраслевом законодательстве. Подобная структура положений об обязательном характере решений и постановлений суда не только указывает на важность данных общественных правоотношений, но и в некоторой степени воздействует на реализацию этого принципа. Рассматриваемые положения законодательства четко и однозначно говорят, во-первых, о безоговорочной необходимости реализации судебных решений, а во-вторых, о тех, кому адресовано данное требование, то есть обо всех лицах без всяких исключений.

Анализируемые правовые установления имеют силу непосредственного действия. Законодательство не закрепляет какие бы то ни было помехи к тому, чтобы непосредственно применить требование об обязательном характере судебных постановлений. При этом во всех предусмотренных правовых положениях отсутствуют санкции за случаи несоблюдения этого принципа. Это связано с тем, что санкции закрепляются уголовным и административным законодательством.

В юридических источниках подчеркивается, что по своему обязательному характеру исполнение постановления суда может быть приравнено к законам⁷. Это утверждение является верным лишь с некоторыми оговорками.

⁵ Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 14.02.2011. – № 7. – Ст. 898. (ред. от 06.03.2019).

⁶ Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 01.05.1995. – № 18. – Ст. 1589.(ред. от 18.07.2019).

⁷ Кобликов А.С. Судебный приговор. – М., 1966. – С. 6.

Данное высказывание должно рассматриваться в первую очередь как условное сравнение. Оснований для того, чтобы отождествлять судебное решение и закон, мало, и это обусловлено в основном общетеоретическими соображениями. Постановление суда является главным образом индивидуализированным, так как касается интересов определенного субъекта или группы субъектов. При этом законодательный акт направлен на неустановленный круг субъектов. В отношении обязательного характера исполнения рассматриваемые разновидности нормативно-правовых актов, действительно, в некоторой степени схожи. Подобно закону, постановление суда необходимо исполнить вне зависимости от тех или иных факторов и условий. Также можно провести параллель и в отношении неукоснительности исполнения закона и постановления суда. Существуют законы, несоблюдение которых не приводит ни к каким правовым последствиям. Неисполнение постановлений суда также может остаться незамеченным.

Необходимо подчеркнуть, что вопрос обязательного характера постановлений суда проявляется в выделении представительной, исполнительной и судебной ветвей власти. Ранее мы говорили о том, что постановление суда с точки зрения обязательного характера его исполнения несет в себе ряд схожих черт с законодательными актами. В данном случае весьма интересным с исследовательской позиции является также вопрос относительно соотношения между обязательным характером исполнения постановлений суда и актов, принимаемых исполнительными органами.

Если постановление суда – это сугубо правоприменительный акт, то документы исполнительных органов могут быть или аналогичными по своему характеру, или иметь силу нормативно-правовых актов. Подчеркнем, что нормативные правовые акты, принимаемые исполнительными органами, по своему обязательному характеру родственны законодательным актам. Рассматривая правоприменительные, распорядительные акты, принимаемые исполнительными органами, то следует отметить, что они тоже носят обяза-

тельный к исполнению характер. При этом необходимо заострить внимание на том, что, в отличие от постановления суда, обязательность выполнения которого действует в отношении всех категорий граждан и организаций, ненормативные акты, принимаемые исполнительными органами, обычно характеризуются некоторыми ограничениями в этом аспекте. Прежде всего, обязательный характер исполнения данных документов будет зависеть от того, к какой категории относится субъект, принявший соответствующее решение, а также от характера возникших правовых отношений. К примеру, у депутатов и судей в некоторых случаях есть иммунитет в рамках административного производства, которое осуществляют представители правовых структур. Постановления суда же не подразумевают подобных ограничений в распространении своего действия. Правоприменительные акты, принимаемые исполнительными органами, издаваемые по отношению к лицам, по отношению к которым у определенного органа отсутствуют распорядительные полномочия в данной области правовых отношений, тоже могут не носить обязательный характер.

Отдельно следует сказать о санкционном компоненте обязательности постановлений суда и правоприменительных актов, принимаемых исполнительными органами. В случае невыполнения первых может наступить уголовная либо административная ответственность. Если же рассматривать вторые, то в аналогичных обстоятельствах не предусматриваются какие бы то ни было административные или уголовные запрещения. Факт неисполнения правоприменительных актов, принимаемых исполнительными органами, может подлежать квалификации по признакам неподчинения легитимным требованиям представителей данной ветви власти, за что может наступить административная ответственность. Однако очевидно, что такая ответственность менее строгая, по сравнению с потенциальной уголовной ответственностью за неисполнение судебного постановления.

В данном случае можно говорить о большей юридической значимости постановлений и решений суда, по сравнению с правоприменительными актами, принимаемыми исполнительными органами. Это вызвано следующими факторами. В частности, в области административного судопроизводства к компетенциям суда относятся самые значительные из нарушений. Вынесение же решений по уголовному делу – это исключительная прерогатива судебных органов. В области гражданских правоотношений судами выносятся постановления по абсолютно разным категориям дел, включая и несущественные, и исключительно значимые. Также суды рассматривают жалобы на действия исполнительных органов.

Таким образом, можно сделать вывод, что обязательный характер исполнения постановлений суда обусловлен как значимостью рассматриваемых вопросов, так как наличием исключительной прерогативы суда в том, чтобы быть арбитром в конфликтных ситуациях. Решение, которое принимает суд, носит окончательный, властный и независимый характер.

Важно подчеркнуть, что постановления суда являются обязательными в своем изначальном виде, по содержанию и форме. У разнообразных лиц, организаций, органов нет права спорить с обязанностями, которые на них возложил суд. В Обзоре судебной практики ВС РФ № 2 за 2015 г. в этом отношении говорится следующее. На основании пункта 7 статьи 7 ФЗ от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» орган, реализующий полномочия в сфере нормативно-правовой регламентации в области правоотношений по государственной регистрации права на недвижимость и сделок с ней, закрепляет порядок и правила предоставления информации, включенной в Единый Государственный реестр прав на недвижимость и сделок с ней. Во исполнение указанных норм приказом Минэкономразвития РФ от 14 мая 2010 г. № 180 утверждён Порядок предоставления данных, включенных в Единый государственный реестр прав на недвижимость и сделок с ней. В соответствии с

пунктами 2 и 3 данного документа нужно заполнить специально предусмотренную им форму запроса, которая включена в приложение к Порядку и опубликована на официальном сайте Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии в Интернете и на Едином портале.

Но, говоря о подзаконных нормативно-правовых актах, которые принимает орган, реализующий полномочия в сфере нормативно-правовой регламентации правоотношений в области государственной регистрации прав на недвижимость и сделок с ней, их нельзя рассматривать как акты, определяющие порядок судебного производства. Следовательно, в них не могут закрепляться требования относительно правил судебного производства, механизма истребования доказательств и вида процессуальной документации.

На этом основании требования, закрепленные в подзаконных нормативно-правовых актах, в т. ч. Порядке, в отношении формы составления запроса о данных, включенных в Единый государственный реестр прав на недвижимость и сделок с ней, не распространяются в отношении запросов суда, осуществляющего производство по делу, связанному с объектом недвижимости или ее собственниками.

Итак, если нужно истребовать информацию, включенную в указанный Реестр, для того чтобы дело было рассмотрено правильно и своевременно, судом должно быть вынесено определение, которое в связи с обязательным характером судебных постановлений должен исполнить орган, которым производится государственная регистрация прав на недвижимость⁸.

В этом разъяснении речь идет об обязательном характере исполнения постановления суда каждым субъектом, участвующим в общественном отношении. При этом у данных субъектов нет права отказаться от исполнения по тем или иным причинам, пусть даже и формальным.

⁸ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 10.

Рассматривая сущность принципа, провозглашающего обязательный характер постановлений суда, следует подчеркнуть следующее. Эти правоприменительные акты являются обязательными, в т. ч. непосредственно для судов. На основании части 1 статьи 61 ГПК РФ, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда⁹.

В данной ситуации мы считаем верной точку зрения, согласно которой требование об обязательном характере постановления суда можно реализовать лишь через исполнение данного постановления. Единственный способ, позволяющий снять обязательный характер исполнения постановления суда, - это отмена данного постановления решением вышестоящего суда по законодательно закрепленным основаниям.

М.А. Князьков говорит о существовании трех категорий общественных правоотношений, формирующихся в сфере обеспечения общеобязательного характера постановлений суда. В частности, он выделяет следующие:

1. Правоотношения между судом и стороной, которая проиграла суд. Содержание данных отношений включает в себя реализацию этой стороной конкретной или признанной в судебном постановлении обязанности, происходящей из сущности материального правоотношения.

2. Правоотношения между судом и органами и лицами, которые должны следить за выполнением (принудительным выполнением) постановлений суда.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 2. (ред. от 23.06.2015); Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 9.

3. Правоотношения между судом и всеми другими субъектами, которые должны воздержаться от поведения, усложняющего исполнение постановления суда¹⁰.

Мы склонны разделять приведенную классификацию общественных правоотношений, наступающих при осуществлении принципа обязательного характера постановлений суда. Однако, как нам представляется, эта классификация должна быть конкретизирована и откорректирована. В частности, при выделении первой категории общественных правоотношений исследователь, видимо, не учитывает, что адресатом постановления суда не всегда выступает сторона, которая проиграла дело. К примеру, в делах о выявлении юридически значимых фактов проигравших в принципе не бывает. Но вместо проигравшей стороны могут предусматриваться другие субъекты, которым адресовано постановление суда. Эти субъекты могут быть представлены органами ЗАГСа, нотариусом, который занимается ведением дела о наследстве, и пр.

Вторая категория рассматриваемых правоотношений, судя по всему, связана с деятельностью, реализуемой судебными приставами. Также в эту категорию можно включить работников банков и кредитных учреждений в процессе обеспечения исполнения арестов счетов, бухгалтерию учреждения, если взыскание обращено на выплату зарплаты работникам. В этой категории, как нам представляется, следует также выделить сторону, в чью пользу суд выносит свое решение. Обычно данный участник общественных правоотношений больше остальных заинтересован в том, чтобы исполнить принцип обязательного характера постановления суда. Процессуальное значение этого лица потребует включить его в данную категорию общественных правоотношений совместно с остальными лицами.

¹⁰ Князьков М.А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – С. 60.

Третью категорию общественных правоотношений исследователь описал, по нашему мнению, максимально полно.

Подводя итоги параграфа, мы можем сделать ряд важных выводов.

1. Существующими нормативными установлениями, закрепляющими обязательный характер постановлений суда, формируется их единая система. Некоторые из их предпосылок включает в себя Конституция РФ. Они регламентируются как на общеправовом уровне, так и в отраслевом законодательстве и на уровне отраслевого правового регулирования. Подобная структура норм, закрепляющих обязательный характер исполнения постановлений суда, не только указывает на важность данных правоотношений, но и в значительной мере сказывается на реальном осуществлении этого принципа.

2. Законодательные нормы, закрепляющие обязательный характер исполнения постановлений суда, имеет силу прямого действия. В законодательстве отсутствуют какие бы то ни было помехи к непосредственному применению соответствующего требования.

3. С точки зрения обязательного характера исполнения постановления суда имеют некоторые качества, свойственные закону. Причем постановления суда зачастую по уровню обязательности оказываются выше правоприменительных актов, принимаемых исполнительными органами.

4. Обязательный характер исполнения постановлений суда обусловлен значимостью решаемых вопросов и предусмотренной исключительной прерогативой суда являться арбитром при разрешении споров. Решение, которое выносит суд, носит окончательный, властный и независимый характер.

5. Обязательный характер исполнения постановлений суда каждым субъектом правоотношений выражается, помимо прочего, в том, что такой субъект не может отказаться от выполнения по любым причинам, в т. ч. формальным.

6. Специальные юридические качества обязательного характера исполнения постановления суда выражаются также в том, что данный принцип действует в том числе в отношении судебных органов.

1.2. Общественная опасность преступлений в сфере исполнения судебных постановлений

Общественная опасность представляет собой основополагающий признак преступного деяния. Именно его используют как определяющий, устанавливая обоснованность криминализации содеянного. Анализ свойств и характеристик общественной опасности в том числе позволяет полностью уяснить социально-юридическую природу посягательства.

Ранее мы говорили о том, что преступления в области неисполнения постановлений суда направлены против одного из основных принципов отправления правосудия: обязательный характер исполнения постановлений суда. Полагаем, что подобная нацеленность преступления сама по себе уже говорит об определенной степени общественной опасности. Подобные посягательства способны подорвать устои правосудия. А значит, необходимо бороться с ними, используя в т. ч. уголовно-правовые инструменты.

Проанализировав имеющиеся уголовно-правовые нормы, закрепляющие ответственность за невыполнение постановлений суда, мы можем сделать следующий вывод. Законодатель в данном аспекте ставит акцент главным образом на обязательном характере исполнения постановлений суда именно по уголовным делам. На это указывает тот факт, что некоторые положения в этой области относятся только к исполнению постановлений суда по уголовным делам. Что касается ответственности за невыполнение постановлений по делам других категорий, то ее регулирует меньшее количество положений и, что важно, во всех случаях наряду с уголовно-правовыми запрещениями. В частности, к положениям об ответственности за невыполне-

ние постановлений суда в уголовно-правовых отношениях следует отнести нормы, закрепляющие ответственность за противоправные действия, направленные на имущество, которое подлежит изъятию (часть 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ), за побег из мест лишения свободы, из-под ареста либо из-под стражи (статья 313 Уголовного кодекса РФ), за попытки уклониться от отбывания ограничения и лишения свободы, а также от реализации принудительных медицинских мер (статья 314 Уголовного кодекса РФ), за попытки уклониться от административного надзора либо многократное нарушение закрепленных судом на основании федерального законодательства ограничений (статья 314¹ Уголовного кодекса РФ). При этом уголовно-правовые запреты на неправомерные действия по отношению к имуществу, которое было арестовано или описано (часть 1 статьи 312 Уголовного кодекса РФ), а также невыполнение судебных решений, приговоров и других судебных актов (статья 315 Уголовного кодекса РФ) связаны со сферой уголовно-правовых, административно-правовых и гражданско-правовых отношений.

Полагаем, что подобное установление норм обусловлено двумя главными факторами. Прежде всего, исполнение постановлений суда по уголовному делу и производным от этих постановлений (примером может служить административный надзор) в основном связано с более важной областью правовых отношений. Кроме того, это определяется особенностью постановлений суда, которым свойственно разнообразие принимаемых процессуальных решений, в отношении которых необходим дифференцированный подход.

При этом исходное положение при описании степени общественной опасности посягательств в сфере невыполнения постановлений суда заключается в их общем свойстве наносить ущерб правоотношениям правосудия, той их части, которая определяется исполнением судебных решений, приговоров и постановлений. Если не исполняется постановление суда, авторитет

судебной ветви власти снижается, граждане перестают доверять государственным органам управления. Также это способствует дестабилизации значения закона и легитимных способов урегулирования конфликтов и споров. Всё это в совокупности представляет угрозу нормальному функционированию государства, социума и каждого гражданина в отдельности.¹¹

Необходимо отметить, что неисполнение постановлений суда не просто подрывает доверие к справедливости государственных органов, но и представляет собой существенный конфликтогенный фактор. Это обусловлено тем, что, в сущности, неисполнение постановления суда является неразрешенным конфликтом сторон, участвующих в гражданско-правовом споре: государства, субъекта совершенного посягательства и пр. Данные факторы способны не только продлить имеющуюся спорную ситуацию, но и привести к новым инцидентам. Человек, чье право было нарушено и не восстановлено, нередко склонен использовать неправовые методы урегулирования конфликта.

В частности, статья 312 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за невыполнение постановления суда, которое было вынесено по разным категориям дел. Часть 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ регулирует наказуемость только в связи с невыполнением постановления суда по уголовным делам. При этом, согласно части 1 статьи 312 Уголовного кодекса РФ, возможна квалификация фактов невыполнения постановлений суда по всем видам судопроизводства. Законодатель считает, что посягательство, предусмотренное в части 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ, несет в себе большую общественную опасность, так как, помимо указанной области правосудия, оно затрагивает итоговые решения суда. В свою очередь, посягательства, которые запрещаются на основании части 1 статьи 312 Уголовного

¹¹ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 22-23.

кодекса РФ, главным образом затрагивают промежуточные постановления суда, которые не решают дело по существу.

В частности, суд признал Б. виновным в неправомерной передаче арестованного и описанного имущества. При этом Б. являлся лицом, которому вверили данное имущество. Посягательство было совершено в следующих обстоятельствах. Б., который являлся должником на основании судебного приказа мирового судьи об уплате в пользу Межрайонной ИФНС недоимок и пеней по транспортному налогу в совокупном объеме 92 428,92 рублей, что стало основанием для возбуждения исполнительного производства, были вверены на правах ответственного хранения, не предусматривающего право пользования, автомашина марки МАЗ 5516А8-338 и прицеп самосвал МАЗ 856102-010, которые были описаны и арестованы. Арест наложил начальник отдела, старший судебный пристав Новооскольского районного отделения судебных приставов УФССП России по Белгородской области. В частности, он составил необходимые акты и оповестил Б. под роспись об уголовной ответственности по статье 312 Уголовного кодекса РФ, в т. ч. за преступления в виде незаконной передачи, отчуждения и растраты арестованного имущества.

Невзирая на это, Б. как субъект, которому было передано на хранение арестованное имущество, намеренно, с корыстной целью, зная, что понесет за это уголовную ответственность по статье 312 Уголовного кодекса РФ, действуя неправомерно, отдал перечисленное выше имущество неустановленному лицу. При этом он не оповестил лицо, о том, что данное имущество описано и арестовано, собираясь впоследствии сбыть его и получить денежные средства на свои персональные нужды¹².

Приведенный пример указывает на то, что невыполнение постановления суда или осложняет возможность восстановить в судебном порядке

¹²Приговор Новооскольского районного суда Белгородской области от 17.02.2020 по уголовному делу № 1-10/2020 / Официальный сайт Новооскольского районного суда Белгородской области / URL: <https://novooskolsky--blg.sudrf.ru/> (дата обращения 29.02.2020).

нарушенные права, или вообще исключает эту возможность. В рассматриваемой ситуации оценке был подвергнут вопрос относительно интересов государства, представленного налоговыми органами.

В статье 315 УК РФ, которая тоже предусматривает ответственность за невыполнение постановления суда по всем видам судебного производства, законодатель приводит дифференцированную оценку степени общественной опасности. При этом он использует уже не признаки области правосудия, а зависимость от субъекта посягательства. Наименее суровое наказание закрепляется для субъекта, у которого отсутствуют специальные признаки (часть 1 статьи 315 Уголовного кодекса РФ). Более суровое наказание предусматривается за случаи злостного неисполнения со стороны представителей муниципальных либо государственных учреждений, коммерческих и других предприятий, муниципальных и государственных служащих, представителей власти вступившего в законную силу судебного постановления, а также за случаи воспрепятствования его исполнению (часть 2 статьи 315 Уголовного кодекса РФ).

Если степень общественной опасности невыполнения постановлений суда в административном и гражданском процессе обусловлена в основном подрывом авторитета суда и невозможностью восстановить нарушенные права, то в уголовном процессе существует еще ряд факторов. Так, невыполнение постановления суда по уголовным делам, как правило, сопряжено с посягательством на важную функцию, реализуемую уголовным правом, – предупреждение преступных деяний - и на функцию исправления виновного, которая относится к сфере уголовно-исполнительного права.

В качестве примера можно привести уголовно-правовую норму, закрепляющую ответственность за побег из мест лишения свободы, из-под ареста (стражи) (статья 313 Уголовного кодекса РФ). По словам В.А. Новикова, степень общественной опасности побега определяется тем, что он не позволяет исполнить судебное решение или меру государственного принуждения,

достичь установленных целей лишения свободы и ареста. Также подобные действия способствуют подрыву авторитета органов, представляющих УИС, а также органов, осуществляющих предварительное расследование. Такие преступники, вырвавшись на свободу, зачастую решаются на совершение новых посягательств¹³.

Необходимо подчеркнуть, что именно риск того, что такие преступники могут осуществить новые посягательства, существенно повышает общественную опасность деяний в сфере невыполнения постановлений суда, выносимых по уголовным делам. Этот факт представляет собой характерную черту невыполнения постановлений суда по данной категории дел, отличающую это деяние от аналогичных посягательств в других областях судебного процесса.

На этом основании положения, закрепляющие ответственность за невыполнение постановлений суда по уголовным делам, необходимо рассматривать как нормы, обеспечивающие двойную превенцию. Они дают возможность бороться не только с этим преступлением, но и с иными общественно опасными действиями, которые могут быть осуществлены при неисполнении постановлений суда.

Названные факторы, конечно, влияют на общественную опасность неисполнения постановлений суда в области уголовного процесса. Но бывает так, что уровень общественной опасности побега из-под стражи, ареста и из мест лишения свободы возрастает, если речь идет о насильственном способе осуществления этого деяния (часть 3 статьи 313 Уголовного кодекса РФ).

Аналогичные характеристики свойственны общественной опасности и посягательств, закрепленных статьями 314 и 314¹ Уголовного кодекса РФ. Следует сказать о том, что в одном из названных положений акцент делается на предупреждении осуществления новых деяний. В частности, на основании

¹³ Преступления против правосудия / Под ред. канд. юрид. наук. А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2005. – С. 299.

части 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, уголовно-правовое запрещение предусматривается за попытку уклонения субъекта, у которого диагностировано расстройство сексуальных предпочтений (педофила), не исключающее вменяемости, от применения в отношении него принудительных медицинских мер. Мы считаем несомненным тот факт, что законодателем это положение было сформировано прежде всего для того, чтобы обеспечить дополнительные средства борьбы с совершением посягательств, направленных на половую неприкосновенность не достигших совершеннолетия лиц.

Специфика посягательств в области реализации постановлений суда заключается в законодательной конструкции объективной стороны. Соответствующие составы посягательств – формальные. Это означает, что законодатель не склонен увязывать возникновение уголовной ответственности с возникновением того или иного общественно опасного результата. Но это не говорит о том, что невыполнение постановлений суда не наносит ущерб. Ущерб, наносимый интересам правосудия, как нам представляется, имеет место априори. Более того, в некоторых обстоятельствах такое невыполнение может способствовать нанесению очень значительного реального вреда.

Определение КС РФ от 26.10.2017 № 2257-О указывает на то, что в качестве основания для наступления уголовной ответственности выступает, в соответствии со статьей 8 Уголовного кодекса РФ, осуществление посягательства со всеми признаками состава, закрепленного Кодексом. При этом общественно опасные последствия содеянного, в зависимости от того, является ли конструкция состава формальной или материальной, могут не являться обязательными признаками¹⁴. Если указания на эти последствия в соответствующей статье Особенной части УК как на признак устанавливаемого ею

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.04.2015 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта "а" части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Кряжева» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 4.

посягательства отсутствуют, это не значит, что его осуществление не наносит ущерб или не представляет реальную угрозу его нанесения. В правовой структуре РФ посягательство, в отличие от остальных нарушений, характеризуется криминальной общественной опасностью. Если она отсутствует, то даже посягательство, которое формально подпадает под признаки деяния, влекущего уголовную ответственность, по причине своей малозначительности не может рассматриваться как таковое (часть 2 статьи 14 УК РФ).

Федеральным законодателем в пределах его полномочий при установлении содержания уголовного закона предусматривается преступный характер разнообразных деяний, представляющих общественную опасность, их наказуемость и условия привлечения преступников к ответственности. Законодатель также принимает во внимание распространенность подобных деяний, важность ценностей, которые защищает закон и против которых они направлены, и значительность наносимого ими ущерба¹⁵. По этой причине в части 1 статьи 73 УПК РФ говорится, что в качестве подлежащего доказыванию обстоятельства, помимо события посягательства (пункт 1), выступают характер и объем ущерба, нанесенного содеянным (пункт 4).

Общественно опасный результат посягательства в виде установленного в количественном, т.е. стоимостном, и другом выражении ущерба, который был нанесен или на нанесение которого был направлен умысел преступника, может рассматриваться как предусмотренный в норме соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ признак, выяснение которого

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Собрание законодательства РФ. – 11.07.2005. – № 28. – Ст. 2904; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 2.

позволяет правильно квалифицировать деяние, в т. ч. в части, устанавливающей более жесткое наказание, а может рассматриваться как обстоятельство, отягчающее вину (пункт «б» ч.1 ст. 63 УК РФ). При этом данный признак не влияет на квалификацию содеянного.^{16,17}

В данном положении говорится об уголовно-правовом значении ущерба, наносимого посягательством. И даже если общественно опасный результат не является частью конструкции определенного состава, суд обязательно должен принять их во внимание, назначая наказание. Также отметим, что ущерб от посягательства всегда указывает на его общественную опасность.

Каждое деяние, посягающее на принцип обязательного исполнения постановления суда, прежде всего, направлено против интересов правосудия в конкретной области. Впоследствии ущерб конкретизируется в зависимости от содержательного аспекта данного посягательства. Возможный ущерб является особенно вариативным, если совершается посягательство, регламентируемое статьей 315 Уголовного кодекса РФ. Это преступление может нанести ущерб разного вида и размера – все зависит от сути правового спора, который разрешается в данном судебном процессе.

Посягательство, закрепленное частью 1 статьи 312 УК РФ, способствует формированию потенциальной опасности последующего исполнения су-

¹⁶Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2016 № 4-О «По жалобе гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД "Об объявлении амнистии"» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2016. – № 3; Определение Конституционного Суда РФ от 11.10.2016 № 2164-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Еременко Тамары Александровны и Кривцова Евгения Валерьевича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 3.

¹⁷Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение её конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года N 323-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

дебного решения. Наличествующая опасность и реальный вред, ущерб в основном характеризуются материальным выражением. Ущерб имущественным интересам наносится и тогда, когда совершается посягательство, регулируемое частью 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ.

Следует отметить, что невыполнение постановлений суда в области уголовного права не имеет такого строго выраженного ущерба. Бывает, что в судебных приговорах по рассматриваемой категории дел говорится о том, что виновным был нарушен режим пребывания в месте лишения свободы как результат совершенного им посягательства. Но мы считаем, что нарушение распорядка едва ли является нанесением ущерба. Это следует рассматривать в качестве определенного правового состояния.

Ранее мы говорили о том, что рассматриваемые посягательства формируют угрозу последующих противоправных действий преступников. Считаем, что данный факт, разумеется, в большой степени сказывается на характеристике общественной опасности невыполнения постановлений суда в сфере уголовного права. Однако оснований, позволяющих рассматривать данную угрозу и даже результаты ее осуществления как непосредственный и прямой ущерб от этих посягательств, как нам представляется, нет.

На основании вышеизложенного можно сделать ряд выводов:

1. Все сказанное говорит о вполне достаточном для целей криминализации уровне общественной опасности посягательств в сфере невыполнения постановлений суда. Данные посягательства направлены против одного из основополагающих принципов правосудия – обязательный характер исполнения постановлений суда. Это важное обстоятельство, указывающее на их общественную опасность.

2. Преступное невыполнение постановления суда обусловлено неполным урегулированием сложившегося правового спора, что усугубляет или продолжает его.

3. Характер общественной опасности рассматриваемых посягательств обусловлен тем, что они относятся к нормам общего права, предусматривающим обязательный характер постановлений суда, или же к посягательствам, проявляющимся в невыполнении таких постановлений в сфере уголовного права. Первые зачастую наносят существенный имущественный ущерб или формируют риск его нанесения. Кроме того, в них заложен потенциал нанесения другого ущерба. Преступное невыполнение постановлений суда в области уголовного права не приводит к прямому и непосредственному ущербу, но формирует опасность последующей противоправной деятельности преступника.

1.3. Зарубежный опыт криминализации деяний, связанных с неисполнением судебных постановлений

Сравнительно-правовое исследование уголовно-правовых свойств определенного посягательства или группы посягательств является весьма интересным с научной точки зрения. Это позволяет оценить нормы современного отечественного законодательства и сопоставить их с аналогичными нормами законодательства других стран. Также это предоставляет возможности определить оптимальные механизмы и средства уголовно-правовой защиты конкретной области общественных правоотношений.

Как правило, при проведении уголовно-правового сравнительного анализа необходимо в первую очередь рассмотреть постсоветское пространство. Страны, входившие в состав СССР, воспроизводят в нынешнем уголовном законодательстве ряд уголовно-правовых идей советского периода. Многие государства совершенствуют свое уголовное законодательство одновременно с российским. Однако бывают случаи, когда законодатель других государств весьма оригинально подходит к вопросам правового регулирования ответственности за осуществление преступлений.

В Уголовном кодексе Белоруссии устанавливается ответственность за невыполнение постановлений суда и при этом закрепляется более широкий перечень положений. Это расширение потребовалось потому, что законодатель решил увеличить число норм об ответственности за невыполнение постановлений суда в сфере уголовного права. К примеру, самостоятельная статья белорусского Уголовного кодекса закрепляет ответственность лишь за преступление в виде побега из исправительного заведения, реализующего наказание в виде лишения свободы, арестных домов либо из-под стражи (статья 413). Кроме того, речь в белорусском уголовном кодексе идет об уклонении от отбывания лишения свободы либо ареста (статья 414) и ограничения свободы (статья 415), нарушении требований профилактического

надзора (статья 421), уклонении от такого надзора (статья 422), а также об уклонении от исполнения наказания в виде исправительных работ (статья 416), общественных работ (ст. 419), невыполнении приговора суда, лишаящего право на занятие конкретных должностей или осуществление конкретных видов деятельности (статья 417), уклонении от выплаты штрафа (статья 418), воспрепятствовании изъятию имущества (статья 420)¹⁸.

Рассматривая положения УК Белоруссии, закрепляющие ответственность за уклонение от исполнения наказаний, не подразумевающих лишение свободы, следует подчеркнуть следующее. Известно, что в отечественном уголовном законодательстве уклонение от исполнения названных видов наказания не формирует отдельный состав посягательства. Однако неотбытую часть наказания суд может заменить более суровым наказанием. Сравнив эти положения, мы можем сделать вывод, что уголовно-правовые последствия уклонения от названных видов наказания являются схожими. С другой же стороны, в отечественном механизме отсутствует непосредственный санкционный элемент. Замену наказания можно рассматривать как своего рода техническую процедуру. И побег из места лишения свободы является не чем иным, как попыткой уклониться от исполнения лишения свободы, а значит, он формирует состав посягательства, тогда как уклонение от остальных разновидностей наказания не носит криминального характера.

На этом основании необходимо отметить, что законодателем Белоруссии установлена более жесткая система ответственности за неисполнение постановлений суда в сфере уголовных наказаний. Полагаем, что этот опыт можно вполне эффективно внедрить в российское уголовное законодательство.

¹⁸ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11 ноября 2019 г.) / Информационная система «ПА-РАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 21.12.2019).

Кроме того, в законодательстве Белоруссии уголовно-правовое запрещение неисполнения постановления суда указывается в единственном числе. Согласно белорусскому УК, наказание должно быть назначено в случае, если должностное лицо не выполнило вступивший в силу приговор суда, решение и другой судебный акт или пыталось воспрепятствовать их исполнению (статья 423)¹⁹. Отличительная черта этой уголовно-правовой нормы состоит в том, что в ней отсутствует такой признак, как злостность. Мы считаем, это весьма положительный момент. Негативная сторона этого положения состоит в том, что в качестве специального субъекта выступают только должностные лица. В соответствующем положении отечественного уголовного законодательства (часть 2 статьи 315 Уголовного кодекса РФ) в качестве субъекта, помимо должностного лица, рассматриваются работники коммерческих и других организаций.

Нормы, закрепляющие ответственность за неисполнение постановления суда, близкие российским, предусматривает Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. В нем закрепляется и побег, и общее положение, закрепляющее ответственность за неисполнение постановлений суда. На основании статьи 306 азербайджанского Уголовного кодекса, ответственность наступает в случае злостного неисполнения судебных приказов, постановлений, приговоров или определений, которые вступили в законную силу, а также попытки воспрепятствовать их реализации. Следует подчеркнуть, что те или иные признаки субъекта посягательства не рассматриваются как условие возникновения уголовной ответственности по данной статье.

Однако среди положений, закрепляющих ответственность за неисполнение постановлений суда, нет уголовно-правовых запрещений в сфере ад-

¹⁹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11 ноября 2019 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 21.12.2019).

министративного, или превентивного, надзора. Нет также и аналога посягательства, предусмотренного статьей 312 Уголовного кодекса РФ²⁰.

Довольно нетрадиционный подход наблюдается в новом Уголовном кодексе Кыргызской Республики (2017 г.). В первую очередь это относится к системным и структурным аспектам. Прежде всего, следует сказать о том, что в рассматриваемом законодательстве самостоятельная глава посвящается посягательствам, направленным против исполнения решений и актов суда и другой исполнительной документации (гл. 47). Однако в ней предусмотрены и посягательства, объектом которых выступает обязательный характер исполнения постановлений суда: в форме самовольного оставления мест лишения свободы или побега из-под стражи (статья 349), уклонения от исполнения наказаний в виде лишения свободы (статья 350), неисполнение судебных приговоров лицами, которые были осуждены к штрафу (статья 351), а также посягательства, имеющие лишь косвенное отношение к неисполнению постановления суда, в форме угрозы либо насилия по отношению к представителю уголовно-исполнительной системы (статья 352). Также закрепляется групповое неподчинение требованиям работника УИС (статья 353), угроза либо насилие по отношению к судебному исполнителю (статья 354).

Одновременно с этим общественно опасное посягательство в виде противоправных действий, направленных на арестованное или описанное имущество или подлежащее изъятию (статья 361), кыргызский законодатель поместил в главу о посягательствах, направленных на порядок управления²¹.

Возможно, в качестве основания, позволяющего не включать названную статью в главу о посягательствах, направленных на исполнение судеб-

²⁰ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09 июля 2019 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 20.12.2019).

²¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 02 февраля 2017 г. № 19 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03 апреля 2020 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 20.04.2020).

ных решений и другой исполнительной документации, выступает стремление расширить криминализацию этого посягательства. Включение этого положения в главу о посягательствах, направленных на правосудие, как это происходит в российском Уголовном Кодексе, сужает область ее действия описью и судебным арестом имущества. А значит, противоправные действия, направленные на арестованное или описанное административными органами (такими как налоговая инспекция) имущество, не могут рассматриваться в качестве посягательства на правосудие.

Уголовный кодекс Республики Молдова включает в себя положения, которыми закрепляется уголовная ответственность за неисполнение постановления суда. Эти нормы схожи с российскими положениями. Среди характерных черт законодательства Молдовы укажем на расширенную криминализацию неисполнения постановлений суда в общеправовой области. В рассматриваемом УК присутствует криминализация неисполнения постановления суда после того, как лицу было назначено наказание за совершение правонарушения. Это говорит о том, что при конструировании нормы законодатель применил административную преюдицию. При этом не нужны признаки, указывающие на специальный субъект или на злостный характер неисполнения (статья 320). Если данное посягательство совершило должностное лицо, это означает наличие квалифицированного вида состава «Неисполнение решения судебных инстанций» (часть 2 статьи 320).

Специальный вид рассматриваемого посягательства представлен деянием, закрепленным статьей 320-1 молдавского Уголовного кодекса, норма которой устанавливает, что намеренное неисполнение либо уклонение от исполнения мер защиты жертвы семейного насилия, предусмотренных судебной инстанцией в рамках защитного предписания, подлежит наказанию...²².

²² Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12 марта 2020 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 18.04.2020).

Таким образом законодатель Молдовы указывает на важность уголовно-паровой защиты правоотношений, наступающих в отношении защиты жертвы семейного насилия.

Если рассматривать нормы УК Таджикистана, предусматривающие ответственность за невыполнение постановлений суда, то можно отметить, что в общем они аналогичны соответствующим нормам российского Уголовного кодекса. Специфика, о которой стоит сказать отдельно, заключается в том, что статья о побеге закрепляет примечание, устанавливающее особое основание, позволяющее освободить лицо от уголовной ответственности. В частности, в примечании говорится, что субъект, который добровольно вернулся в место лишения свободы либо под стражу, не понесет уголовную ответственность за побег при условии, что в его действиях нет состава другого посягательства²³.

Указанные обстоятельства зачастую на самом деле в большой степени сказываются на степени общественной опасности побега. Это воздействие, как мы считаем, может исключать посягательства из состава преступных. К примеру, это может относиться к случаям, когда виновный оставил колонию-поселение и в скором времени вернулся туда. В соответствии с отечественным законодательством, такие действия могут квалифицироваться в качестве малозначительного деяния (часть 2 статьи 14 Уголовного кодекса РФ). Считаем, что данное примечание вполне обоснованно, и данный аспект можно задействовать, разрабатывая пути оптимизации российского уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за неисполнение постановления суда.

Положения, закрепляющие такую ответственность, в Уголовном кодексе Туркменистана, по содержанию аналогичны нормам российского законо-

²³ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02 января 2020 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 11.02.2020).

дательства²⁴. Также нет отличий в содержании положений, закрепляющих обязательный характер исполнения постановлений суда, в Уголовном кодексе Республики Узбекистан. Однако последний нормативно-правовой акт предусматривает немного другой подход к установлению места уголовно-правовых запрещений на побег (статья 222) и нарушение правил превентивного надзора (статья 226). Эти нормы включены в главу о посягательствах, направленных на порядок управления²⁵.

Если рассматривать уголовное законодательство государств дальнего зарубежья, то как правило, в нем нет столько положений, закрепляющих ответственность за неисполнение постановлений суда. Практически во всех странах предусмотрено уголовно-правовое запрещение на побег.

В частности, Закон об уголовном праве Израиля рассматривает как уголовное преступление и побег, и тайное переправление виновного. В частности, подчеркивается, что тот, кто способствует тайной переправке преступника, а значит, посягает на совершение такого переправления преступника из места пребывания под стражей, где он пребывает на законных основаниях, подлежит наказанию...»²⁶.

Уголовная ответственность наступает и за совершение определенных действий, которые препятствуют процессу ареста и описи имущества. В частности, на основании статьи 264 Закона об уголовном праве Израиля субъект, получающий имущество, пытается удалить, спрятать его или совершить в отношении данного имущества иные действия, понимая, что на него наложен арест и оно подлежит конфискации по решению суда, стремясь

²⁴ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30 ноября 2019 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 28.01.2020).

²⁵ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26 марта 2020 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 14.02.2020).

²⁶ Закон об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита: магистр права М. Дорфман; науч. ред. к.ю.н. Н.И. Мацнев. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 245-247.

воспрепятствовать аресту данного имущества, а следовательно исполнению соответствующего судебного предписания, подлежит наказанию...»²⁷.

Довольно детально ответственность за рассматриваемые посягательства закрепляется Уголовным кодексом Республики Болгария. Наряду с положениями, предусматривающими ответственность за совершение побега (статья 297), УК закрепляет статью, устанавливающую самовольный уход из мест обязательного поселения (статья 300). Причем в части (2) статьи 300 содержится оговорка, согласно которой, после того как человек отбудет наказание в виде лишения свободы, он должен отбыть также неотбытую часть срока обязательного поселения, установленного в первом судебном решении²⁸. Полагаем, что здесь можно провести аналогию с механизмом отбывания наказаний в колониях-поселениях на основании законодательства РФ. В соответствии с УК Болгарии, преступление в виде самовольного оставления мест лишения свободы формирует привилегированный состав по отношению к побегу. Мы считаем, что данное законодательное установление совершенно обоснованно. Считаем, что данная практика должна быть изучена и впоследствии имплементирована уголовным законодательством России.

УК Болгарии предусматривает самостоятельную норму, которая закрепляет ответственность за особый вид неисполнения постановлений суда. В частности, в ней говорится, что если тот, кто обязан реализовать денежные обязательства в отношении кредитора на основании решения суда не сделает этого на протяжении года с того момента, как оно вступит в силу, невзирая на то, что у него имеется имущество и денежные средства, подлежит наказа-

²⁷ Закон об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита: магистр права М. Дорфман; науч. ред. к.ю.н. Н.И. Мацнев. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 249.

²⁸ Уголовный кодекс Республики Болгария / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 02.02.2020).

нию ...²⁹. Следует отметить, что, по большому счету, своеобразным аналогом злостности как признака неисполнения постановления суда (часть 2 статьи 315 Уголовного кодекса РФ) в данном случае представлен временной отрезок длиной в 1 год.

Нехарактерное для уголовного законодательства РФ положение предусмотрено статьей 295 Уголовного кодекса Республики Болгария. В нем, в частности, говорится, что представитель властных органов, который пытается освободить человека от наказания либо помешать его реализации и на этом основании не исполняет вступившее в законную силу постановление, если по своим служебным обязанностям он должен предпринять все меры для того, чтобы привести постановление в исполнение, подлежит наказанию ...³⁰. Понятно, что в данных обстоятельствах также регулируется ответственность за неисполнение постановления суда. Но в уголовном законодательстве РФ такие действия достаточно полно охвачены составами должностных посягательств (речь идет о злоупотреблении и превышении служебных полномочий).

В Уголовном кодексе Турции в составе норм, предусматривающих ответственность за совершение побега, законодатель устанавливает отдельное основание, которое может смягчить вину. Это условие, что виновный, который сбежал из места отбывания лишения свободы, вернется и сдастся соответствующим органам на протяжении 15 суток без принуждения и давления со стороны, то наказание... может быть назначено в объеме одной шестой

²⁹ Уголовный кодекс Республики Болгария / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 02.02.2020).

³⁰ Уголовный кодекс Республики Болгария / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 02.02.2020).

части³¹ (статья 300). Как мы подчеркивали ранее, таджикское уголовное законодательство предусматривает в некоторой мере похожие нормы.

Турецкий уголовный кодекс, наряду со всем остальным, закрепляет положения, устанавливающие ответственность разных должностных лиц за помощь в побеге, в т. ч. непреднамеренную.³²

Своеобразные положения относительно рассматриваемого нами института предусматриваются уголовным законодательством Франции. К примеру, как отдельный вид побега законодатель называет нейтрализацию устройства, которое на расстоянии определяет нахождение или отсутствие преступника в месте, которое избрал судья (пункт 4 статьи 434-29)³³. Учитывая развитие инновационных систем контроля за перемещением, в т. ч. в области правоохранения, этот момент представляется нам весьма актуальным и интересным.

В соответствии с уголовными законодательствами таких стран, как Германия, Республика Польша, КНР, разные виды неисполнения постановления суда тоже рассматриваются как преступления. Но с точки зрения содержания у них отсутствуют значительные отличия от российского уголовного законодательства³⁴.

³¹ Уголовный кодекс Турции / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 30.01.2020).

³² Уголовный кодекс Турции / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 30.01.2020).

³³ Уголовный кодекс Франции / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 28.01.2020).

³⁴ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 15.04.2020); Уголовный кодекс Республики Польша / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 22.03.2020); Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Официальный сайт Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации // URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения 15.02.2020).

Подытоживая сравнительный анализ уголовного законодательства других стран, предусматривающего ответственность за неисполнение постановлений суда, мы можем заключить следующее.

1. Неисполнение постановления суда подлежит криминализации в разной степени практически во всех уголовных законодательствах, проанализированных нами. Это говорит о практически международном признании потребности в беспрекословном соблюдении принципа, провозглашающего обязательный характер исполнения постановлений суда, а также уголовном преследовании попыток уклониться от этого принципа.

2. Проведенный нами сравнительный анализ не обнаружил ни одного кодекса, в котором бы отсутствовала уголовная ответственность за побег. Среди специальных характеристик данного уголовно-правового запрещения в законодательствах разных государств можно выделить несколько аспектов:

- подлежат криминализации противоправные манипуляции с электронными приборами, позволяющими отслеживать перемещение людей, которые используются в правоохранительных целях (Уголовный кодекс Франции);

- уголовная ответственность подразделяется по такому основанию, как вид мест лишения свободы. Так, может быть установлена облегченная ответственность за случаи самовольного оставления специального пенитенциарного поселения (Уголовный кодекс Республики Болгария);

- в уголовном законодательстве некоторых стран факт добровольного возвращения преступника, который совершил побег, рассматривается как обстоятельство, позволяющее освободить его при соблюдении некоторых условий от уголовного преследования (Уголовный кодекс Республики Таджикистан) либо уменьшить наказание (Уголовный кодекс Турции);

3. В некоторых государствах законодатель предусматривает более широкую, по сравнению с Россией, криминализацию случаев неисполнения постановлений суда в уголовно-правовой области. Так, в УК Республики Беларусь уголовно-правовое запрещение применяется в отношении как уклоне-

ния от исполнения наказания в виде ограничения и лишения свободы, так и от остальных его видов;

4) общие положения, закрепляющие ответственность за невыполнение постановлений суда (аналогичные части 2 статьи 315 Уголовного кодекса РФ), как правило, демонстрируют более расширенную криминализацию посягательств в данной области: нет такого признака, как злостное уклонение от неисполнения постановления суда; не нужны признаки, указывающие на специальный субъект (Уголовный кодекс Азербайджанской Республики). При этом зачастую при конструировании анализируемого посягательства законодатель использует административную преюдицию (Уголовный кодекс Республики Молдова).

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

2.1. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации

Прежде чем приводить характеристику того или иного посягательства, необходимо проанализировать признаки его объекта. Это вызвано тем, что объект состава посягательства представляет собой ту его составляющую, которая является основной в процессе квалификации содеянного. Сказанное касается в том числе объекта такого преступления, как противоправные действия, осуществляемые с арестованным или описанным имуществом, а также имуществом, подлежащим изъятию.

Так как норма уголовного права, закрепленная статьей 312 Уголовного кодекса РФ, включена в главу 31 «Преступления против правосудия», в качестве видового объекта анализируемого посягательства следует рассматривать интересы правосудия. Как правило, в уголовно-правовой науке данный факт считается бесспорным. Если рассматривать непосредственный объект этого посягательства, то в юридических источниках можно найти разные взгляды на его природу и содержание.

В частности, по мнению А.В. Бриллиантова и Н.Р. Косевича, в качестве главного и непосредственного объекта анализируемых посягательств следует рассматривать интересы правосудия³⁵. Необходимо подчеркнуть, что такой подход к непосредственному объекту посягательства, регулируемого статьей 312 Уголовного кодекса РФ, является весьма распространенным. При этом, как мы считаем, он чрезмерно упрощен, потому что исследователи демон-

³⁵Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 424.

стрируют тенденцию к отождествлению основного и видового объектов. Как нам представляется, в этом случае имеются возможности, позволяющие уточнить свойства непосредственного объекта посягательства. Получение более конкретного представления о нем позволит максимально точно и правильно квалифицировать содеянное.

По мнению Л.В. Иногамовой-Хегай, в качестве главного непосредственного объекта посягательства выступают общественные правоотношения, способствующие нормальному и качественному функционированию органов, исполняющих постановление суда, связанное с арестом имущества либо финансовых ресурсов, а также специальным изъятием имущества³⁶. И.В. Дворянсков отмечает, что посягательство, закрепленное статьей 312 Уголовного кодекса РФ, направлено против интересов судебных органов власти в отношении исполнения постановления суда относительно ареста, описи либо изъятия имущества либо финансовых ресурсов, т.е. вкладов³⁷.

Очевидным является тот факт, что противоправные действия, направленные на арестованное, описанное либо подлежащее изъятию имущество, направлены против нормального функционирования государственных органов в отношении исполнения постановления суда. При этом сущность соответствующих общественных правоотношений, которыми формируется непосредственный объект анализируемого посягательства, можно представить по-другому. К примеру, как отмечает Д.Ю. Виноградов, «в качестве главного непосредственного объекта подобных посягательств выступают правоотношения, которым наносится ущерб нарушением предусмотренных правил хранения описанного, арестованного и подлежащего изъятию в связи с реа-

³⁶Преступления против правосудия / Под ред. канд. юрид. наук А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2005. – С. 285.

³⁷Дворянсков И.В. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право». Томск, 19-20 апреля 2018 г. Под общей редакцией В.А. Уткина. – С. 116.

лизацией судебного решения имущества³⁸. Исследователь также подчеркивает, что дополнительный непосредственный объект может быть представлен правоотношениями, на защиту и восстановление которых направлен реализуемый через арест имущества приговор суда, или имущественными правоотношениями.³⁹

Мы видим, что исследователь, описывая непосредственный объект, не ограничивается отсылкой к нормальной деятельности, обусловленной соответствующими правовыми отношениями в отношении ареста имущества и реализации других мер. Исследователь заостряет внимание на правилах хранения арестованного или описанного имущества. Мы считаем такой подход совершенно оправданным, так как посягательство, регулируемое статьей 312 Уголовного кодекса РФ, направлено против правоотношений, которые обеспечивают сохранность арестованного, описанного или подлежащего изъятию имущества.

Необходимо подчеркнуть, что такую проблему, как обеспечение сохранности имущества в рассматриваемых обстоятельствах можно рассмотреть и под другим углом, с точки зрения обязательного характера постановлений суда. По словам Л.В. Лобановой, в качестве основного объекта анализируемого посягательства выступают общественные правоотношения, которыми обеспечивается обязательный характер решения суда об аресте имущества и формируются предпосылки для исполнения судебного решения и других судебных актов в части гражданских исков, изъятия имущества, а значит, и других взысканий имущественного характера⁴⁰.

³⁸ Виноградов Д.Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – С. 16.

³⁹ Виноградов Д.Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – С. 16-17.

⁴⁰ Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. – СПб., 2005: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». – С. 415.

Упоминая сохранность имущества, следует говорить лишь о полном соблюдении соответствующих постановлений суда. При этом необходимо рассмотреть важный нюанс в описании непосредственного объекта данного посягательства. По мнению большинства ученых, дополнительный непосредственный объект противоправных действий по отношению к арестованному, описанному или подлежащему изъятию имуществу, представлен правоотношениями собственности. Полагаем, что основанием для подобного подхода выступает указание в законодательстве (в статье 312 Уголовного кодекса РФ) на криминальный характер таких действий, как присвоение, отчуждение, растрата. Но мы не согласны с тем, что решение о том, чтобы рассматривать правоотношения собственности как дополнительный непосредственный объект посягательства, закрепленного статьей 312 Уголовного кодекса РФ, является вполне обоснованным.

Установление правоотношений собственности в качестве дополнительного непосредственного объекта рассматриваемого посягательства означает охват нарушения прав собственности. Это значит, что хищение арестованного, описанного или подлежащего изъятию имущества нужно было бы квалифицировать лишь по статье 312 Уголовного кодекса РФ. По нашему мнению, это совершенно неприемлемая ситуация. Уголовно-правовое положение, предусмотренное статьей 312 Уголовного кодекса РФ, не направлено на то, чтобы защитить гражданские правоотношения собственности. Оно направлено главным образом на то, чтобы обеспечить и защитить интересы правосудия. Если сравнить наиболее жесткое наказание статьи 312 и, к примеру, статьи 160 Уголовного кодекса РФ, можно увидеть, что положениями первой не охвачена степень общественной опасности хищения.

Таким образом, для того чтобы установить в определенном преступлении признаки хищения в той или иной форме, помимо признаков неправомерных действий с арестованным, описанным или подлежащим изъятию имуществом, должны быть применены нормы, предусмотренные в главе 21

Уголовного кодекса РФ, по совокупности со статьей 312 Уголовного кодекса РФ, если имеются соответствующие признаки этих посягательств.

В данном случае, как нам представляется, нельзя выделять в непосредственном объекте рассматриваемого посягательства имущественные отношения, так как в отношении них предусмотрена уголовно-правовая защита другими нормами уголовного законодательства. Считаем, что обеспечение сохранности имущества в разрезе статьи 312 Уголовного кодекса РФ в полной мере отвечает интересам правосудия.

Принимая во внимание сказанное, отметим следующее. Конструируя дефиницию понятия «непосредственный объект состава посягательства, закрепленного статьей 312 Уголовного кодекса РФ», необходимо учитывать два главных момента. Во-первых, следует обеспечить безоговорочное исполнение постановлений суда, во-вторых – обеспечить сохранность имущества. Есть основания полагать, что эти факторы представляют собой элементы особых правовых режимов имущества, закрепляемых в постановлении суда. Деяния, формирующие признаки преступления, предусмотренного статьей 312 Уголовного кодекса РФ, направлены против указанных правовых режимов. При этом общественные правоотношения, формирующиеся при обеспечении правового режима, предусматривающего арест имущества, выступают в качестве непосредственного объекта анализируемого деяния.

Названный правовой режим может быть установлен как в гражданском, так и в уголовном процессе. В частности, в соответствии с нормами гл. 13 ГПК РФ, суд может реализовать меры обеспечения иска, среди которых – арест имущества, принадлежащего ответчику или находящегося у него и иных лиц (пункт 1 части 1 статьи 140 ГПК РФ). В рамках уголовного судопроизводства арест имущества представляет собой иную меру, входит в категорию других мер процессуального принуждения. На основании части 1 статьи 115 УПК РФ наложение ареста на имущество позволяет обеспечить исполнение решения суда в части взыскания штрафов, гражданских исков,

иных взысканий имущественного характера либо возможного изъятия имущества.

В части 2 статьи 115 УПК РФ раскрывается сущность правового режима наложения ареста на имущество. В частности, владельцам и собственникам такого имущества запрещается распоряжаться и использовать его, изымать имущество и передавать его на хранение.

Итак, в роли непосредственного объекта состава противоправных действий с имуществом, которое было описано или арестовано или подлежит изъятию, выступают общественные правоотношения, формирующиеся при обеспечении закреплённого постановлением суда особого правового режима такого имущества. В структуре состава посягательства, закреплённого статьёй 312 Уголовного кодекса РФ, отсутствует дополнительный объект. Если установленный правовой режим был нарушен и имущество было похищено, это преступление должно квалифицироваться по совокупности составов.

Обязательный признак посягательства, закреплённого названной статьёй, - это его предмет. В роли такого предмета выступает имущество – в части 1 статьи 312 Уголовного кодекса РФ речь идет об арестованном или описанном имуществе, в части 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ – об имуществе, которое подлежит изъятию на основании судебного решения. Учитывая это определение, можно сделать следующий вывод: с юридической точки зрения неважно, что это за имущество, какими характеристиками оно обладает (к примеру, является ли движимым или недвижимым). В данном случае необходимо определить, что конкретное имущество было арестовано или описано или же подлежало изъятию.

По словам Д.Ю. Виноградова, арест, налагаемый на имущество, является процессуальным действием, которое включает в себя идентификацию, обеспечение доступности и сохранности такого имущества. Кроме того, данные действия направлены на то, чтобы предотвратить возможное противо-

правное распоряжение им либо обращение в пользу третьего лица⁴¹. Это действие может осуществляться как в уголовном, так и гражданском и арбитражном, судопроизводстве.

Понятие «опись имущества» можно трактовать весьма неоднозначно. Следует подчеркнуть, что процессуальное законодательство разных отраслей права не закрепляет опись как самостоятельную процедуру. В данной ситуации, по мнению некоторых исследователей, арест и опись имущества могут рассматриваться как тождественные понятия. Но с этой точкой зрения согласны не все. В частности, как отмечает А.А. Гулый, нет оснований для того, чтобы приравнивать эти две процедуры. Он считает, что опись имущества не всегда подразумевает его арест, а значит, может рассматриваться как отдельная процедура⁴².

По нашему мнению, эта позиция не совсем соответствует закону. Опись имущества не устанавливается как самостоятельное процессуальное действие. Ссылку на эту процедуру предусматривает законодательство РФ об исполнительном производстве, в котором через этот институт обозначается акт об аресте имущества, составляемый в ходе процедуры ареста. В частности, отмечается, что арест имущества должников осуществляет судебный пристав-исполнитель; также присутствуют понятые; при этом составляется акт об аресте (описи имущества)⁴³. Таким образом, опись имущества является документом, который формируется при осуществлении процедуры ареста имущества. В нем предусматривается список всего имущества, на которое наложен арест. На этом основании опись имущества нельзя рассматривать

⁴¹ Виноградов Д.Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации): Дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – С. 16-17.

⁴² Гулый А.А. Уголовная ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 83.

⁴³ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. – 08.10.2007. – № 41. – Ст. 4849 (ред. от 02.12.2019).

как процедуру, отдельную от его ареста; опись в данном случае является подчиненной процедурой.

Также нам представляется, что указание на опись имущества в законодательстве является чрезмерным, так как она не имеет юридического значения, если отсутствует арест такого имущества.

По словам А.А. Гулого, предмет деяния, закрепленного частью 1 статьи 312 Уголовного кодекса РФ, может быть представлен, помимо прочего, имуществом, арест на которое наложили должностные лица, и имуществом, на которое был наложен арест на основании статьи 77 НК РФ⁴⁴. Полагаем, что эта позиция основывается на том факте, что в норме части 1 статьи 312 Уголовного кодекса РФ отсутствуют особые указания на круг субъектов, которые могут арестовать имущество. Но это нельзя рассматривать как основание для столь произвольной трактовки.

Для того чтобы разрешить этот вопрос, следует проанализировать место, которое занимает статья 312 Уголовного кодекса РФ в главе о посягательствах, направленных на правосудие. Это однозначно указывает на то, что процессуальное действие в форме ареста имущества должно быть обязательно связано с правосудием. Таким образом, имущество, которое арестовали налоговые и другие административные органы, нельзя рассматривать как предмет состава посягательства, закрепленного статьей 312 Уголовного кодекса РФ. Этот вывод разделяют 68 % лиц, которых мы опросили, проводя исследование.

Законодательная характеристика объективной стороны рассматриваемого посягательства является весьма непростой по своему содержанию. В первую очередь следует подчеркнуть криминальный характер разнообразных действий в зависимости от свойств предмета посягательства. К примеру, по

⁴⁴ Гулый А.А. Уголовная ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 85-90.

отношению к арестованному имуществу наказание может быть назначено за действия в виде неправомерной передачи, сокрытия, отчуждения или растраты. Если рассматривать арестованные денежные средства, то здесь в качестве уголовного преступления будет выступать совершение банковских операций. Уголовная ответственность за совершение противоправных действий с имуществом, которое подлежит изъятию на основании судебного приговора, наступает за действия в виде его присвоения или сокрытия. Также ответственность на основании части 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ может наступить и за другие уклонения от реализации вступившего в силу судебного решения об аресте имущества.

Под сокрытием имущества подразумевается, что оно утаивается от представителей правоохранительных структур или судебных приставов. В частности, суд признал С. виновным в сокрытии арестованного и описанного имущества. При этом оно было вверено. Обстоятельства дела следующие. Судебный пристав-исполнитель возбудил исполнительное производство по отношению к должнику С. в соответствии с исполнительным листом о взыскании долга по договору потребительского кредита, на основании которого взыскание было обращено на предмет залога в виде автомашины. Виновный был соответствующим образом оповещен о том, что он должен исполнить решения, предусмотренные судебными документами. Однако он добровольно отказался от исполнения судебного постановления. На этом основании, осуществляя сводное исполнительное производство, судебный пристав-исполнитель арестовал имущество и составил соответствующий акт на автомашину, собственником которой выступал С. Он выступал в роли ответственного хранителя подлежащего аресту имущества и был оповещен о том, что понесет уголовную ответственность по части 1 статьи 312 Уголовного кодекса РФ в случае неправомерной передачи, сокрытия, отчуждения, растраты переданного ему на хранение имущества. Виновный оставил свою роспись в акте об аресте и описи имущества при понятых.

Но, выступая в качестве ответственного хранителя подлежавшего аресту имущества, С., понимая, что автомашина арестована и должна быть продана, а деньги, вырученные за нее должны быть перечислены в счет выплаты задолженности, осознавая последствия неправомерных действий с арестованным имуществом, осознавая, что поступает незаконно, не сообщив об этом судебному приставу-исполнителю, преднамеренно, понимая, что его действия являются общественно опасными и могут привести к общественно опасным последствиям, стремясь к их наступлению, преследуя корыстные цели, зная, что за отчуждение арестованного имущества он понесет уголовную ответственность, неправомерно сокрыл арестованную автомашину. В частности, он переставил ее в другое место, а затем оповестил судебного пристава-исполнителя о похищении у него автомашины. Этими действиями было нарушено нормальное функционирование судебных органов в сфере реализации постановлений суда⁴⁵.

Довольно затруднительно также трактовать такие признаки, как неправомерная передача, отчуждение и растрата арестованного имущества. Это обусловлено в первую очередь тем, что приведенные понятия очень близки по содержанию. Говоря о признаках объективной стороны состава посягательства, закрепленного статьей 312 Уголовного кодекса РФ, А.А. Гулый подчеркивает, что понятие отчуждения является синонимом такого признака, как растрата⁴⁶. Это же относится и к отчуждению. Исследовав материалы правоприменительной практики, можно заключить, что практически во всех таких случаях для того чтобы квалифицировать содеянное по части 1 указанной статьи, правоприменитель может ограничиться лишь установлением

⁴⁵ Постановление Мариинского городского суда Кемеровской области от 19.02.2018 по уголовному делу № 1-36/2018 / Официальный сайт Мариинского городского суда Кемеровской области / URL: <http://mariinsky.kmr.sudrf.ru> (дата обращения 11.11.2019).

⁴⁶ Гулый А.А. Уголовная ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 102-103.

присутствия признаков отчуждения, то есть передачи в любой форме подлежащего аресту имущества.

К примеру, суд признал Л. виновным в отчуждении арестованного имущества. Это имущество было вверено ему для ответственного хранения. Обстоятельства по делу таковы. В соответствии с исполнительным листом, в отношении злоумышленника было возбуждено исполнительное производство об алиментных выплатах. Долг по этим выплатам составлял 437754,96 рублей. Так как названное производство должник не исполнил, судебным приставом-исполнителем была арестована портативная колонка «JBL», модель «CHARGEK 3+» темно-красного цвета, бывшая в употреблении, работающая. Предварительная ее стоимость составляла 500 руб. Это имущество Л. получил на ответственное хранение. При этом он не имел права пользоваться колонкой, владеть или распоряжаться ею. С виновным был подписан соответствующий договор о хранении. В качестве места хранения была указана квартира Л. Его предупредили о том, что он понесет уголовную ответственность по статье 312 УК РФ за противоправные действия с арестованным или описанным имуществом, которое подлежит изъятию. Невзирая на это, Л. намеренно, для того чтобы получить денежную выгоду, продал эту колонку за тысячу руб. Вырученные от реализации деньги он потратил на свое усмотрение. Тот факт, что арестованное имущество отсутствует, удалось установить при проверке описанного имущества, направленной на то, чтобы изъять и впоследствии продать ее Л. не позволил судебным приставам-исполнителям взыскать алиментные выплаты в рамках сводного исполнительного производства⁴⁷.

Приведенный пример свидетельствует о том, что если с подлежащим аресту имуществом осуществляются противоправные действия, как правило,

⁴⁷Приговор Провиденского районного суда Чукотского автономного округа от 20.01.2020 по уголовному делу № 1-3/2020/ Официальный сайт Провиденского районного суда Чукотского автономного округа / URL: <http://providensky.chao.sudrf.ru> (дата обращения 11.02.2020).

очень трудно понять, где находится черта, отделяющая растрату от передачи или отчуждения. В приведенном примере указанные понятия являются почти тождественными.

Для того чтобы понять суть банковских операций, осуществляемых с арестованными денежными средствами, следует рассмотреть их нормативно-правовую характеристику. Так, на основании статьи 5 ФЗ «О банках и банковской деятельности», к разряду банковских относятся операции, в рамках которых осуществляются следующие манипуляции:

1) переводятся финансовые средства, в т. ч. электронные финансовые средства; при этом банковские счета не открываются (исключение составляют почтовые переводы);

2) привлекаются драгоценные металлы граждан и организаций во вклады (до востребования и на установленный период времени); исключение составляют монеты из драгоценного металла;

2.1) производятся переводы по поручению граждан и организаций, в т. ч. банков-корреспондентов, по соответствующим банковским счетам в драгоценных металлах;

2.2) открываются и ведутся банковские счета граждан и организаций в драгоценных металлах; исключение составляют монеты из драгоценного металла;

2.3) названные привлеченные средства и драгоценные металлы размещаются от своего имени и за свой счёт;

3) покупается и продается зарубежная валюта в наличном и безналичном виде;

4) производится инкассация в отношении таких ценностей, как расчетные документы, платежные документы, векселя, финансовые средства граждан и организаций, а также осуществляется их кассовое обслуживание;

5) переводятся денежные средства по поручению граждан и организаций, в т. ч. банков-корреспондентов, по их банковским счетам;

- 6) открываются и ведутся банковские счета граждан и организаций;
- 7) привлеченные финансовые ресурсы размещаются от своего имени и за свой счёт;
- 8) привлекаются финансовые ресурсы, принадлежащие гражданам и организациям, во вклады (до востребования и на конкретный период времени)⁴⁸.

При этом пункты 7-7.3 указанного списка действий, рассматриваемых в качестве банковских операций, не соответствуют признакам посягательства в форме банковских операций с финансовыми ресурсами, так как в данных пунктах указываются драгоценные металлы.

Если же рассматривать присвоение имущества, закрепленное частью 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ, то его не стоит рассматривать как посягательство, закрепленное статьей 160 Уголовного кодекса РФ (Присвоение или растрата)⁴⁹. На основании пункта 24 постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», под присвоением следует понимать безвозмездное, осуществленное с корыстными мотивами, незаконное обращение злоумышленником переданного ему на ответственное хранение имущества в свою пользу без согласия собственника⁵⁰. Имущество, которое должно быть изъято на основании судебного постановления, можно никому не вверять. К примеру, так бывает, если речь идет о добытом незаконным способом доходе, об имуществе, которое выступило в качестве инструмента или орудия осуществления преступного деяния. Полагаем, что присвоение в этой ситуации означает в основном незаконное обращение в свою пользу имущества, являющегося бесхозным. Зачастую у

⁴⁸ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 05.02.1996. – № 6. – Ст. 492 (ред. от 27.12.2019).

⁴⁹ Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. – СПб., 2005: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». – С. 418.

⁵⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2.

подлежащего изъятию имущества отсутствует законный собственник, или же он не имеет права на владение им в связи с его незаконным получением.

Попытка уклониться от исполнения вступившего в законную силу судебного приговора об изъятии имущества подразумевает, что злоумышленник стремится воспрепятствовать тому, чтобы данное имущество было обращено в доход государства. Воспрепятствование может проявляться в самых разных видах, однако их конкретному содержанию не свойственно квалифицирующее значение.

Если говорить о признаках субъекта рассматриваемого посягательства, то следует отметить, что они тоже являются дифференцированными в зависимости от характера содеянного. В частности, в роли субъекта таких деяний, как неправомерная передача, сокрытие, отчуждение, растрата подлежащего аресту имущества, выступает лицо, которому данное имущество было передано на ответственное хранение. В уголовном законодательстве не предусматриваются ограничения относительно круга субъектов данного посягательства в зависимости от тех или иных личностных характеристик. В этой ситуации юридически важным является факт передачи имущества на ответственное хранение. Лица, которым передается такое имущество, могут и не иметь никакого отношения к данному делу. Но, изучив материалы правоприменительной практики, мы можем сделать вывод, что в основном в роли таких лиц выступают непосредственно должники.

Субъект реализации банковских операций с подлежащими аресту финансовыми ресурсами – специальный. Так, он может быть представлен работником кредитного учреждения. Понятно, что законодатель при этом имеет в виду не совершенно любого работника, а работника, злоупотребляющего своими должностными полномочиями с целью осуществления противоправных банковских операций с подлежащими аресту финансовыми ресурсами.

В соответствии с буквальным толкованием уголовного законодательства, в качестве субъекта преступления, закрепленного частью 2 статьи 312

Уголовного кодекса РФ, признается любое лицо. Во всяком случае, закон не устанавливает никаких непосредственных ограничений, не позволяющих говорить о том, что субъект данного посягательства общий. На основании теоретического исследования можно утверждать, что воспрепятствовать изъятию имущества может любой человек, который в этом заинтересован. Речь может идти как об осужденном по данному делу, так и о его родных, друзьях и в целом всех осведомлённых лицах.

Следует подчеркнуть, что в уголовно-правовой доктрине предусматривается, что анализируемое посягательство может совершить должностное лицо, используя свои служебные полномочия. Речь в данном случае идет о судебных приставах-исполнителях. По словам Л.В. Лобановой, несмотря на то, что часть 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ не содержит прямого указания на то, что посягательство может осуществить должностное лицо, используя свои должностные полномочия, такая возможность непосредственно проистекает из законодательства. Это обусловлено тем, что, как мы говорили, обязательство по исполнению судебного решения относительно изъятия имущества возлагается в первую очередь на должностных лиц, коими являются судебные приставы-исполнители⁵¹. В то же время, сам автор ставит под сомнение возможность квалифицировать посягательство по части 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ при наличии всех признаков состава, установленного статьей 285 Уголовного кодекса РФ.

Мы считаем, что неправомерные действия судебного пристава-исполнителя следует квалифицировать по указанной норме лишь тогда, когда при осуществлении посягательства он не злоупотреблял своими должностными полномочиями и его действия не формируют признаков соответствующего состава. Если имеются признаки посягательств, установленных статьями 285 или 286 Уголовного кодекса РФ, действия надлежит квалифициро-

⁵¹ Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. – СПб., 2005: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». – С. 437-438.

вать лишь по указанным статьям, а не по совокупности с частью 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ. Необходимо подчеркнуть, что эту позицию разделяют 73 % практикующих юристов, которые приняли участие в опросе, проведенном в рамках исследования.

Исследуя субъективную сторону, отметим, что рассматриваемым посягательствам свойственна умышленная форма вины. При этом умысел возможен исключительно прямой. Это предопределяет формальная конструкция объективной стороны посягательств, регулируемых статьей 312 Уголовного кодекса РФ.

Принимая во внимание сказанное, мы можем сделать ряд важных выводов по итогам уголовно-правовой характеристики такого состава, как противоправные действия в отношении арестованного имущества и имущества, подлежащего изъятию.

1. В роли непосредственного объекта противоправных действий с арестованным или описанным имуществом, которое подлежит изъятию, выступают общественные правоотношения, формирующиеся в сфере обеспечения закреплённого в постановлении суда особого правового режима такого имущества. Причем в структуре состава деяния, закреплённого статьей 312 Уголовного кодекса РФ, дополнительный объект отсутствует. Если указанный правовой режим имущества сопровождался незаконными действиями в виде хищения, то эти действия должны быть квалифицированы по совокупности составов.

2. Под описью имущества следует понимать документ, который составляется, если осуществляется арест имущества. В данном документе приводится перечень объектов имущества, на которые налагается арест. На этом основании следует отметить, что опись имущества не является самостоятельной процедурой по отношению к его аресту – она выполняет подчиненную роль. Также нам представляется, что законодательное закрепление описи

имущества не имеет смысла, так как такой описи не отводится правовое значение, если отсутствует арест.

3. Имущество, арест на которое налагают налоговые и другие административные органы, не может рассматриваться как предмет состава деяния, закрепленного статьей 312 Уголовного кодекса РФ;

4. Попытка сокрыть имущество означает, что лицо стремится утаить его от представителей правоохранительных структур или судебных приставов. Действия в виде присвоения имущества, закрепленного частью 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ, не должны рассматриваться как посягательство, закрепленное статьей 160 Уголовного кодекса РФ (Присвоение или растрата). Также следует отметить, что имущество, подлежащее изъятию на основании судебного постановления, не всегда вверяется кому-то. К примеру, это относится к полученным неправомерным способом доходам, к имуществу, которое представляет собой инструмент или средство осуществления посягательства. Полагаем, что присвоение в этих обстоятельствах означает в первую очередь попытку незаконно обратить в свою пользу бесхозяйное имущество. Это обусловлено тем, что зачастую изымаемое имущество не имеет законных собственников и не может их иметь по причине своего нелегального происхождения.

5. Попытка уклониться от реализации вступившего в законную силу судебного решения о назначении изъятия имущества подразумевает, что лицо стремится помешать обращению такого имущества в пользу государства. Эти действия могут осуществляться в самых разных формах, однако их содержательное наполнение не имеет квалифицирующего значения.

6. Субъект проведения банковских операций в отношении арестованных финансовых ресурсов – специальный. Это значит, что в роли такого субъекта может выступать только работник кредитного учреждения. В данном случае законодатель, понятно, говорит не о совершенно любом сотруднике, а о сотруднике, который злоупотребил своими должностными полномо-

мочиями, чтобы провести неправомерные банковские операции в отношении арестованных финансовых средств;

7. Неправомерные действия судебного пристава-исполнителя надлежит квалифицировать по части 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ лишь при условии, что для того чтобы совершить посягательство, он не воспользовался своими должностными полномочиями и его действия не формируют признаков соответствующего состава (злоупотребление либо превышение должностных полномочий). Если имеются признаки посягательств, установленных статьями 285 или 286 Уголовного кодекса РФ, деяние должно быть квалифицировано лишь по указанным нормам, а не по совокупности с частью 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ.

2.2. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи

Побег представляет собой одно из наиболее древних посягательств, направленных на обязательный характер исполнения постановлений суда. В связи с этим уголовно-правовой запрет на это посягательство имеет достаточно долгую историю развития, а значит, данное преступление подвергалось теоретическим исследованиям на протяжении многих лет. Поэтому в нашем исследовании мы считаем необходимым подробно рассмотреть только самые важные и острые вопросы уголовно-правовой характеристики данного деяния.

Необходимо подчеркнуть, что по поводу юридической характеристики его состава исследователи не пришли к единому выводу относительно его непосредственного объекта. В частности, А.Л. Жуйков отмечает, что в качестве основного непосредственного объекта преступлений в виде побега из мест лишения свободы, из-под стражи (ареста) выступают общественные правоотношения в сфере осуществления уголовного преследования и применения в отношении виновного всевозможных инструментов государственно-

го принуждения, носящих уголовно-исполнительный и уголовно-процессуальный характер. Эти меры подразумевают необходимость изолировать виновного от общества и ограничить его в правах и свободах⁵².

По словам Л.В. Лобановой, в роли непосредственного объекта посягательства, установленного статьей 313 Уголовного кодекса РФ, выступают общественные правоотношения, которыми обеспечивается обязательный характер судебных актов, закрепляющих, что субъект обязан подчиниться установленной в этих актах мере принуждения, подразумевающей лишение свободы⁵³.

По мнению А.Д. Смияна, главный непосредственный объект рассматриваемого состава представлен интересами правосудия в таких сферах, как рассмотрение и расследование уголовных дел, выявление и обличение преступников, а также их наказание⁵⁴.

Некоторые ученые считают, что содержание непосредственного объекта рассматриваемого посягательства тождественно интересам правосудия⁵⁵. В таком случае они не отделяют видовой и непосредственный объект рассматриваемого посягательства, ставя между ними знак равенства. Считаю, что следует привести более подробную характеристику непосредственного объекта рассматриваемого посягательства.

Приведенные дефиниции понятия «непосредственный объект состава побега» дают основания считать, что анализируемое посягательство всегда направлено против правоотношений правосудия, если конкретнее – против

⁵² Жуйков А.Л. Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: Дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2008. – С. 63.

⁵³ Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. – СПб., 2005: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». – С. 441.

⁵⁴ Смлян А.Д. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (уголовно-правовая и криминологическая характеристика): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997. – С. 25.

⁵⁵ Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 436.

отдельной их составляющей. Эти правоотношения напрямую связаны с институтом государственного принуждения и одной из самых суровых его мер в виде лишения свободы. Следует отметить, что, конечно, соответствующие правоотношения реализуются в соответствии с уголовно-исполнительным, уголовно-процессуальным и уголовным законодательством. А значит, необходимо облечение соответствующего подчинения в форму постановления суда.

Учитывая сказанное, мы можем выдвинуть собственную дефиницию термина «непосредственный объект состава посягательства, закрепленного статьей 313 Уголовного кодекса РФ. В частности, непосредственный объект данного деяния представлен общественными правоотношениями, формирующимися в отношении наделения специальным правовым статусом лица, в отношении которого на основании постановления суда были реализованы меры государственного принуждения, подразумевающие лишение свободы.

Объективную сторону анализируемого посягательства представляют действия в форме побега. Как правило, побег означает спешное оставление места, в котором человек находился в неволе. Но с позиций русского языка, под побегом может подразумеваться как бегство, так и самовольный уход, оставление⁵⁶. По словам А.Л. Жуйкова, побег из мест лишения свободы, из-под ареста (стражи), осуществленный виновным, который отбывает наказание либо предварительное заключение, подразумевает, что он разными способами смог преодолеть границу охраны соответствующего объекта⁵⁷.

Основной признак объективной стороны рассматриваемого состава – это место осуществления деяния либо обстановка его осуществления. Первое

⁵⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. – С. 369.

⁵⁷ Жуйков А.Л. Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: Дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2008. – С. 75.

подразумевает, что виновный может покинуть место лишения свободы, место содержания под стражей или арестом. Юридические признаки и черты подобных мест приводятся нормативными актами, предусмотренными уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным правом. Кроме того, их детально изучали правоведы.

В уголовном законодательстве не предусматривается дифференциация ответственности за побег по такому основанию, как вид места лишения свободы, которое оставил виновный. На этом основании в уголовно-правовой теории актуален вопрос о том, является ли обоснованным приравнивание степени общественной опасности рамками одной нормы статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ побега, когда преступник оставляет, к примеру колонию строгого режима или колонию-поселение. По нашему мнению, такой вопрос не является бессмысленным, однако он актуален только в аспекте формирования способов совершенствования российского уголовного законодательства в данной части. С позиций норм действующего законодательства, разновидность места лишения свободы, которое добровольно оставил преступник, не сказывается на квалификации данных действий как побега. На законность квалификации самовольного ухода из колонии-поселения по статье 313 УК РФ указывал ВС РФ⁵⁸. Подчеркнем, что, проанализировав материалы правоприменительной практики, мы можем говорить о том, что в большинстве своем уголовные дела по указанной статье – это оставление именно колоний-поселений.

Место осуществления рассматриваемого посягательства имеет свою альтернативу – это обстановка. Следует пояснить, что, как правило, под местом совершения посягательства подразумевают определенное неизменное пространство либо территорию. При этом нередко побег совершается, когда

⁵⁸ Определение № 3-097-42 по делу Иванова и Владимирова / Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 1998 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 9.

заключенные конвоируются, т.е. перемещаются. В подобных обстоятельствах место совершения деяния уже не будет наделяться уголовно-правовым значением. В данном случае значение имеет лишь факт нахождения под стражей. Речь в данном случае идет не о фактическом, а о юридическом пребывании под стражей. Это значит, что если, к примеру, надзор за виновным, находящимся под стражей, почему-то был ослаблен, и преступник решил воспользоваться данным фактом, это не может исключить уголовную ответственность по статье 313 Уголовного кодекса РФ.

Говоря о первостепенной роли юридического аспекта нахождения виновного под стражей, следует сказать о начальном моменте потенциального осуществления побега. Здесь нет никаких трудностей с ситуацией избрания преступнику наказания в виде содержания под стражей, а также направления его в место лишения свободы. Но весьма сложно дать оценку в обстоятельствах, когда субъект был задержан по подозрению в совершении посягательства.

Проблема заключается в том, с какого момента задержанный по подозрению в осуществлении посягательства может рассматриваться как помещенный под стражу. Эта задача может быть решена двумя способами – с учетом момента, когда виновный был задержан фактически, или с учетом момента, когда был составлен соответствующий протокол. По нашему мнению, на основании статьи 92 УПК РФ, нет достаточных оснований, чтобы считать, что виновный заключен под стражу или находится в условиях предварительного заключения до тех пор, пока не будет составлен протокол о его задержании. В таких случаях задержанному, вполне возможно, еще даже не успели разъяснить права подозреваемого, сущность подозрения и пр. На этом основании мы полагаем, что до тех пор пока не будет сформирован протокол о задержании, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, субъект не может рассматриваться как пребывающий под стражей в понимании статьи 313 Уголовного кодекса РФ. Если такой субъект соверша-

ет побег, то его действия не формируют признаки соответствующего состава. Эта позиция была поддержана 60 % участников проведенного нами исследования.

Когда выявляется наличие в действиях лица состава побега, очень важно верно установить момент окончания этого посягательства. Как отмечает А.Л. Жуйков, побег должен рассматриваться как оконченное посягательство при условии, что преступник смог преодолеть хотя бы некоторые преграды. Таким образом, исследователь считает, что для того чтобы признать посягательство оконченным, не имеет значения, вышел ли преступник за границу подлежащей охране территории⁵⁹.

Другой позиции придерживается А.Д. Смлян. Он подчеркивает, что состав побега должен рассматриваться как оконченный с того момента, как преступник, выйдя за границу территории места лишения свободы или нахождения под стражей и уйдя из поля зрения правоохранительных структур, приобрел все условия для того, чтобы поступать на свое усмотрение. При этом длительность его нахождения за пределами мест лишения свободы или пребывания под стражей значения не имеет⁶⁰.

Полагаем, что полностью верным является второе мнение. Это обусловлено в том числе грамматическим определением понятия «побег», подразумевающим самовольное покидание места. Иначе говоря, законченным анализируемое посягательство можно считать лишь после того, как человек ушел из места лишения свободы (или из-под стражи). А значит, факт преодоления некоторых преград и пребывание ещё в пределах, к примеру, колонии-

⁵⁹ Жуйков А.Л. Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: Дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2008. – С. 78.

⁶⁰ Смлян А.Д. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (уголовно-правовая и криминологическая характеристика): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997. – С. 34.

поселения не является основанием для того, чтобы рассматривать содеянное как оконченное преступление.

Особенность законодательной характеристики объективной стороны рассматриваемого посягательства приводит не только к спорам по поводу окончания этого посягательства, но и к рассуждениям на тему, можно ли рассматривать данное преступление как длящееся.

По мнению А.Д. Смияна, побег является длящимся посягательством. Оно продолжается на этапе законченного деяния, вплоть до того момента, когда виновный будет задержан или явится с повинной⁶¹.

А.Л. Жуйков не считает, что рассматриваемое посягательство длящееся. Исследователь отмечает, что рассмотрение побега как длящегося посягательства не следует ставить в зависимость от разрешения вопроса о возложении на виновного обязательства возвратиться к месту лишения свободы. Законодателем такая обязанность на виновного не возлагается. Также законодателем не предусматривается этот момент и в основаниях, позволяющих освободить лицо от уголовного преследования. Кроме того, тот факт, что виновный не исполнил свое обязательство по возвращению в место лишения свободы, не может рассматриваться как отдельный состав⁶².

Также в уголовно-правовых источниках подчеркивается, что у побега, конечно, есть родственные черты с длящимися посягательствами. Однако он не может рассматриваться как длящийся, потому что действия лица после побега не тождественны действиям, которые квалифицируются в качестве побега. По этой причине они не могут входить в данный состав⁶³.

⁶¹ Смиян А.Д. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (уголовно-правовая и криминологическая характеристика): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997. – С. 36.

⁶² Жуйков А.Л. Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: Дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2008. – С. 89.

⁶³ Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: Дис. ... докт. юрид. наук. – Владивосток, 2007. – С. 343. См.

Необходимо подчеркнуть, что побег весьма схож с делящимися посягательствами, однако разница велика. К примеру, преступление в виде нелегального хранения наркотических средств начинается с того момента, как виновный их приобретает и заканчивается пресечением преступных действий или другими способами прекращения нелегального хранения. В случае с побегом посягательство считается начавшимся, когда начинают реализовываться действия, нацеленные на то, чтобы самовольно оставить место отбывания наказания или пребывания под стражей, и законченным в момент оставления виновным этого места. Последующие действия субъекта, который совершил побег, не имеют квалифицирующего значения.

Итак, учитывая законодательную конструкцию объективной стороны рассматриваемого посягательства, следует отметить, что она не дает оснований для его включения в категорию делящихся. Момент завершения данного преступления – это момент, когда лицо оставило место отбывания наказания или нахождения под стражей.

Для того чтобы наступила уголовная ответственность по статье 313 Уголовного кодекса РФ, наряду с общими признаками субъекта, необходимы специальные признаки. В роли субъекта анализируемого посягательства может выступать виновный, который отбывает наказание или приговорен к предварительному заключению. Для того чтобы констатировать эти признаки, достаточно отсылки к соответствующим постановлениям суда, санкционирующим лишение свободы. Что касается лиц, которые были задержаны по подозрению в осуществлении посягательства, важным правоприменительным документом, являющимся подтверждением предварительного заключения лица, выступает протокол о его задержании.

также: Мшевиерадзе П.Я. Институт давности в советском уголовном праве. – Тбилиси, 1970. – С. 109-110; Зыков В. Исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности за делящиеся преступления // Советская юстиция. – 1968. – № 10. – С. 5-6.

В юридических источниках подчеркивается, что субъект этого деяния может быть также представлен лицом, которое отбывает наказание в виде административного ареста⁶⁴. Невзирая на то, что последнее наказание может быть назначено на основании судебного постановления, самовольный уход из места изоляции не может рассматриваться как побег. Этот вывод основывается на буквальном толковании уголовного законодательства. В норме части 1 статьи 313 Уголовного кодекса РФ говорится только о побеге лица из-под ареста. При этом арест, предусмотренный административным судопроизводством, - это не просто арест, а административный арест. Также этот вид ареста нельзя рассматривать и как предварительное заключение.

Итак, посягательство, закрепленное статьей 313 Уголовного кодекса, характеризуется наличием специального субъекта. Речь идет только о лице, в отношении которого были применены уголовно-процессуальные меры принуждения, такие как задержание или помещение под стражу. Также это может быть лицо, которое отбывает лишение свободы.

Так как объективная сторона данного преступления имеет формальную конструкцию, субъективная сторона может подразумевать исключительно прямую форму вины. В соответствии с буквальной трактовкой норм части 1 статьи 313 Уголовного кодекса РФ, у субъективной стороны отсутствуют какие бы то ни было дополнительные признаки. При этом в науке уголовного права выдвигаются гипотезы, согласно которым субъективная сторона побега включает в себя специальную цель в виде уклонения от наказаний.

Проанализировав материалы правоприменительной практики, мы можем сделать вывод о том, что цель побегов в основном состоит в уходе от наказаний. Но могут быть и другие обстоятельства. К примеру, человек может решить уйти из мест лишения свободы на небольшой промежуток вре-

⁶⁴Жуйков А.Л. Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: Дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2008. – С. 124.

мени с тем, чтобы после прийти обратно. При этом тот факт, что в части 1 статьи 313 Уголовного кодекса РФ отсутствуют оговорки относительно мотивов и целей побега, нивелирует юридическую значимость какого бы то ни было целеполагания, за исключением желания уйти от наказания. Однако оно может быть принято во внимание, когда суд будет избирать меру пресечения за совершение побега. В ряде случаев цель может даже заставить суд признать малозначительность содеянного (часть 2 статьи 14 Уголовного кодекса РФ).

В отечественном уголовном законодательстве уголовная ответственность за данное преступление дифференцируется в зависимости от некоторых факторов. О квалифицированном составе (часть 2 статьи 313 Уголовного кодекса РФ) речь может идти в случае, если его совершила группа лиц по предварительному сговору либо организованная группировка. Об особо квалифицированном побеге можно говорить, если при его осуществлении было применено насилие, угрожающее жизни и здоровью, или если имела место угроза его применения, а также если использовалось оружие либо предметы, которые могут применяться как оружие (часть 3 статьи 313 Уголовного кодекса РФ). Содержание приведенных квалифицированных признаков достаточно детально исследовано в науке уголовного права. Необходимо сказать также об особенностях квалификации рассматриваемого посягательства по признакам его осуществления с насилием, угрожающим жизни и здоровью. Правовую позицию по этой проблеме сформулировал ВС РФ, рассмотрев нижеприведенное дело. Так, В., будучи под стражей и обвиняемый в совершении посягательства, закрепленного частью 4 статьи 131 Уголовного кодекса РФ, задумал сбежать. На служебном автомобиле, на котором перевозились виновные, заключенные под стражу, его повезли из СИЗО в суд, чтобы он принял участие в судебном процессе.

Когда автомобиль остановился около здания суда и полицейский Р. отпер дверь, В., используя нож, ударил полицейского в область паха, нанеся

лёгкий ущерб здоровью. Затем В., стремясь выбраться из автомобиля, также нанес ряд ударов ножом в грудь второму полицейскому, Ф., чем причинил тяжкий ущерб здоровью (сопряженный с угрозой жизни). Однако невзирая на удары ножом, полицейские вместе смогли его задержать.

Суд квалифицировал действия В. по части 3 статьи 30, части 3 статьи 313 и части 2 статьи 318 Уголовного кодекса РФ в качестве покушения на побег из-под стражи виновным, приговоренным к предварительному заключению, с применением физической силы, угрожающей жизни и здоровью, с использованием предметов, выполнивших роль оружия, а также в качестве применения физической силы, угрожающей жизни и здоровью, по отношению к сотрудникам государственных органов власти, находящихся при исполнении служебных полномочий.

Осужденный В. подал апелляционную жалобу в Судебную коллегию по уголовным делам ВС РФ. Суд рассмотрел жалобу и решил оставить судебное решение без изменений по ряду оснований.

Аргументы виновного о том, что содеянное им необходимо квалифицировать лишь по части 3 статьи 30, части 3 статьи 313 Уголовного кодекса РФ, рассматривались судом первой инстанции, признавшим, что в одних и тех же действиях присутствуют признаки посягательств, закрепленных в двух статьях Уголовного кодекса, что, согласно статье 17 Уголовного кодекса РФ, формирует совокупность составов.

Суд первой инстанции со всеми на то основаниями подчеркнул, что в статьях 313 и 318 Уголовного кодекса РФ закрепляется разный объект деяния. Так, побег – это посягательство, направленное на правосудие, тогда как применение насилия, угрожающего здоровью и жизни, по отношению к представителям государственных органов, направлено на порядок управления.

В связи с тем, что в данном случае имело место не только покушение на побег из-под стражи, но и применение насилия, угрожающего жизни и

здоровью, по отношению к представителям государственных органов, которым виновный нанес ущерб здоровью, в т. ч. тяжкий, по такому признаку, как угроза жизни, а также было применено насилие, угрожающее жизни, по отношению к представителю государственных органов, приведшее к нанесению тяжкого вреда здоровью, содеянное не может быть охвачено частью 3 статьи 30, частью 3 статьи 313 Уголовного кодекса РФ, значит, преступление требует квалификации по совокупности составов части 3 статьи 30, части 3 статьи 313 и части 2 статьи 318 Уголовного кодекса РФ.

Таким образом, основания, позволяющие изменить правовую оценку содеянного В. по отношению к представителям государственных органов, находящихся при исполнении служебных полномочий, отсутствуют. Действия виновного, который, совершая побег, оказал сопротивление представителям государственных органов власти, а также применил насилие, суд вполне мотивированно квалифицировал по совокупности составов, закрепленных статьями 313 и 318 Уголовного кодекса РФ⁶⁵.

Следует подчеркнуть, что данное квалификационное решение отвечает предусмотренному наукой уголовного права установлению тяжести фактически нанесенного ущерба, охваченного определенной законодательной нормой в зависимости от жесткости наказания. В частности, самое строгое наказание положения, закрепляющего ответственность за применение по отношению к сотруднику правоохранительных органов физической силы, угрожающей здоровью и жизни, - 10 лет лишения свободы. За посягательство, закрепленное частью 3 статьи 313 Уголовного кодекса РФ, - 8 лет лишения свободы.

Подытоживая приведенную уголовно-правовую характеристику состава такого преступления, как побег, необходимо сделать ряд важных выводов:

⁶⁵Определение № 73-АПУ14-8 / Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2014) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24.12.2014) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2015. - № 3.

1. Если говорить о непосредственном объекте данного состава, закрепленного статьей 313 Уголовного кодекса РФ, то он представлен общественными правоотношениями в части обеспечения особого правового статуса субъекта, в отношении которого на основании постановления суда были применены меры государственного принуждения в сфере лишения свободы.

2. До тех пор пока не будет составлен протокол о задержании на основании статьи 91 УПК РФ, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, субъект не может рассматриваться как находящийся под стражей в понимании статьи 313 Уголовного кодекса РФ.

3. Объективная сторона побега имеет законодательную конструкцию, не позволяющую включить это посягательство в категорию длящихся. Это посягательство считается законченным в тот момент, когда преступник покидает место заключения либо нахождения под стражей. Последующие его действия никак не сказываются на квалификации посягательства по статье 313 Уголовного кодекса РФ.

4. Субъект состава, закрепленного статьей 313 Уголовного кодекса РФ, является специальным. Речь может идти об исключительном лице, в отношении которого были реализованы уголовно-процессуальные меры принуждения, такие как заключение под стражу, а также о лице, которое отбывает лишение свободы.

2.3. Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера

Нынешняя редакция статьи 314 Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовную ответственность за осуществление трех самостоятельных деяний:

Ч. 1 –злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания;

Ч. 2 – невозвращение в исправительное учреждение лица, осуждённого к лишению свободы, которому разрешён выезд за пределы исправительного учреждения, по истечении срока выезда либо неявка в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы лица, осуждённого к лишению свободы, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания, по истечении срока отсрочки;

Ч. 3 – уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения ему принудительных мер медицинского характера.

Перед тем как анализировать специфику уголовно-правовой характеристики преступления в виде уклонения от отбывания наказания в виде ограничения свободы, следует подчеркнуть, что, в соответствии с примечанием 1 к статье 314 Уголовного кодекса РФ, речь об уголовной ответственности за осуществление посягательства, закрепленного частью 1 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, может идти тогда, когда ограничение свободы является дополнительным наказанием. Это изъятие вызвано тем, что, если имеет место злостное уклонение от ограничения свободы, присужденного как основное наказание, его можно заменить лишением свободы либо принудительными работами (часть 5 статьи 53 Уголовного кодекса РФ). Для того чтобы назначить ограничение свободы как факультативное наказание, законодатель не устанавливает подобных санкционных замен, однако предусматривает уголовную ответственность по части 1 статьи 314 Уголовного кодекса РФ⁶⁶.

В данном случае основным непосредственным объектом рассматриваемого посягательства выступают общественные правоотношения, наступающие в сфере обеспечения обязательного характера ограничения свободы, назначаемого как факультативное наказание.

⁶⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 3 (ред. от 18.12.2018).

Уголовное наказание предусмотрено только за преступление в виде злостного уклонения от отбывания наказания в виде ограничения свободы. У признака злостности при этом нет нормативного закрепления в УИК. Согласно части 4 статьи 58 УИК РФ, в качестве злостно уклоняющихся от отбывания ограничения свободы рассматриваются следующие лица:

1) виновные, которые не явились в уголовно-исполнительную инспекцию по месту проживания согласно предписанию, закреплённому в части 3 статьи 47.1 УИК РФ;

2) виновный, который скрылся с места проживания и место пребывания которого не удалось определить на протяжении срока, превышающего 30 суток;

3) виновный, который отказался от применения по отношению к нему технических устройств, обеспечивающих контроль и надзор;

4) виновные, которые нарушили порядок и условия отбывания назначенного наказания на протяжении 1 года после того, как к ним было применено взыскание – официальное предостережение о запрете на нарушение закреплённых судом ограничений.

К примеру, суд назначил осуждённому М. наказание в виде ограничения свободы, однако он злостно уклонился от присуждённого наказания. Обстоятельства дела следующие. На основании приговора, вынесенного Целинским районным судом Республики Калмыкия, М. был осуждён по части 1 статьи 228 Уголовного кодекса РФ. Он был приговорён к лишению свободы на срок 1 год 2 месяца 25 дней. В отношении него был установлен ряд ограничений. В частности, суд установил запрет на выезд из места фактического жительства (регистрации), на изменение постоянного места проживания без согласования с ФКУ УИИ УФСИН России по месту проживания (регистрации); посещение ресторанов, баров и кафе по месту проживания (регистрации) после 22 ч.; оставление постоянного места жительства (регистрации) в промежутки с 23 до 06 часов (исключение - чрезвычайные ситуации), без

оповещения ФКУ УИИ УФСИН России. Кроме того, суд возложил на осужденного обязательство - приходить в ФКУ УИИ УФСИН России по месту проживания (регистрации) дважды в месяц в целях регистрации.

После того как осужденный отбыл основное наказание, его освободили из ФКУ ИК-2 УФСИН России по Республике Калмыкия. После того как он был поставлен на учет в филиале ФКУ УИИ УФСИН России по Республике Калмыкия, М. разъяснили правила и порядок отбывания ограничения свободы. В связи с этим с него взяли подписку, в которой он принял на себя обязательство по осуществлению ограничений, предусмотренных в приговоре, вынесенном Целинным районным судом Республики Калмыкия. Его сразу предупредили, что за преступление в виде злостного уклонения от отбывания ограничения свободы, присужденного как факультативное наказание, предусматривается уголовная ответственность по части 1 статьи 314 Уголовного кодекса РФ. Но М., понимая незаконность своих действий, не приходил на регистрацию сам, не оповестив представителей отделения ФКУ УИИ УФСИН России, покинул место постоянного проживания. В результате его задержали полицейские; при этом на протяжении 30 суток место его пребывания установить не удалось⁶⁷.

Субъект посягательства, закрепленного частью 1 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, является специальным. В частности, это лицо, которому наказание в виде ограничения свободы было назначено как факультативное. Если рассматривать субъективную сторону посягательства, то она характеризуется исключительно прямой формой вины. Это обусловлено тем, что объективная сторона имеет формальную конструкцию.

В уголовно-правовой доктрине в качестве непосредственного объекта второго посягательства, закрепленного названной статьей, признаются обще-

⁶⁷ Приговор Целинного районного суда Республики Калмыкия от 13 марта 2020 г. по уголовному делу № 1-19/2020 / Официальный сайт Целинного районного суда Республики Калмыкия / URL: <http://celinny.kalm.sudrf.ru> (дата обращения 10.05.2020).

ственные правоотношения, которые обеспечивают обязательный характер постановления суда в отношении отбывания виновным лишения свободы⁶⁸. Мы считаем, что эта точка зрения является верной.

В объективную сторону состава, закрепленного частью 2 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, входят два альтернативных общественно опасных деяния:

- виновный, которому назначено наказание в виде лишения свободы и которому разрешено покинуть исправительное заведение, не вернулся туда по окончании срока выезда;

- виновный, которому назначено наказание в виде лишения свободы и которому предоставили отсрочку от исполнения судебного решения или отбывания назначенного наказания, не пришел в соответствующий орган УИС по окончании такой отсрочки.

Согласно статье 96 УИК РФ, приговоренным к наказанию в виде лишения свободы, направленным в воспитательные и исправительные колонии, и виновным, которые на законных основаниях были оставлены в СИЗО или тюрьме для осуществления работ в сфере хозяйственного обслуживания, суд может разрешить покинуть территорию исправительных заведений:

а) на короткий срок – не более 7 дней (в этот срок не входит время, требующееся для поездки в обе стороны) по исключительным личным обстоятельствам (гибель или тяжелое заболевание близких родственников, которое представляет опасность для их жизни; стихийные бедствия, которые нанесли существенный имущественный вред виновному либо его родным), а также для того, чтобы осужденный мог заблаговременно урегулировать вопросы относительно устройства на работу и бытового обустройства по выходу на свободу;

⁶⁸ Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. – СПб., 2005: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». – С. 470.

б) на продолжительный срок – это может быть ежегодный оплачиваемый отпуск; если у осужденного нет работы в силу не зависящих от него обстоятельств, то он может уехать на срок, приравненный к ежегодному оплачиваемому отпуску.

Также выезжать в отдельных случаях могут осужденные, у которых есть дети.

Специальные условия предусмотрены для лиц, которые направлены для отбывания наказания в колонии-поселения. В частности, на основании части 1 статьи 129 УИК РФ, в колонии-поселении отсутствует охрана, однако осуществляется надзор со стороны администрации такой колонии. В период от подъема и до отбоя заключенные могут свободно перемещаться без контроля за пределами колоний, но не покидая муниципальное образование, в котором находится данная колония, если этого требует осуществляемая ими деятельность или по причине обучения.

Например, «Р. осуждена за то, что, будучи осуждённой к лишению свободы, имея разрешение на выезд за пределы исправительного учреждения, не вернулась в исправительное учреждение. Преступление совершено при следующих установленных судом обстоятельствах. Р. по приговору суда отбывала наказание в виде 2 лет 1 месяца лишения свободы в колонии-поселении.

8 февраля 2013 года Р. в составе бригады осуждённых была выведена за пределы территории колонии-поселения для выполнения хозяйственных работ по благоустройству территории строящегося объекта под надзором сотрудника учреждения. Примерно в 12 часов Р. самовольно покинула объект и для дальнейшего отбывания наказания в расположение колонии-поселения не прибыла, а с целью дальнейшего уклонения от отбывания наказания поехала в поселок, где продолжала уклоняться от отбывания наказания до 00

часов 50 минут 9 февраля 2013 года, когда была задержана сотрудниками УФСИН России по Московской области»⁶⁹.

Субъектом данных преступлений может выступать исключительно лицо, которому по приговору суда назначено наказание в виде лишения свободы. Данное обстоятельство роднит это преступление с составом побега. В обоих случаях не исполняется постановление суда о назначении наказания в виде лишения свободы. Только побег совершается путём активных действий, а преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 314 УК РФ, путём бездействия.

Рассматривая уголовно-правовые средства, обеспечивающие обязательный характер исполнения постановлений суда, следует отдельно сказать о положении, предусматривающем ответственность за преступление в виде уклонения от применения в отношении виновного принудительных мер медицинского характера (часть 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ). Данное положение было включено в российское законодательство в 2012 году. Это связано с тем, что в тот период в государстве проводились меры по противодействию педофилии. По этой причине законодательство предусматривает уголовную ответственность за названное деяние лишь по отношению к лицам, у которых наблюдаются расстройства сексуальных предпочтений (педофилов), не исключающие вменяемости.

В юридических источниках говорится о том, что посягательство, закрепленное частью 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, несет в себе очень высокую общественную опасность. Подтверждая эту точку зрения, исследователи говорят о том, что педофилия является чрезвычайно опасным преступлением.⁷⁰ Этот аргумент едва ли можно подвергнуть сомнению. Это криминальное поведение, конечно, требует того, чтобы государственно-властный аппарат реагировал на него соответствующим образом. При этом

⁶⁹ Постановление Президиума Московского областного суда от 20.08.2014 № 517 по делу № 44у-250/2014 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁷⁰ Васина И.В. Общественная опасность уклонения от применения принудительных мер медицинского характера // Эпоха науки. – 2015. – № 4. – С. 154.

мы не считаем вполне оправданным тот факт, что законодатель предусматривает уголовную ответственность лишь за действия в виде уклонения от реализации принудительных медицинских мер по отношению к субъектам, которые страдают педофилией. К примеру, если то или иное психическое расстройство человека создает опасность осуществления им посягательств, представляющих опасность для здоровья и жизни людей, то его уклонение от реализации в отношении него указанных мер несет в себе не меньшую общественную опасность.

В уголовно-правовой доктрине на сегодняшний день сформировалось понимание признаков состава такого деяния, как уклонение от реализации принудительных медицинских мер. Так, по словам Л.Н. Одинцовой, в роли непосредственного объекта посягательства, закрепленного частью 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, выступают общественные правоотношения, которыми обеспечивается обязательный характер исполнения постановления суда о назначении в отношении лица принудительных медицинских мер⁷¹. Анализируемое деяние направлено против общественных отношений, которые складываются в отношении обеспечения обязательного характера реализации постановлений суда. При этом, по верному замечанию Л.Н. Одинцовой, речь идет о постановлениях, назначающих осуществление принудительных медицинских мер.

Проанализировав уголовно-правовое предписание, содержащееся в части 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, следует отметить, что отечественный законодатель обеспечивает уголовно-правовой защитой не все общественные отношения, наступающие в части реализации судом принудительных медицинских мер, а лишь определённую их часть. В соответствии с положением, предусмотренным в примечании 2 к статье 314 Уголовного кодек-

⁷¹ Одинцова Л.Н. Вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, страдающих педофилией, не исключаяющей вменяемости, за уклонение от принудительных мер медицинского характера // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 4. – С. 67-74.

са РФ, уголовную ответственность за действия в виде уклонения от реализации принудительных медицинских мер законодатель устанавливает лишь при условии, что названные меры подлежат применению в отношении лица после того, как он отбудет наказание. Мы считаем, что этот факт следует учесть, определяя непосредственный объект состава, регулируемого частью 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ.

Таким образом, непосредственный объект посягательства, закрепленного частью 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, представлен общественными отношениями в сфере обеспечения обязательного характера принудительных медицинских мер, реализуемых по отбытии лицом назначенного наказания.

Если рассматривать объективную сторону, то анализируемое посягательство проявляется в том, что виновный уклоняется от реализации принудительных медицинских мер. Как отмечает Ю.В. Грачева, уклонение в названной норме рассматривается как действия субъектов, которые ранее нарушили правила и порядок принудительного лечения на протяжении 1 года после того, как в отношении них было применено письменное предупреждение, и больных, место пребывания которых уголовно-исполнительная инспекция не смогла установить в течение более 30 суток⁷². Необходимо подчеркнуть, что автор пользуется формулировками, описывающими действия в виде злостного уклонения от отбывания наказания, применяемыми уголовно-исполнительным законодательством. Но основания этой экстраполяции, как нам представляется, являются сомнительными.

Прежде всего, в норме части 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ говорится не о злостном уклонении, а о любом уклонении. Кроме того, юридическая природа уголовных наказаний и принудительных медицинских мер раз-

⁷² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рагог. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – С. 787.

ная, а значит, нельзя ставить знак равенства между их юридическими признаками.

Для того чтобы понять сущность объективной стороны посягательства, предусмотренного частью 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, следует рассмотреть принудительные медицинские меры, уклонение от реализации которых формирует состав указанного посягательства. В соответствии с частью 2¹ статьи 102 Уголовного кодекса РФ, виновным, осуществившим в совершеннолетнем возрасте (по достижении 18 лет) посягательства, направленные на половую неприкосновенность несовершеннолетних (которым не исполнилось 14 лет), имеющим расстройства сексуальных предпочтений (с диагнозом «педофилия»), не исключающие вменяемости, судом с учетом результатов судебно-психиатрической экспертизы, могут быть назначены принудительные медицинские меры, закрепленные пунктом «а» части 1 статьи 99 Уголовного кодекса РФ. Данное положение устанавливает меру в виде принудительного наблюдения и лечение у психиатра в условиях амбулатории.

В юридических источниках подчеркивается, что такие меры подлежат реализации в пределах не психиатрического стационара, а в организациях системы здравоохранения, которыми амбулаторно предоставляется психиатрическая помощь. Речь в данном случае может идти о психиатрических кабинетах районных поликлиник, психоневрологических кабинетах поликлинических отделений центральных районных больниц, психоневрологических диспансерах и пр. Таким образом, это медицинские организации, предоставляющие амбулаторно психиатрическую помощь гражданам⁷³.

На этом основании уклонение от реализации принудительных медицинских мер в данных обстоятельствах означает, что лицо не является к психиатру, чтобы встать на учет, не приходит на регулярные приемы, которые назначает лечащий врач, не выполняет его рекомендации по поводу лечения

⁷³ Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 98.

и пр. Необходимо отметить, что так как часть 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ не закрепляет такой признак, как злостность, все, даже однократные нарушения могут образовывать состав анализируемого посягательства.

Учитывая законодательную конструкцию объективной стороны, уклонение от реализации принудительных медицинских мер имеет формальный состав. Для того чтобы посягательство было признано оконченным, не нужно, чтобы наступали те или иные общественно опасные последствия.

Субъект посягательства, закрепленного частью 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, является специальным. В соответствии с прямым указанием уголовного законодательства, речь в данном случае идет об исключительном лице, у которого имеется расстройство сексуальных предпочтений, т.е. педофилия, не исключающее вменяемости. В правовых источниках говорится, что педофилию не следует рассматривать как насильственное половое посягательство, направленное на не достигшее совершеннолетия лицо. Как правило, педофилы не совершают преступные деяния. С другой стороны, не любое посягательство на половую неприкосновенность не достигших совершеннолетия лиц осуществляют лица, у которых диагностирована педофилия.⁷⁴

Для того чтобы подтвердить расстройство сексуальных предпочтений, т.е. педофилию, необходимо провести судебно-психиатрическую экспертизу.

Рассматривая субъективную сторону состава, закрепленного частью 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, Л.Н. Одинцова, говоря о наличии прямого умысла, в то же время подчеркивает, что в этой ситуации можно предполагать, что, умышленно уклоняясь от терапии, педофил стремится к осуществлению своих преступных намерений во вновь осуществленных впо-

⁷⁴ Дерягин Г.Б. Педофилия: пояснения для посторонних // Сексология и сексопатология. – 2006. – № 2. – С. 37; Дерягин Г.Б. Криминальная сексология: курс лекций для юридических факультетов. – М., 2008. – С. 88; Одинцова Л.Н. Вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, страдающих педофилией, не исключающей вменяемости, за уклонение от принудительных мер медицинского характера // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 4. – С. 67-74.

следствии деяниях, направленных на половую неприкосновенность лиц, не достигших 14-летия⁷⁵. Вывод том, что при осуществлении данного посягательства может иметь место только прямой умысел, мы разделяем в полной мере. Но мысль о том, что в субъективную сторону уклонения от реализации принудительных медицинских мер входит стремление виновного впоследствии осуществить свои педофилические намерения, как нам представляется, не следует из буквального истолкования уголовного законодательства. Для того чтобы посягательство можно было квалифицировать по части 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, не имеют значения особенности мотивации преступника. Так, у него могут быть указанные намерения, а может быть и так, что он просто не хочет проходить психиатрическое лечение.

На основании сказанного мы можем сделать ряд выводов.

1. В качестве непосредственного объекта посягательств, закрепленных статьей 314 Уголовного кодекса РФ, следует рассматривать общественные правоотношения в сфере обеспечения обязательного характера исполнения постановлений суда относительно ограничения свободы как факультативного наказания, лишения свободы и принудительных медицинских мер, реализуемых по отношению к виновному после того, как он отбудет наказание.

2. Под уклонением от реализации принудительных медицинских мер, согласно части 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, подразумевается, что осужденный не пришел к психиатру, чтобы встать на учет; не приходит на регулярные приемы, которые назначает лечащий психотерапевт, не следует врачебным предписаниям в отношении назначенной терапии. Необходимо отметить, что в связи с тем, что в указанной норме отсутствует такой признак, как злостность, каждое, пусть даже и однократное, нарушение будет образовывать состав анализируемого посягательства.

⁷⁵Одинцова Л.Н. Вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, страдающих педофилией, не исключаяющей вменяемости, за уклонение от принудительных мер медицинского характера // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 4. – С. 67-74.

3. Субъект каждого из деяний, установленных в статье 314 Уголовного кодекса РФ, является специальным. В частях 1 и 2 статьи 314 речь идет об осужденных, приговоренных судом к ограничению свободы в виде факультативного наказания либо же, соответственно, лишению свободы. В части 3 статьи 314 УК РФ в качестве субъекта посягательства может рассматриваться лишь лицо, у которого имеется расстройство сексуальных предпочтений, то есть педофилия, не исключающее вменяемости.

2.4. Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений

У судебной власти в РФ имеются достаточно обширные полномочия. Множество аспектов социальной жизни обусловлены исключительной прерогативой, закрепленной за судебными органами. Рассматривая эти прерогативы, следует сказать в первую очередь об административном надзоре, включающим в себя совокупность мероприятий в сфере наблюдения за осужденным, который был освобожден из места заключения. Такой надзор реализуется на основании постановления суда.⁷⁶

Социальной значимостью такого института, как административный надзор, обусловлено и законодательное регулирование мер, направленных на его уголовно-правовое обеспечение. Сразу же после того как был принят ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы», в отечественный Уголовный кодекс была включена статья 314¹, закрепляющая ответственность за действия в виде уклонения от административного надзора. В результате в российском законодательстве появил-

⁷⁶Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. – 11.04.2011. – № 15. – Ст. 2037 (ред. от 29.07.2017).

ся самостоятельный вид незаконного неисполнения постановлений суда. На сегодняшний день он стал намного шире, так как законодатель криминализовал как уклонение от такого надзора, так и многократное нарушение закрепленных в судебном решении ограничений.

За период, пока действует указанный уголовно-правовой запрет, в юридических источниках было сформулировано понимание признаков состава посягательства, регулируемого статьей 314¹ Уголовного кодекса РФ. Но есть и множество дискуссионных вопросов.

В частности, как отмечает И.А. Анисимова, в качестве непосредственного объекта состава посягательства, закрепленного указанной статьей, должно рассматриваться нормальное функционирование ОВД, обеспечивающих постепенную социальную адаптацию заключенных, по отношению к которым на основании приговора суда закреплен административный надзор. Это позволяет предупредить осуществление ими новых посягательств, оказать на них индивидуализированное превентивное влияние, защитить интересы государства и общества⁷⁷.

А.В. Дружинин считает, что объектом анализируемого деяния выступают в основном общественные правоотношения, складывающиеся в отношении обеспечения исполнения постановлений суда, которые вступили в законную силу.⁷⁸

По нашему мнению, наиболее верную точку зрения высказал второй исследователь. Мнение, которое выражает И.А. Анисимова, мы считаем не вполне справедливым. Едва ли можно считать правильным утверждение о том, что объектом нарушения правил административного надзора может вы-

⁷⁷ Анисимова И.А. Уклонение от административного надзора (ст. 314¹ УК РФ) // Актуальные проблемы уголовного права: сборник научных статей. – Барнаул, 2012. – С. 179-188.

⁷⁸ Дружинин А.В. Уклонение от административного надзора (ст. 314.1. УК РФ): анализ объекта преступления // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 3. – С. 297-300.

ступать нормальное функционирование ОВД. К примеру, если виновный уклоняется от такого надзора, получается, что они больше не осуществляют свою деятельность. Действия, указанные статьей 314¹ Уголовного кодекса РФ, по сути, освобождают ОВД от административного надзора. Одновременно эти противоправные действия грубым образом нарушают требования, предусмотренные по отношению к данному лицу. Такие требования предусматривают не органы внутренних дел, а суд. На этом основании преступление, предусмотренное статьей 314¹ Уголовного кодекса РФ, можно включить в категорию посягательств, подразумевающих невыполнение решений суда и иных актов.

Действия в виде уклонения от административного надзора либо многократного нарушения предусмотренных судом на основании федерального закона ограничений способствуют нарушению общественных правоотношений в сфере обеспечения исполнения постановлений суда. А так как указанные правоотношения носят очень специфический характер, их можно конкретизировать. Анализируемое посягательство направлено против предусмотренного на основании судебного решения правового режима административного надзора.

Итак, в качестве непосредственного объекта посягательства, регламентируемого статьей 314¹ Уголовного кодекса РФ, следует рассматривать общественные правоотношения, наступающие по поводу обеспечения предусмотренного решением суда особого правового режима административного надзора. Следует отметить, что в составе анализируемого посягательства нет факультативного непосредственного объекта.

Говоря об объективной стороне посягательства, закрепленного частью 1 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ, следует отметить, что она подразумевает нарушение территориальных требований, предъявляемых административным надзором, и включает в себя такие альтернативные деяния, как:

- виновный, не имея на то веских причин, не является в избранное место проживания или нахождения в срок, который установила администрация исправительного заведения;

- виновный по своему желанию покидает место проживания, фактического нахождения.

Для того чтобы признать посягательство оконченным, не требуется, чтобы наступали те или иные общественно опасные последствия. К примеру, в отношении П. Ленинский районный суд г. Кемерово установил на срок 3 года административный надзор по его освобождению из места заключения, ФКУ ИК-40 г. Кемерово ГУФСИН России по Кемеровской области. Его на месте оповестили по поводу предписания о прибытии на выбранное им место проживания. В соответствии с данным предписанием, он взял на себя обязательство, покинув места заключения, приехать в выбранное место проживания или нахождения, и на протяжении трех суток с этого момента прийти, чтобы встать на учет, в Отдел МВД России по Новокузнецкому району Кемеровской области. Однако он намеренно, для того чтобы уйти от установленного административного надзора, не имея на то веских причин, на выбранное место проживания в установленный администрацией исправительной колонии срок не явился. Кроме того, это место не было и местом его фактического проживания. Также он на протяжении трех рабочих дней не встал на учет в Отделе МВД России по Новокузнецкому району Кемеровской области⁷⁹.

Следует подчеркнуть, что разница между первым и вторым посягательством состоит в указании не только на место проживания и пребывания, но и на место фактического нахождения осужденного. Это указание получило свое законодательное закрепление в 2017 году. В данном случае речь идет о

⁷⁹Приговор Новокузнецкого районного суда Кемеровской области от 18 марта 2020 г. по уголовному делу № 1-11/2020 / Официальный сайт Новокузнецкого районного суда Кемеровской области / URL: <http://novokuznecky.kmr.sudrf.ru/> (дата обращения 28.04.2020).

территориях сельских и городских поселений, территориях внутригородских районов (если они отсутствуют, то о городах), о территориях внутригородских муниципальных образований городов федерального значения, которые выбирает осужденный, отбывший наказание в местах заключения и не располагающий местом проживания или нахождения⁸⁰. Полагаем, что в большой мере данное законодательное установление способствует закреплению на правовом уровне действительного статуса лица, у которого отсутствует определенное место проживания.

Субъективная сторона анализируемого посягательства включает в себя прямой умысел. В качестве составообразующего признака следует признать специальную цель, которая состоит в уклонении от административного надзора. Следует привести постановление Пленума ВС РФ от «О судебной практике по делам о деяниях, регламентируемых ст. 314¹ УК РФ», в котором разъясняется следующее. О наличии данной цели могут говорить фактические обстоятельства, которые в каждой отдельной ситуации указывают на то, что соответствующий осужденный намеревается воспрепятствовать реализации надзора со стороны ОВД или избежать контроль в отношении следования предписанных судебным постановлением ограничений, закрепленных частью 1 статьи 4 ФЗ об административном надзоре, а также в отношении осуществления связанных с такими ограничениями обязательств, названных в части 1 статьи 11 указанного ФЗ⁸¹.

Необходимо отметить, что указанная цель осуществления посягательства в большой степени ограничивает рамки криминализации этого деяния. К примеру, осужденный, за которым осуществляется административный

⁸⁰Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. – 11.04.2011. – № 15. – Ст. 2037 (ред. от 29.07.2017).

⁸¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 7.

надзор, выйдя на свободу, может и не явиться без веских на то причин в выбранное им место проживания в срок, который установила администрация исправительного заведения, но при этом он не преследует цель уклониться от такого надзора. Такое может быть, если осужденный сам выбрал место проживания либо нахождения, которое отличается от указанного в исправительном заведении, но при этом он встал на учет, чтобы впоследствии в отношении него осуществлялся административный надзор. В юридических источниках подчеркивается, что этот признак является избыточным.

В части 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ говорится о самостоятельном составе посягательства, которому свойственны признаки как объективной, так и субъективной стороны. Для квалификации данного состава надо, чтобы были соблюдены следующие условия:

а) лицо многократно нарушало административные ограничения, о которых говорится в примечании к статье 314¹ Уголовного кодекса РФ;

б) осуществление этим лицом административных правонарушений, направленных на порядок управления (исключение составляет административное правонарушение, закрепленное статьей 19.24 КоАП РФ), или же административных правонарушений, направленных против общественной безопасности и правопорядка, или же административных правонарушений, направленных против общественной нравственности, санитарно-эпидемиологической безопасности граждан, здоровья, или административных правонарушений, закрепленных частью 7 статьи 11.5, статьей 11.9, статьей 12.8, статьей 12.26 КоАП РФ.

Обязательное условие заключается в том, что первое обстоятельство должно быть сопряжено со вторым обстоятельством.

Указанные признаки, составляющие объективную сторону, достаточно полно изучены теорией уголовного права. Дискуссионным и для теории, и для практики уголовного права остается вопрос о сущности такого признака, как сопряженность. По словам З.Э. Эргашевой, обстоятельства могут сло-

житься так, что время нарушения административных ограничений не соответствует времени осуществления правонарушения, направленного, к примеру, против общественной безопасности и правопорядка. В данном случае представляется нелогичным говорить об отсутствии оснований, позволяющих привлечь человека к уголовной ответственности по части 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ⁸².

При этом, по словам М.В. Бавсуна и М.В. Вишняковой, сопряженность – это содержательная и временная связь. Они отмечают, что административные правонарушения должны быть совершены во время, когда субъект нарушает административные ограничения, обусловленное их содержанием. В частности, если нарушается ограничение, запрещающее находиться в том или ином месте, совершение административного правонарушения должно приходиться на время, когда виновный пребывал в запрещенном к посещению месте⁸³.

Мы считаем, что все споры разрешил Пленум ВС РФ, вынесший постановление о судебной практике по делам о посягательствах, регламентированных ст. 314¹ УК РФ. В частности, в данном документе говорится, что нарушение закрепленных на основании судебного решения административных ограничений сопряжено с осуществлением названных в части 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ правонарушений (к примеру, речь может идти о мелком хулиганстве, нахождении в публичных местах в нетрезвом состоянии), при условии одновременной реализации названных действий. Это означает, что правовые нарушения осуществляются одновременно, когда виновный, в отношении которого осуществляется административный надзор, пребывает в запрещенном месте, ходит в места проведения публичных и других меропр-

⁸² Эргашева З.Э. Неоднократность и сопряжённость как признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ // Криминалистика. – 2016. – № 1 (18). – С. 116-119.

⁸³ Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Вопросы применения части 2 статьи 314¹ УК РФ // Законодательство и практика. – 2015. – 2015. – № 1. – С. 27-29.

ятий, хотя это запрещено судом, находится за пределами жилого помещения после 11 ночи⁸⁴.

Следует отметить, что правоприменительная практика принимает во внимание это постановление. Так, У., по отношению к которому осуществлялся административный надзор, многократно нарушал административные ограничения, назначенные на основании судебного решения и согласно федеральному законодательству. Это нарушение было сопряжено с осуществлением У. административного правонарушения, направленного против общественной безопасности, и обстоятельства осуществления деяния были следующими.

Сысольский районный суд Республики Коми вынес в отношении У. решение об установлении административного надзора на срок 3 (три) года. Также были предусмотрены определенные административные ограничения. В частности, ему необходимо было являться ежемесячно в ОВД по месту проживания (регистрации). Ему было запрещено ходить в заведения, организации, которые продают алкогольные напитки на розлив. Кроме того, ему было запрещено ходить на публичные и другие мероприятия и участвовать в них. Также ему нельзя было находиться за пределами места проживания в период с 22.00 до 06.00 часов следующего дня. Ему нельзя было покидать муниципальное образование, в котором он проживал.

Но У. многократно нарушал предусмотренные в отношении него административные ограничения. Им было осуществлено административное правонарушение, направленное против общественной безопасности и правопорядка. В частности, У, будучи оповещенным о том, что в отношении него суд предусмотрел ограничения, 12 ноября 2018 г. в 22 часа 05 минут не находился в своей квартире, тем самым нарушив назначенные на основании судебного

⁸⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 7.

го решения ограничения. 14 ноября того же года на основании постановления, вынесенного мировым судьей Сысольского судебного участка Республики Коми, У. признали виновным в осуществлении административного правонарушения, закрепленного статьей 19.24 части 3 КоАП РФ. Суд назначил наказание: обязательные работы на срок 20 часов.

Подобные решения суд выносил в отношении нарушителя многократно.

14 октября 2019 г. в 22 часа 25 минут У. задержали полицейские в публичном месте в состоянии алкогольного опьянения. Виновного доставили в ГБУЗ РК «Сысольская ЦРБ», где он прошел медицинское освидетельствование на предмет опьянения. Виновный находился в публичном месте, употреблял алкоголь, и, будучи доставленным в ГБУЗ РК «Сысольская ЦРБ», на все отделение, безадресно матерился в присутствии полицейских и медицинских работников. Таким образом, им было осуществлено административное правонарушение, закрепленное частью 2 статьи 20.1 КоАП РФ. На следующий день на основании постановления, вынесенного Сысольским районным судом Республики Коми по делу об административном правонарушении, У. признали виновным в осуществлении административного правонарушения, закрепленного частью 2 статьи 20.1 КоАП РФ. Суд назначил ему наказание: административный штраф в сумме 2000 рублей. Таким образом, речь идет о совершении У. административного правонарушения, направленного против общественной безопасности и правопорядка. Постановление было введено в действие 26.10.2019. Следует отметить, что У. 14 октября 2019 года в 23 часа 14 минут не находился по месту проживания, что означает нарушение административных ограничений, предусмотренных в отношении него на основании судебного решения и федерального законодательства⁸⁵.

⁸⁵ Приговор Сысольского районного суда Республики Коми от 17 марта 2020 г. по уголовному делу № 1-17/2020 / Официальный сайт Сысольского районного суда Республики Коми / URL: <http://sysola.komi.sudrf.ru> (дата обращения 29.04.2020).

При этом, как нам представляется, подобное истолкование способствует необоснованному сужению границ криминализации рассматриваемого посягательства. На основании буквального истолкования уголовного законодательства нельзя заключить, что сопряжённость в части 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ означает только одновременность.

Также нам не представляется вполне обоснованным приведенное толкование в связи с изменениями, внесенными в часть 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ, в 2017 году. Данными изменениями был расширен перечень административных правонарушений, сопряжённость с которыми многократного нарушения установленных административных требований, формирует состав анализируемого посягательства. В этот перечень были добавлены правонарушения в сфере управления наземными, воздушными, водными видами транспорта в нетрезвом состоянии. Взаимосвязь данных правонарушений и ограничений, установленных в отношении лица в целях административного надзора (в рамках которых ему запрещается посещать определенные места, находить за пределами места проживания в установленный период времени и пр.), непрямая. Это свойственно, к примеру, случаям, когда виновный многократно нарушает запрет и посещает публичные мероприятия, что сопряжено с нахождением в состоянии алкогольного опьянения. Необоснованной мы считаем связь, к примеру, между фактом управления средством транспорта в нетрезвом виде и нахождения в запрещенных местах в запрещенный период времени. В данном случае подразумевается констатация того, что соответствующие действия субъекта были совершены одновременно.

Принимая во внимание сказанное, полагаем, что такой признак, как сопряженность, в составе, закрепленном частью 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ, следует рассматривать как объединенность, при которой не требуется одновременный характер совершения действий. К примеру, достаточно того, чтобы на протяжении года субъект два раза понес административную ответственность за нарушение установленных ограничений и снова совершил

те же действия и при этом им было осуществлено как минимум одно административное правонарушение, закрепленное частью 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ.

Если рассматривать субъективную сторону посягательства, закрепленного частью 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ, то следует отметить, что она не включает в себя факультативные признаки, за исключением прямой формы вины. Особенности целей и мотивов не сказываются на квалификации деяния по части 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ.

Уголовную ответственность и по части 1, и по части 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ несет только специальный субъект. Он представлен лицом, по отношению к которому к моменту осуществления данного деяния был установлен на основании постановления суда правовой режим административного надзора.

Принимая во внимание сказанное, мы можем заключить следующее.

1. В качестве непосредственного объекта посягательства, предусмотренного статьей 314¹ Уголовного кодекса РФ, выступают общественные правоотношения, наступающие в части обеспечения предусмотренного решением суда особого правового режима административного надзора. Следует отметить, что в составе рассматриваемого посягательства нет факультативного непосредственного объекта.

2. Такой признак, как сопряжённость, в посягательстве, закрепленном частью 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ, подразумевает объединенность, при которой не требуется единовременность в буквальном понимании. К примеру, достаточно того, чтобы на протяжении года субъект два раза понес административную ответственность за нарушение установленных ограничений и снова совершил те же действия и при этом им было осуществлено как минимум одно административное правонарушение, закрепленное частью 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ.

2.5. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта

Классическое для российского уголовного законодательства положение, предусматривающее ответственность за невыполнение судебного постановления, решения и других судебных актов (статья 315 Уголовного кодекса РФ), характеризуется достаточно продолжительной историей существования. Юридически существенные признаки этого посягательства подверглись тщательному анализу в уголовно-правовой теории. Этим была обусловлена достаточно устойчивая практика применения данного уголовно-правового запрещения. Следует подчеркнуть, что указанное уголовно-правовое положение не было раскритиковано правоведами. Уголовно-правовая теория сформировала только большое количество вполне обоснованных рекомендаций в отношении криминализации невыполнения постановлений суда со стороны как специальных субъектов, так и всех лиц, в том числе граждан⁸⁶.

Важно отметить, что конструкцию статьи 315 Уголовного кодекса законодатель значительно изменил. Так, на основании ФЗ от 02.10.2018 № 348-ФЗ, действовавшая раньше норма указанной статьи превратилась в ее вторую часть, тогда как первая теперь устанавливает ответственность за действия в виде злостного невыполнения вступивших в силу судебных постановлений, решений и других актов. Также данная статья регламентирует попытку воспрепятствовать их реализации со стороны субъекта, которому было назначено административное наказание за посягательство, закрепленное частью 4 статьи 17.15 КоАП РФ, осуществленное по отношению к тому же решению суда.

⁸⁶ Городнова О.Н. Оптимизация норм уголовного законодательства как цель обеспечения неотвратимости наказания и совершенствования исполнительного производства // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 3. – С. 97.

В соответствии с юридическими источниками, в роли основного непосредственного объекта посягательства, закреплённого статьей 315 Уголовного кодекса РФ, выступают, как правило, общественные правоотношения, формирующиеся в части обеспечения правосудия. Нередко факультативным непосредственным объектом выступают общественные правоотношения, наступающие в части обеспечения закрепленных Конституцией прав физических и юридических лиц, государства и общества⁸⁷.

Считаем, что приведенное толкование непосредственного объекта анализируемого посягательства может распространяться и в отношении новеллы, предусмотренной частью 1 статьи 315 по поводу обеспечения конституционных прав граждан РФ. Это обусловлено тем, что речь в названной норме, как и во второй части данной статьи, идет о действиях в виде злостного уклонения от невыполнения постановлений суда. При этом необходимо сказать о конструировании части 1 статьи 315 Уголовного кодекса РФ, в которой используется административная преюдиция, так как основание для наступления уголовной ответственности в этой ситуации - это факт административного наказания, назначенного виновному в соответствии с частью 4 статьи 17.15 КоАП РФ по отношению к этому же постановлению суда.

При этом административные предписания, закрепленные частью 4 статьи 17.15 КоАП РФ, закрепляют ответственность за невыполнение лицом предусмотренных исполнительной документацией требований о том, что необходимо прекратить распространять сведения или опровергнуть ранее распространенные сведения в течение срока, который вновь установил судебный пристав-исполнитель, наложив административный штраф.

Следует отметить, что изложенная формулировка административного правонарушения не позволяет с достаточной полнотой уяснить его содержание, которым предопределяется и суть уголовно-правового запрета, закреп-

⁸⁷ Сасин А.А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта как преступление против правосудия // Общество и право. – 2011. – № 4. – С. 183.

лённого ч. 1 ст. 315 УК РФ. Имеются основания полагать, что смысл указанного административно-правового предписания сводится к ответственности за повторное нарушение лицом обязанности по исполнению требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных документах (глава 13 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). В соответствии со ст. 105 названного Закона, «в случаях неисполнения должником требований, содержащихся в исполнительном документе, в срок, установленный для добровольного исполнения, а также неисполнения им исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании исполнительского сбора и устанавливает должнику новый срок для исполнения.

При неисполнении должником требований, содержащихся в исполнительном документе, без уважительных причин во вновь установленный срок судебный пристав-исполнитель составляет в отношении должника протокол об административном правонарушении в соответствии с КоАП РФ и устанавливает новый срок для исполнения. Если для исполнения указанных требований участие должника необязательно, то судебный пристав-исполнитель организует исполнение в соответствии с правами, предоставленными ему Федеральным законом»⁸⁸.

Однако и законодательство об исполнительном производстве не раскрывает содержание соответствующих требований неимущественного характера, что обуславливает необходимость обращения к положениям гражданского законодательства, исходно определяющего имущественные и неимущественные права. К последним относятся нематериальные блага, преду-

⁸⁸ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. – 08.10.2007. – № 41. – Ст. 4849 (в ред. Федерального закона от 06.03.2019 № 24-ФЗ, опубликованного на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 06.03.2019).

смотренные ч. 1 ст. 150 ГК РФ: жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона. Но поскольку в ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ имеется прямое указание на распространение информации, то очевидно ею предполагается, прежде всего, игнорирование требований о прекращении распространения информации или опровержения таковой, касающейся чести, достоинства, деловой репутации, частной жизни, личной и семейной тайны. Гражданско-правовые инструменты для защиты перечисленных видов информации и соответствующих прав граждан регламентированы ст. 152 и ст. 152² ГК РФ. Этими правовыми нормами предусмотрена возможность запрещения по судебному решению распространения такой информации и (или) опровержения ложных сведений.

Таким образом, уголовно-правовая норма, сформулированная в ч. 1 ст. 315 УК РФ, призвана охранять не любые правоотношения, возникающие по поводу обязательности исполнения судебного постановления, а лишь такие, которые связаны с исполнением судебных постановлений, защищающих честь, достоинство, деловую репутацию, а равно частную жизнь. Нематериальные блага в виде деловой репутации могут принадлежать как гражданину, так и юридическому лицу (п. 11 ст. 152 ГК РФ).

На основании изложенного непосредственный объект состава преступления, закреплённого ч. 1 ст. 315 УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением обязательности исполнения судебных постановлений о защите чести, достоинства, деловой репутации, а равно частной жизни лица.

С объективной стороны состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 315 УК РФ, тождественен таковой в традиционном составе неисполнения

приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ч. 2 ст. 315 УК РФ) и выражается в злостном неисполнении судебного постановления либо в воспрепятствовании его исполнению.

В теории уголовного права преобладает точка зрения о том, что злостность при неисполнении судебных постановлений подразумевает невыполнение каких-либо обязанностей после письменного предостережения о недопустимости повторения или продолжения нарушения установленного судом порядка в отношении определённых правоотношений⁸⁹.

В этой связи возникает закономерный вопрос о понимании злостности в структуре объективной стороны исследуемого состава преступления. Дело в том, что, исходя из положений законодательства об исполнительном производстве, к моменту привлечения лица к административной ответственности по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ он уже трижды предупреждается об обязанности исполнения соответствующего судебного постановления. Следовательно, либо законодатель указывает на то, что изложенное количество предупреждений уже подразумевает злостность неисполнения судебного постановления, либо требуется установление ещё каких-либо дополнительных признаков, свидетельствующих о таком поведении виновного. Однако думается, что к числу таких дополнительных признаков может быть отнесено только продолжение игнорирования требований судебных приставов-исполнителей. Но это, на наш взгляд, было бы несколько абсурдным, так как трёхкратного предупреждения более чем достаточно для констатации целеустремлённого намерения лица не исполнять судебное постановление. Поэтому считаем, что

⁸⁹ Сасин А.А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта как преступление против правосудия // Общество и право. – 2011. – № 4. – С. 183; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2019. – С. 582; Тепляшин П., Летягина Е. Квалификация неисполнения приговора, иного решения суда по признаку злостности // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 46; Харьковский Д.А. Уголовно-правовая характеристика неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта // Юрист-правовед. – 2006. – № 4. – С. 90.

признак злостности в диспозиции ч. 1 ст. 315 УК РФ фактически раскрывается через ссылку на применение к лицу наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ.

По законодательной конструкции объективная сторона состава преступления, регламентированного ч. 1 ст. 315 УК РФ, имеет формальный характер – преступление окончено с момента назначения лицу административного наказания по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ и продолжения неисполнения судебного постановления.

Важной особенностью состава неисполнения судебного постановления о защите чести, достоинства, деловой репутации, а равно частной жизни лица, в сравнении с общественно опасным деянием, запрещённым ч. 2 ст. 315 УК РФ, являются признаки субъекта. Если субъектом злостного неисполнения судебного постановления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ, выступает только лицо, наделённое специальными должностными (служебными) полномочиями, то субъект неисполнения судебного постановления о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространённой информации общий – любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, подвергнутое административному наказанию по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ.

Анализ уголовно-правовых норм, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 315 УК РФ, позволяет предположить, что они могут находиться, условно говоря, в перекрёстной конкуренции. В норме, закреплённой ч. 1 ст. 315 УК РФ, уточнены признаки объекта преступления, а в ч. 2 ст. 315 УК РФ – субъекта.

Вместе с тем сравнение санкций названных норм уголовного закона позволяет утверждать, что неисполнение представителем власти, государственным служащим, муниципальным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации судебного постановления о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространённой информации не мо-

жет быть квалифицировано по ч. 1 ст. 315 УК РФ, так как по ч. 2 этой статьи предусмотрено более строгое наказание. Поэтому в данной ситуации применению подлежит ч. 2 ст. 315 УК РФ как специальная норма по отношению к ч. 1 ст. 315 УК РФ.

Таким образом, законодателем дифференцирована уголовная ответственность за неисполнение судебного постановления о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространённой информации в зависимости от признаков субъекта совершённого преступления. При этом квалификация по ч. 2 ст. 315 УК РФ возможна как при наличии, так и при отсутствии административного наказания по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ, применённого в отношении виновного.

Получается, что состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 315 УК РФ, несмотря на существенную схожесть с ч. 1 ст. 315 УК РФ, является самостоятельным, не образует квалифицированный вид. Поэтому его элементы и признаки требуют определённого уточнения. Так, непосредственный объект преступления, запрещённого ч. 2 ст. 315 УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением обязательности исполнения любых судебных постановлений.

В уголовно-правовой литературе поднимается вопрос о круге судебных постановлений, неисполнение которых может влечь ответственность по ст. 315 УК РФ. При этом высказывается мысль, согласно которой неисполнение актов Конституционного Суда РФ, конституционных (уставных) судов субъектов РФ не является наказуемым по ст. 315 УК РФ⁹⁰.

⁹⁰ Друзин А.И. Уголовно-правовое обеспечение реализации судебного акта: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2001. – С. 9; Летягина Е.А. Уголовная ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: Дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2009. – С. 84-85.

Противником такой точки зрения является, например, М.А. Князьков, который ссылается на законодательное положение об ответственности за неисполнение постановлений Конституционного Суда РФ⁹¹.

На наш взгляд, какие-либо теоретические сомнения относительно того, обеспечивается ли ч. 2 ст. 315 УК РФ обязательность постановлений Конституционного Суда РФ, абсолютно беспочвенны. Часть 3 ст. 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» прямо указывает на конституционное производство как один из способов осуществления судебной власти в России⁹². Согласно ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», «решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений»⁹³.

В тексте диспозиции ч. 2 ст. 315 УК РФ законодатель также указывает на судебные постановления различных видов безотносительно уровня и ветви суда.

Таким образом, уголовно-правовой нормой, регламентированной ч. 2 ст. 315 УК РФ, обеспечивается охрана постановлений любых судов, предусмотренных законодательством о судебной системе в РФ. С данным выводом

⁹¹ Князьков М.А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – С. 76. См. также: Харьковский Д.А. Уголовно-правовая характеристика неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 71.

⁹² Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 06.01.1997. – № 1. – Ст. 1 (ред. от 30.10.2018).

⁹³ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 25.07.1994. – № 13. – Ст. 1447 (ред. от 29.07.2018).

согласилось 72 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведённого нами исследования.

В юридической литературе предпринимаются попытки ограничения круга судебных постановлений, подпадающих под действие ч. 2 ст. 315 УК РФ, и по основаниям, не связанным с видом суда, издавшего соответствующий акт. Так, по мнению М.А. Князькова, из числа судебных актов, в смысле ст. 315 УК РФ должны быть изъяты «1) принимаемые судебными органами решения, не связанные непосредственно с осуществлением их основной деятельности (решения советов судей, решения квалификационных коллегий и т.п.); 2) судебные акты, носящие вспомогательный характер, создающие предпосылки для отправления правосудия, в том числе обращения суда»⁹⁴.

Как пишет Е.А. Летягина, «уголовная ответственность по ст. 315 УК РФ наступает за неисполнение вступивших в законную силу судебных актов, которыми дело разрешается по существу (приговоры по уголовным делам, решения по гражданским делам, постановления по административным делам, решения, постановления арбитражных судов)»⁹⁵.

Однако подобные тезисы могут быть подвергнуты критике. Решения, например, квалификационных коллегий судов, советов судей, конечно же, не обладают признаками судебного постановления. Объясняется это тем, что такого рода акты исходят не от имени суда, а от имени органов судейского сообщества⁹⁶.

Нельзя согласиться и с утверждением о том, что ч. 2 ст. 315 УК РФ предоставляется уголовно-правовая охрана только тем постановлениям, ко-

⁹⁴ Князьков М.А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – С. 81.

⁹⁵ Летягина Е.А. Уголовная ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: Дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2009. – С. 81.

⁹⁶ Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 18.03.2002. – № 11. – Ст. 1022 (ред. от 26.07.2019).

торыми дело разрешается по существу. И хотя на практике в подавляющем большинстве случаев квалификация по ч. 2 ст. 315 УК РФ действительно связана с итоговыми судебными постановлениями, какие-либо юридические основания для подобных утверждений отсутствуют. Более того, не сложно смоделировать ситуацию, когда промежуточные судебные постановления тоже будут нуждаться в правовой охране, в том числе и уголовно-правовыми средствами. Например, речь может вестись о мерах обеспечения, которые не всегда и не обязательно связаны с арестами имущества.

М.А. Князьков приходит к выводу, что «действие ст. 315 УК РФ должно распространяться не только на акты судов, входящих в судебную систему Российской Федерации, но и на акты иных судебных органов, общеобязательность которых признана в соответствии с законом указанными судами или вступившими в законную силу на территории России международными договорами»⁹⁷. Представляется, что этот вывод соответствует нормам международного права⁹⁸. При этом эффективность реализации данных деклараций, на наш взгляд, является сомнительной.

В отличие от ч. 1 ст. 315 УК РФ, злостность в общем составе неисполнения судебного постановления не связана с административной преюдицией. И это понятие здесь является оценочным.

Как выше нами отмечалось, рассуждая о злостности неисполнения судебных актов, как обязательном признаке состава изучаемого преступления, многие авторы ссылаются на то, что для её констатации достаточно хотя бы однократного письменного предупреждения, проигнорированного винов-

⁹⁷ Князьков М.А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – С. 94.

⁹⁸ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // Вестник ВАС РФ. – 1993. – № 8; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 2.

ным⁹⁹. Хотя практика больше склоняется к наличию нескольких предупреждений для констатации злостности неисполнения судебного постановления.

Так, «Г. признан судом виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ, которое совершено им при следующих обстоятельствах. Г., являясь генеральным директором ООО, как представитель юридического лица, являясь служащим коммерческой организации, на основании устава ООО осуществляющий единоличное руководство текущей деятельностью Общества и обязанный в своей деятельности соблюдать требования действующего законодательства, на основании судебного решения Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа по гражданскому делу и на основании исполнительного листа обязан выплатить в пользу ЗАО сумму основного долга в размере 3 441 911 рублей 40 копеек и расходы по уплате госпошлины в сумме 10 000 рублей, а всего: 3 451 911 рублей 40 копеек.

Исполнительный лист был предъявлен на принудительное исполнение в отдел судебных приставов по г. Ханты-Мансийску и Ханты-Мансийскому району УФССП России по ХМАО-Югре, на основании которого судебным приставом-исполнителем было возбуждено исполнительное производство в отношении Общества. Копия постановления о возбуждении исполнительного производства поступила в Общество.

Генеральный директор ООО Г., как представитель юридического лица, являясь служащим коммерческой организации, судебным приставом-исполнителем был лично под роспись предупрежден о возбуждении вышеуказанного исполнительного производства, о необходимости исполнения вышеуказанного судебного решения Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа, а также об уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ.

⁹⁹ Друзин А.И. Воспрепятствование исполнению судебного акта. – Ульяновск: ФГУП ИПК «Ульяновский дом печати», 2001. – С. 122-123.

С момента возбуждения исполнительного производства Г. в течение длительного времени, несмотря на неоднократные предупреждения об уголовной ответственности, в том числе по ст. 315 УК РФ, умышленно, злостно не исполняет судебное решение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа»¹⁰⁰.

Субъектом состава злостного неисполнения судебного постановления является представитель власти, государственный служащий, муниципальный служащий, а также служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации. Вместе с тем в юридической литературе ведутся дискуссии относительно понимания признаков субъекта воспрепятствования исполнению судебного постановления (ч. 2 ст. 315 УК РФ). Так, по мнению М.А. Князькова, субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ, может быть любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, то есть данный автор считает, что субъект этого преступления общий¹⁰¹.

В свою очередь, например, Е.А. Летягина утверждает, что субъектом воспрепятствования исполнению судебного постановления может быть только лицо, наделённое служебными полномочиями, названными в диспозиции ч. 2 ст. 315 УК РФ¹⁰².

По нашему мнению, права в данном случае Е.А. Летягина, поскольку формулировка «а равно» в данном случае подразумевает отождествление деяния, но с последующими оговорками. Суть этих оговорок заключается в

¹⁰⁰ Приговор Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югра от 20.02.2018 по уголовному делу № 1-17/2018/ Официальный сайт Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югра / URL: <http://hmray.hmao.sudrf.ru/> (дата обращения 19.03.2020).

¹⁰¹ Князьков М.А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – С. 132.

¹⁰² Летягина Е.А. Уголовная ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: Дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2009. – С. 124. См. также: Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законодательства и правоприменения: Дис. ... докт. юрид. наук. – Владивосток, 2007. – С. 335.

том, что наказывается равным образом как неисполнение судебного постановления, так и воспрепятствование его исполнению. И это отождествление предполагает одинаковую категорию субъекта преступления. Хотя следует признать, что существующая конструкция диспозиции ч. 2 ст. 315 УК РФ может быть усовершенствована за счёт исключения оснований для потенциального разноречивого толкования.

Таким образом, субъект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ, в том числе и в форме воспрепятствования исполнению судебного постановления, специальный – им может выступать исключительно представитель власти, государственный служащий, муниципальный служащий, а также служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации. Аналогичное мнение высказали 76 % опрошенных в ходе проведённого нами исследования.

Стоит подчеркнуть, что, в силу буквального толкования уголовного закона, субъектом данного преступления не может быть признан, в том числе и индивидуальный предприниматель либо его работники.

В уголовно-правовой литературе отмечается, что судебный пристав не является субъектом преступления, запрещённого ч. 2 ст. 315 УК РФ. Например, А.Н. Оленьчева по этому поводу отмечает, что «судебный пристав-исполнитель не заменяет должника в исполнительном производстве, не освобождает должника от присущей только ему обязанности по исполнению судебного акта. Он осуществляет свою деятельность, прежде всего, с целью побуждения должника к своевременному и правильному исполнению»¹⁰³.

И хотя уголовный закон прямо таких ограничений не предусматривает, но такое утверждение представляется весьма логичным. Нарушения по службе, совершаемые судебным приставом-исполнителем, при наличии необхо-

¹⁰³Оленьчева А.Н. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 11.

димых признаков могут быть квалифицированы как должностные преступления.

С субъективной стороны данное преступление характеризуется умышленной формой вины. Ввиду формальной конструкции объективной стороны состава преступления, регламентированного ч. 2 ст. 315 УК РФ, умысел допускается только прямой. Мотивы и цели неисполнения судебного постановления квалифицирующим значением не обладают.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1) непосредственный объект состава преступления, закреплённого ч. 1 ст. 315 УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением обязательности исполнения судебных постановлений о защите чести, достоинства, деловой репутации, а равно частной жизни лица;

2) признак злостности в диспозиции ч. 1 ст. 315 УК РФ фактически раскрывается через ссылку на применение к лицу наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ. По законодательной конструкции объективная сторона состава преступления, регламентированного ч. 1 ст. 315 УК РФ, имеет формальный характер – преступление окончено с момента назначения лицу административного наказания по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ и продолжения неисполнения судебного постановления;

3) субъектом злостного неисполнения судебного постановления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ, выступает только лицо, наделённое специальными должностными (служебными) полномочиями. Субъект неисполнения судебного постановления о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространённой информации общий – любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, подвергнутое административному наказанию по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ;

4) законодателем дифференцирована уголовная ответственность за неисполнение судебного постановления о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространённой информации в зависимости от признаков субъекта совершённого преступления. При этом квалификация по ч. 2 ст. 315 УК РФ возможна как при наличии, так и при отсутствии административного наказания по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ, применённого в отношении виновного;

5) уголовно-правовой нормой, регламентированной ч. 2 ст. 315 УК РФ, обеспечивается охрана постановлений любых судов, предусмотренных законодательством о судебной системе в РФ;

6) состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 315 УК РФ, образует неисполнение любого судебного постановления, вступившего в законную силу. При этом обязательность исполнения постановлений советов судей, квалификационных коллегий судей не охраняется ч. 2 ст. 315 УК РФ, так как подобные акты исходят не от суда, а от органов судейского сообщества;

7) субъект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ, в том числе и в форме воспрепятствования исполнению судебного постановления, специальный – им может выступать исключительно представитель власти, государственный служащий, муниципальный служащий, а также служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации. Стоит подчеркнуть, что, в силу буквального толкования уголовного закона, субъектом данного преступления не может быть признан в том числе и индивидуальный предприниматель либо его работники.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕИСПОЛНЕНИЕМ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

3.1. Проблемы квалификации преступлений в сфере исполнения судебных постановлений

Устойчивое развитие современного российского государства и общества немислимо без надлежащих гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина. При этом в строгой охране нуждаются правовые механизмы восстановления нарушенных прав, одним из которых являются предписания уголовного закона о наказуемости неисполнения судебных постановлений. В их числе особое место занимают положения, регламентирующие неукоснительность соблюдения судебных постановлений, ориентированных на экономические санкции в отношении правонарушителей. В частности, во многом благодаря применяемой в судебном порядке обеспечительной мере в виде наложения ареста на имущество нередко достигаются весьма высокие результаты при возмещении вреда в различных сферах правоотношений.

Повышение качества уголовно-правового противодействия преступлениям во многом обеспечивается эффективностью правоприменительной деятельности по их квалификации. И здесь важны минимизация квалификационных ошибок, единообразие практики квалификации преступлений. С учётом стремительно развивающихся общественных отношений, перманентно изменяющегося законодательства, исследование особенностей квалификации преступлений представляется весьма актуальным.

Несмотря на длительную историю существования уголовно-правового запрета незаконных действий с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ теория и практика уголовного права сталкиваются с рядом проблем правопримени-

тельного плана. И прежде всего это касается вопросов разграничения этого состава преступления с иными общественно опасными деяниями. При этом стоит подчеркнуть, что многие аспекты квалификации исследуемых незаконных действий с имуществом находят в уголовно-правовой науке различные способы разрешения, что не способствует успешному достижению цели обеспечения единообразия судебной практики.

В юридической литературе отмечается целесообразность разграничения ст. 312 УК РФ с преступлениями, регламентированными ст. 157, 160, 177, 199² и 315 УК РФ¹⁰⁴. Результаты проведенного нами анализа материалов правоприменительной практики подтверждают смежный характер по отношению к ст. 312 УК РФ не всех перечисленных преступлений.

Так, что касается нормы об ответственности за неисполнение алиментных обязательств, то её вряд ли можно признать смежной. Рассматриваемые преступления объединяют только признаки объекта, поскольку они связаны с общественными отношениями, складывающимися в связи с обеспечением обязанности исполнения судебных постановлений. Другие же признаки наполнены оригинальным содержанием, не предопределяющим необходимость изучения проблем разграничения данных преступлений. В этой связи утверждения о том, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ч. 1 ст. 312 УК РФ, является специальной нормой по отношению к предписанию, закреплённому ст. 157 УК РФ,¹⁰⁵ следует признать необоснованными. Указанные предписания уголовного закона не находятся в отношениях конкуренции. При одновременном наличии признаков названных общественно опасных деяний они квалифицируются по совокупности ст. 157 и ст. 312 УК РФ.

В свою очередь уголовно-правовые нормы об ответственности за присвоение или растрату и за незаконные действия с имуществом в смысле ст.

¹⁰⁴ Виноградов Д.Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту: (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации): Дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2008. – С. 131.

¹⁰⁵ Там же. – С. 135.

312 УК РФ в отдельных случаях довольно сложно разграничить. Проблема состоит в наличии идентичных признаков объективной стороны: оба преступления могут быть совершены путём растраты. Например, Ю.И. Кулешов и некоторые другие авторы считают, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 312 УК РФ, является специальной по отношению к ст. 160 УК РФ. Данные авторы утверждают, что при их конкуренции применению подлежит ст. 312 УК РФ¹⁰⁶.

Вместе с тем изложенная точка зрения по вопросу соотношения ст. 160 и ст. 312 УК РФ не является единственной. В уголовно-правовой науке данная проблема находит и иные пути решения. В частности, некоторыми специалистами указывается на неравнозначность понятия «растрата», используемого в ч. 1 ст. 312 УК РФ, аналогичному термину в ст. 160 УК РФ¹⁰⁷. И в таком случае признаётся, что эти нормы не могут быть конкурирующими. По этому поводу Д.Ю. Виноградовым отмечается более широкое содержание растраты в ст. 312 УК РФ. Данный автор указывает, что предметом последнего преступления может быть только имущество, подвергнутое описи или аресту. Кроме того, он подчёркивает, что состав присвоения или растраты подразумевает в качестве своего объекта общественные отношения, складывающиеся в связи со свободным волеизъявлением лица взять под свою ответственность вверенное имущество. При этом в ст. 312 УК РФ вверение иму-

¹⁰⁶ Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: Дис. ... докт. юрид. наук. – Владивосток, 2007. – С. 324; Преступления против правосудия / Под ред. канд. юрид. наук А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2005. – С. 294; Гулый А.А. Уголовная ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 160.

¹⁰⁷ Друзин А. Диспозиция ст. 312 УК РФ требует уточнения // Законность. – 2002. – № 10. – С. 27.

щества не является добровольным, данный процесс осуществляется в рамках государственно-властных отношений¹⁰⁸.

Л.В. Лобанова приходит к выводу, что при одновременном наличии признаков преступлений, запрещённых ст. 160 и ст. 312 УК РФ, содеянное образует совокупность данных преступлений¹⁰⁹. По нашему мнению, данная точка зрения заслуживает поддержки. Для того чтобы признать нормы конкурирующими, требуется установить ситуации, при которых определённое деяние в полной мере охватывается и одной, и другой нормой. Однако смоделировать такую ситуацию невозможно даже теоретически. Обозначенные нормы уголовного закона имеют лишь поверхностное сходство. При детальном анализе становятся очевидными их явные различия. В первую очередь это затрагивает непосредственный объект состава преступления. Дело в том, что ст.ст. 160 и 312 УК РФ охраняются совершенно разные объекты: в первом случае это отношения собственности, а во втором – отношения, возникающие по поводу обязательности исполнения судебных постановлений. При этом данные отношения совершенно не пересекаются, что уже исключает возможность констатации конкуренции ст. 160 и ст. 312 УК РФ.

На основании изложенного нормы об уголовной ответственности за присвоение или растрату и за незаконные действия с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ не могут состоять в отношениях конкуренции. В случаях, когда содеянное лицом одновременно содержит признаки преступлений, предусмотренных ст. 160 и 312 УК РФ, данные статьи применяются по совокупности. Такой же точки зрения придерживаются 65 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведённого нами исследования.

¹⁰⁸ Виноградов Д.Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту: (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации): Дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2008. – С. 130-134.

¹⁰⁹ Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 418.

Следует отметить, что на практике возникают вопросы об уголовно-правовой оценке случаев уничтожения имущества, подвергнутого описи или аресту. В таком случае усматриваются признаки состава умышленного уничтожения чужого имущества (ст. 167 УК РФ) и незаконных действий с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ. Ведь по сути, уничтожение соответствующего имущества обладает признаками его незаконного отчуждения. Имеет место отказ от прав владения имуществом и последующий выход из владения ответственного лица. Квалификационное решение данной ситуации подобно решению при разграничении незаконных действий с имуществом, предусмотренных ст. 312 УК РФ, и состава присвоения или растраты. Объект состава незаконных действий с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ включает в себя исключительно отношения, возникающие в связи с осуществлением правосудия, поэтому он не охватывает своим содержанием отношения собственности, нарушаемые умышленным уничтожением чужого имущества.

В этой связи умышленное уничтожение чужого имущества при условии, что оно было подвергнуто описи или аресту, а также вверено виновному, при наличии необходимых признаков образует совокупность преступлений, закреплённых ст. 167 и 312 УК РФ.

Далее о соотношении ст. 312 УК РФ со ст. 177 УК РФ. По данному вопросу Д.Ю. Виноградов приходит к выводу, что «ч. 1 ст. 312 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 177 УК РФ» и в случаях, когда действия виновного, связанные с каким-либо незаконным отчуждением вверенного имущества, одновременно подпадают под признаки общественно опасных деяний, регламентированных ст. 177 и ч. 1 ст. 312 УК РФ, совокупность преступлений отсутствует и содеянное квалифицируется только по ч. 1 ст.

312 УК РФ как более специальной норме¹¹⁰. Представляется, что обоснованность данного утверждения может быть поставлена под сомнение.

Сопоставительный анализ названных уголовно-правовых норм показывает наличие у них множества различий. Как и в предыдущей ситуации, изучаемые преступления посягают на разные объекты. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности нарушает отношения в сфере экономической деятельности, связанные с интересами кредиторов. Отношения правосудия являются лишь дополнительным непосредственным объектом этого преступления. При этом непосредственный объект ст. 312 УК РФ связан исключительно с отношениями в сфере правосудия (специальный правовой режим имущества, устанавливаемый по судебному постановлению). Статьей 312 УК РФ не осуществляется охрана отношений в сфере экономической деятельности.

Значительные несовпадения имеются и при сравнительном анализе признаков объективной стороны преступлений, регламентированных ст. 177 и 312 УК РФ. В первом случае речь идёт об уклонении от погашения утверждённой судом кредиторской задолженности, тогда как по ст. 312 УК РФ наказуемы незаконные действия с имуществом, подвергнутым специальному правовому режиму по судебному постановлению. То есть эти деяния разноплановые по существу. И одно не исключает другое. Признаки субъекта и субъективной стороны состава преступления в изучаемой ситуации могут совпадать.

Безусловно, нельзя отрицать, что злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности после вступления в законную силу соответствующего судебного акта может быть сопряжено с фактом незаконных действий в отношении имущества, подверг-

¹¹⁰ Виноградов Д.Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту: (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации): Дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2008. – С. 135.

нутого описи или аресту. Однако эти деяния отчётливо размежёвываются, и их уголовно-правовая оценка предполагает квалификацию по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 177 и 312 УК РФ. Причём в подобных ситуациях имеет место реальная совокупность преступлений.

При решении вопроса о разграничении преступлений, установленных ст. 199² УК РФ и ст. 312 УК РФ, необходимо учитывать позицию высшей судебной инстанции РФ по смежной проблеме. Как разъяснено в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления», налоговое преступление в виде сокрытия имущества, за счёт которого должно производиться взыскание налогов, сборов, взносов, в том числе денежных средств, на которые в порядке ст. 77 НК РФ наложен арест, подлежит квалификации только по ст. 199² УК РФ. При этом если действия с арестованными денежными средствами совершены служащим кредитной организации, то при наличии других необходимых признаков они квалифицируются по ч. 1 ст. 312 УК РФ¹¹¹.

Указания о необходимости квалификации действий служащего кредитной организации по ст. 312 УК РФ понятны и не могут быть истолкованы как-либо иначе. Что же касается той части, где разъясняется о порядке применения ст. 199² УК РФ, то здесь надлежит учитывать следующее. Пленум Верховного Суда прямо ссылается на то, что действия виновного в подобных случаях «полностью охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 199² УК РФ». Исходя из этого предписания можно сделать вывод о том, что ст. 312 УК РФ в данной ситуации применению не подлежит.

Объяснением такой логики квалификации, на наш взгляд, может служить то, что упоминаемый в ст. 77 НК РФ арест является мерой принуждения

¹¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 1.

административного характера, применяемой во внесудебном порядке. В то же время ст. 312 УК РФ размещена в главе о преступлениях против правосудия, что свидетельствует о соответствующей видовой принадлежности этого преступления. Поэтому незаконные действия с денежными средствами, подвергнутыми аресту, наложенному в порядке, установленном налоговым законодательством, не образуют признаков преступления, запрещённого ст. 312 УК РФ.

С учётом этого полагаем, что и разъяснение Пленума Верховного Суда о квалификации по ч. 1 ст. 312 УК РФ совершённых банковским работником расчётных операций с денежными средствами, на которые наложен арест, подразумевает арест как меру процессуального принуждения, применяемую судом. В противном случае, незаконные действия банковского служащего с денежными средствами, арестованными налоговым органом, также не могут подлежать уголовно-правовой оценке в рамках ст. 312 УК РФ.

Следовательно, уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 199² и ст. 312 УК РФ, не могут находиться в отношениях конкуренции. При одновременном наличии признаков указанных преступлений содеянное подлежит квалификации по совокупности.

Иное соотношение усматривается у ст. 312 и ст. 315 УК РФ. В отличие от всех рассмотренных выше случаев, обозначенные уголовно-правовые запреты могут состоять в отношениях конкуренции общей и специальной нормы. В современных условиях деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 315 УК РФ, представляет собой специальный вид неисполнения судебного постановления, связанный с распространением информации и опровержением информации. Классический состав неисполнения судебного постановления в настоящее время регламентирован ч. 2 ст. 315 УК РФ. В этих условиях деяние, запрещённое ч. 1 ст. 315 УК РФ, не вступает в конкуренцию со ст. 312 УК РФ, а деяние, установленное ч. 2 ст. 315 УК РФ, напротив, может быть конкурирующим предписанием по отношению к ст. 312 УК РФ.

Сравнительный анализ норм об ответственности за неисполнение судебного постановления (ч. 2 ст. 315 УК РФ) и за незаконные действия с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ позволяет утверждать, что в отдельных случаях они способны находиться в состоянии конкуренции, когда одно деяние будет одновременно подпадать под признаки преступлений, предусмотренных ст. 312 УК РФ и ч. 2 ст. 315 УК РФ. Это возможно, когда изучаемые незаконные действия с имуществом имеют характер злостного неисполнения судебного постановления. Например, банковский работник неоднократно осуществляет расчётные операции с денежными средствами, на которые наложен арест, и делает это вопреки имеющим место повторным предостережениям со стороны уполномоченных должностных лиц.

Л.В. Лобанова обращает внимание на то, что «ч. 1 ст. 312 УК РФ призвана обеспечить обязательность и тех судебных актов, реализация которых не гарантируется ст. 315 УК, – актов о наложении ареста на имущество»¹¹². Субъект преступления в данных случаях может совпадать – это может быть, например, служащий кредитной организации. На наш взгляд, позиция о том, что ч. 2 ст. 315 УК РФ не обеспечивается обязательность исполнения определения суда о наложении ареста на расчётный счёт является дискуссионной, поскольку данной нормой не предусматривается таких исключений. Представляется, что в этой ситуации имеет место конкуренция уголовно-правовых норм – содеянное может одновременно подпадать под признаки преступлений, регламентированных ч. 1 ст. 312 и ч. 2 ст. 315 УК РФ.

В этих ситуациях применению подлежит ст. 312 УК РФ, поскольку относительно ч. 2 ст. 315 УК РФ в ней уточнено содержание судебного акта, а также конкретизированы действия по неисполнению судебного постановления. Как известно, в ч. 2 ст. 315 УК РФ имеется указание в общем на какое-либо судебное постановление. В свою очередь, в ч. 1 ст. 312 УК РФ подразу-

¹¹² Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 412.

меваются исключительно судебное постановление о наложении ареста на денежные средства (вклады). Кроме того, в ч. 2 ст. 315 УК РФ законодатель оперирует ссылкой на любое злостное неисполнение судебного постановления, тогда как в ч. 1 ст. 312 УК РФ объективная сторона представлена признаками осуществления банковских операций.

Таким образом, уголовно-правовые нормы об ответственности за незаконные действия с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ могут конкурировать с соответствующими предписаниями ч. 2 ст. 315 УК РФ. А разрешаться данная конкуренция должна в порядке, установленном ч. 3 ст. 17 УК РФ. В тех случаях, когда действия лица образуют признаки как ст. 312 УК РФ, так и ст. 157, 160, 177, 199² УК РФ, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений.

При уголовно-правовой оценке незаконных действий с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ отдельного внимания заслуживает проблема квалификации соответствующих действий, совершённых должностным лицом с использованием своих полномочий. В современной редакции ст. 312 УК РФ отсутствует квалифицирующий признак совершения данного преступления лицом с использованием своего служебного положения, что предопределяет целесообразность рассмотрения вопроса о дополнительной квалификации такого деяния в качестве должностного преступления.

Данное решение должно строиться на том, что ст. 312 УК РФ не предусматривает наказуемость использования должностным лицом своих полномочий вопреки интересам службы, а равно превышения таких полномочий. Одинаковым образом сказанное относится и к случаям использования служебных полномочий коммерческим служащим (ст. 201 УК РФ).

В этой связи совершение незаконных действий с имуществом, регламентированных ст. 312 УК РФ, лицом с использованием своих служебных полномочий при наличии иных необходимых признаков должно дополни-

тельно квалифицироваться по ст. 201, 285 либо 286 УК РФ. Аналогичного мнения придерживаются 74 % респондентов.

На основании изложенного представляется возможным утверждать, что законодательная конструкция уголовно-правового предписания об ответственности за незаконные действия с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ допускает возможность существования конкуренции лишь с общей нормой, запрещающей неисполнение судебных постановлений (ч. 2 ст. 315 УК РФ). В иных случаях имеются достаточно чёткие разграничительные признаки, позволяющие квалифицировать исследуемое общественно опасное деяние по совокупности с иными преступлениями, связанными с неисполнением судебных постановлений, хищениями и т.д.

Далее об особенностях квалификации состава неисполнения судебного постановления. Изучение правоприменительной практики по ст. 315 УК РФ показывает, что предусмотренные частью второй этой статьи нормы нередко нуждаются в разграничении с иными нормами уголовного закона. Как отмечает А.В. Галахова, «все иные лица (как должностные, так и частные), не названные в диспозиции ст. 315 УК РФ, но уклоняющиеся от исполнения судебных актов, при наличии необходимых признаков преступления в содеянном могут быть привлечены к ответственности, например, по ст. 312-314, 321, 157, 177 УК РФ»¹¹³. Тем самым автор обозначает круг смежных преступлений. При этом стоит подчеркнуть, что разграничение указанных преступлений осуществляется не только по признакам субъекта. По этому поводу А.В. Бриллиантов и Н.Р. Косевич пишут: «эти составы отличаются от названных в ст. 315 не только по субъекту, но также по объекту и некоторым элементам объективной стороны. В перечисленных нормах речь идёт об определённых видах обязательств, а в ст. 315 – о неисполнении любых су-

¹¹³ Преступления против правосудия / Под ред. канд. юрид. наук А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2005. – С. 328.

дебных решений»¹¹⁴. Необходимо подчеркнуть, что данные рассуждения авторов в действующем законодательстве в полной мере применимы относительно ч. 2 ст. 315 УК РФ. Норма, предусмотренная ч. 1 ст. 315 УК РФ, не вступает в конкуренцию с перечисленными уголовно-правовыми предписаниями и не нуждается в разъяснениях относительно разграничения с ними.

Принципиально соглашаясь с данными утверждениями, считаем целесообразным внести по данному вопросу некоторые уточнения, смысл которых сводится к дифференцированным рекомендациям по разграничению обозначенных преступлений. Так, сопоставление уголовно-правовых норм, установленных ст.ст. 313-314¹ УК РФ и ч. 2 ст. 315 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что их ведущим разграничительным признаком является субъект преступления. Эти деяния чётко отличаются субъектами правоотношений по исполнению судебных постановлений. В первом случае это лица, подвергнутые мерам государственного принуждения (уголовного наказания, мерам пресечения, принудительным мерам медицинского характера, административному надзору), то есть лица, пассивно исполняющие (подчиняющиеся исполнению) соответствующие судебные постановления. В свою очередь, в ч. 2 ст. 315 УК РФ закреплена ответственность субъектов активного исполнения судебных актов.

При разграничении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ, с общественно опасными деяниями, запрещёнными ст. 157 и ст. 177 УК РФ, необходимо учитывать, что последние характеризуются иным основным непосредственным объектом. Общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением обязательности исполнения судебных постановлений, в этих случаях имеют статус дополнительного непосредственного объекта. Разграничение деяний, установленных ст. 157 и ч. 2 ст. 315 УК РФ, проводится по признакам субъекта преступления. В первом преступлении – это

¹¹⁴ Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 496.

лица, имеющие семейно-правовой статус родителей или детей. А во втором, соответственно, – это государственный служащий, муниципальный служащий, а также служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации.

Несколько иначе соотносятся предписания об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности и за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта. Имеются основания полагать, что в ряде случаев содеянное лицом может одновременно подпадать под признаки преступлений, регламентированных ч. 2 ст. 315 и ст. 177 УК РФ, то есть будет иметь место конкуренция уголовно-правовых норм. Сопоставительный анализ данных уголовно-правовых предписаний позволяет сделать вывод о том, что ст. 177 УК РФ полнее охвачены нарушаемые таким деянием общественные отношения, уточнено содержание объективной стороны за счёт указания на содержание неисполняемого судебного акта, а также конкретизированы признаки субъекта преступления, так как по ст. 177 УК РФ им может выступать не любой служащий организации, а только её руководитель. В этой связи при конкуренции ч. 2 ст. 315 и ст. 177 УК РФ применению в качестве специальной нормы подлежит ст. 177 УК РФ. Однако практика нередко идёт по пути вменения указанных норм по совокупности преступлений. Например, в уголовном деле в отношении Р. ему инкриминировались несколько эпизодов неисполнения судебного постановления, часть из которых получили уголовно-правовую оценку по ст. 315 УК РФ, а часть – по ст. 177 УК РФ¹¹⁵.

И подобные решения не единичны. Так, Т. совершил злостное неисполнение служащим коммерческой организации, вступившего в законную силу решения суда, и злостное уклонение руководителем организации от по-

¹¹⁵ Приговор Омского районного суда Омской области от 14.01.2019 по уголовному делу № 1-2/2019/ Официальный сайт Омского районного суда Омской области / URL: <http://omskiyecourt.oms.sudrf.ru/> (дата обращения 14.12.2019).

гашения кредиторской задолженности в крупном размере после вступления в законную силу соответствующего судебного акта, при изложенных ниже обстоятельствах. Т., являясь служащим коммерческой организации, занимая должность генерального директора ООО «Катрин», достоверно зная о вступившем в законную силу решении Арбитражного суда Пензенской области о взыскании с ООО «Катрин» в пользу индивидуального предпринимателя задолженности в сумме 78600,00 рублей и расходов по уплате государственной пошлины в сумме 3144,00 рублей, был уведомлён судебным приставом-исполнителем о возбужденном на основании предъявленного индивидуальным предпринимателем исполнительного листа о взыскании с ООО «Катрин» задолженности в размере 81744,00 рублей, исполнительном производстве. Будучи предупреждённым судебным приставом-исполнителем об уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ при поступлении на лицевой счет ООО «Катрин» денежных средств в сумме 550 000 рублей, Т., имея возможность погашения кредиторской задолженности в пользу индивидуального предпринимателя в размере 81243,08 руб., поступившими на расчётный счет Общества денежными средствами распорядился по своему усмотрению, произведя их списание в пользу сторонних организаций, тем самым злостно не исполнил вступившее в законную силу судебное решение.

Он же, достоверно зная о вступившим в законную силу определении Арбитражного суда, согласно которому ООО «Катрин» обязано было возместить ООО «Н.» убытки в размере 4800000 рублей, и возбуждённом на основании предъявленного ООО «Н.» исполнительного листа, выданного в связи с неисполнением ООО «Катрин» условий мирового соглашения о возмещении убытков в размере 4800000 рублей, исполнительном производстве, осознавая, что в соответствии со ст. 16 АПК Российской Федерации вступившие в законную силу судебные акты арбитражного суда являются обязательными для организаций и должностных лиц и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации, будучи предупреждённым судебным приста-

вом-исполнителем об уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности в крупном размере после вступления в законную силу вышеуказанного судебного акта»¹¹⁶.

При этом в отдельных случаях одни и те же действия виновного квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 177 и ст. 315 УК РФ¹¹⁷.

По нашему мнению, какие-либо правовые основания для такой квалификации отсутствуют. Как выше отмечено, применению в подобных случаях подлежит только ст. 177 УК РФ.

Решение вопроса о квалификации неисполнения судебного постановления в отдельных случаях сопряжено с необходимостью разграничения преступлений, регламентированных ч. 2 ст. 315 УК РФ и ст. 199² УК РФ. В качестве примера необходимо рассмотреть следующую ситуацию. «П. совершил злостное неисполнение служащим коммерческой организации вступившего в законную силу решения суда и воспрепятствование его исполнению, а также сокрытие денежных средств организации, за счёт которых в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и страховым взносам, в крупном размере. Преступления им совершены при следующих признанных в суде обстоятельствах.

Арбитражным судом принято решение о взыскании с ООО «Вектор», директором которого являлся П., в пользу ООО «Ремстрой» 2 747 385, 29

¹¹⁶ Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 26.01.2018 по уголовному делу № 1-8/2018/ Официальный сайт Ленинского районного суда г. Пензы / URL: <http://leninsky.pnz.sudrf.ru/> (дата обращения 04.11.2019).

¹¹⁷ Приговор Тоцкого районного суда Оренбургской области от 24.01.2018 по уголовному делу № 1-6/2018/ Официальный сайт Тоцкого районного суда Оренбургской области / URL: <http://totsky.orb.sudrf.ru/> (дата обращения 10.11.2019).

рублей. Во исполнение указанного судебного решения о взыскании с ООО «Вектор» в пользу ООО «Ремстрой» задолженности, судебным приставом-исполнителем возбуждено исполнительное производство о взыскании с ООО «Вектор» в пользу ООО «Ремстрой» задолженности. С целью исполнения решения Арбитражного суда судебным приставом-исполнителем лично под подпись вручены предупреждения о привлечении к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 315 УК РФ, в случае злостного неисполнения вступившего в законную силу решения суда, а равно воспрепятствования его исполнению.

Затем у П., достоверно знающего о наличии вступившего в законную силу решения суда о взыскании с ООО «Вектор» в пользу ООО «Ремстрой» задолженности, возник преступный умысел, направленный на злостное неисполнение служащим коммерческой организации вступившего в законную силу решения суда и воспрепятствование его исполнению. Осознавая, что непринятие добровольных мер для исполнения решения Арбитражного суда влечёт применение мер принудительного исполнения указанного решения Арбитражного суда судебным приставом-исполнителем, а также игнорируя неоднократные предупреждения судебного пристава-исполнителя о привлечении к уголовной ответственности в случае злостного неисполнения вступившего в законную силу решения суда, П. злостно уклоняясь от исполнения вступившего в законную силу решения суда, воспрепятствовал его исполнению, несмотря на то, что у него имелась реальная возможность для его исполнения. Так, реализуя свой преступный умысел, направленный на злостное неисполнение указанного решения суда, воспрепятствуя его исполнению, в нарушение очередности, установленной ст. 855 ГК РФ, П., действуя с целью недопущения обращения взыскания судебным приставом-исполнителем на денежные средства ООО «Вектор», осознавая противоправный характер своих действий, достоверно зная о своей обязанности исполнения вступившего в законную силу решения суда, исполняя свои должностные обязанности ди-

ректора ООО «Вектор», направил распорядительные письма в адрес ООО «СтройКом» и ООО «СБМ» с указанием о необходимости перечисления денежных средств за ООО «Вектор» минуя расчётные счета ООО «Вектор», расходные операции по которым были приостановлены, а именно на счета организаций-кредиторов.

Кроме того, П., имея реальную возможность погасить недоимку по налогам и страховым взносам на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в общей сумме 4 268 812,55 рублей, в нарушение ст. 69 НК РФ, ст. 855 Гражданского кодекса РФ, в сроки и очередность, установленные законодательством, не исполнил обязанности по уплате указанной недоимки в бюджет РФ, тем самым сокрыл денежные средства в сумме 4 268 812,55 рублей, то есть в крупном размере, и которые, согласно п. 4 ст. 46 НК РФ, ст. 855 ГК РФ, являются платежами третьей очереди, и за счёт которых в порядке, предусмотренном законодательством РФ о налогах и сборах, законодательством РФ об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и страховым взносам»¹¹⁸.

Как видно, в этой ситуации действия виновного квалифицированы по совокупности преступлений. Одна сумма неисполненных обязательств предписана судом по гражданско-правовому спору, а вторая связана с неуплатой налогов и сборов. И по сути, одни те же действия лица, состоящие в продолжении коммерческой деятельности в обход имеющихся ограничений на оборот денежных средств, одновременно образовали признаки двух преступлений. И хотя из процитированного судебного постановления нельзя сделать вывод с полной уверенностью, возникает сомнение в правильности примене-

¹¹⁸ Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 22.02.2019 по уголовному делу № 1-67/2019 / Официальный сайт Ленинского районного суда г. Курска / URL: <http://lensud.krs.sudrf.ru/> (дата обращения 14.01.2020).

ния в анализируемом случае ст. 315 УК РФ, а не ст. 177 УК РФ. Если присутствовали признаки последней, то итоговая квалификация должна быть представлена совокупностью ст. 177 и ст. 199² УК РФ.

Стоит отметить, что в числе изученных нами материалов судебной практики отсутствовали ситуации, при которых требовалось бы отдавать приоритет ст. 315 либо ст. 199² УК РФ. Имеются основания полагать, что данные нормы уголовного закона не могут находиться в отношениях конкуренции. Причиной тому служат, прежде всего, несовпадающие и даже не пересекающиеся объекты данных преступлений. Положения ст. 199² УК РФ ориентированы на охрану налоговых правоотношений, обеспечение фискальных интересов государства. При этом общественные отношения, складывающиеся в связи с обязательностью реализации судебных постановлений, этой нормой уголовного закона не защищаются даже косвенно. Ответственность по ст. 199² УК РФ наступает не за игнорирование судебных постановлений, а за невыполнение предписаний налоговых органов. Как указывается в юридической литературе, «непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 199² УК РФ, составляют общественные отношения, возникающие в сфере налогообложения в связи с осуществлением налоговыми органами принудительного взыскания задолженности по налогам и сборам, образовавшейся в результате неуплаты (неперечисления) налогоплательщиками (налоговым агентом) указанных обязательных платежей»¹¹⁹. Дело в том, что в отношении организаций и индивидуальных предпринимателей налоговые органы обладают правом принудительного взыскания без соответствующего санкционирования судебными органами.

При таких обстоятельствах можно утверждать, что уголовно наказуемое неисполнение судебного постановления, сопряжённое с сокрытием иму-

¹¹⁹ Кучеров И.И., Щукин А.В. Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств и имущества, за счёт которого должно производиться взыскание налогов и сборов. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006. – С. 70.

щества в смысле ст. 199² УК РФ, подлежит квалификации по совокупности данных преступлений. Аналогичной точки зрения придерживаются 62 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведённого нами исследования.

Следует отметить, что действующим российским уголовным законодательством, помимо изложенных, предусмотрено ещё несколько случаев наступления уголовной ответственности за неисполнение судебного акта. Так, в частности, ст. 205⁵ УК РФ установлена ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации. Обязательным условием квалификации по этой статье является наличие вступившего в законную силу судебного решения о признании организации террористической¹²⁰. Подобным образом признана криминальной организация деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ). При совершении этих преступлений лицом с использованием своего служебного положения и при констатации факта злостного неисполнения соответствующего судебного акта, содеянное таким лицом может одновременно подпадать и под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ.

В данной ситуации приоритет должен быть отдан уголовно-правовым предписаниям, закреплённым ст. 205⁵ и ст. 282² УК РФ. Они будут считаться специальными, поскольку ими полнее охватывается нарушаемый объект и уточняется содержание соответствующих судебных постановлений.

Помимо неисполнения судебного постановления, в рамках ст. 315 УК РФ под уголовно-правовой запрет поставлено и воспрепятствование его исполнению. В уголовном законе не раскрывается понятие такого воспрепятствования, а в юридической литературе оно обычно трактуется как активное

¹²⁰ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. – 13.03.2006. – № 11. – Ст. 1146 (ред. от 18.04.2018, с изм. от 29.03.2019).

поведение, например, «сокрытие исполнительного листа, копии приговора»¹²¹ и т.п. Практике известны случаи насильственного воспрепятствования исполнению судебных актов. Вполне очевидно, что такое криминальное поведение не охватывается рамками ст. 315 УК РФ. В подобных случаях применению при наличии необходимых признаков подлежат ст. 295, 296 или 321 УК РФ.¹²²

Что касается иных преступлений против обязательности судебных постановлений, то при их квалификации сложности могут вызывать только проблемы уяснения тех или иных признаков состава преступления. При этом материалы судебной практики демонстрируют отсутствие каких-либо затруднений в контексте разграничения данных преступлений с иными общественно опасными деяниями. Уголовно-правовые предписания, сформулированные в ст. 313-314¹ УК РФ, имеют довольно уникальное содержание, не имеют родственных, а тем более смежных норм.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы по результатам исследования проблем квалификации преступлений в сфере исполнения судебных постановлений:

1) утверждения о том, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ч. 1 ст. 312 УК РФ, является специальной нормой по отношению к предписанию, закреплённому ст. 157 УК РФ¹²³, являются необоснованными. Указанные предписания уголовного закона не находятся в отношениях конкуренции. При одновременном наличии признаков названных общественно опасных деяний они квалифицируются по совокупности ст. 157 и ст. 312 УК РФ;

¹²¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Рарог. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2019. – С. 582.

¹²² См.: Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 412; Оленьчева А.Н. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 27.

¹²³ Там же. – С. 135.

2) нормы об уголовной ответственности за присвоение или растрату и за незаконные действия с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ не могут состоять в отношениях конкуренции. В случаях, когда содеянное лицом одновременно содержит признаки преступлений, предусмотренных ст. 160 и 312 УК РФ, данные статьи применяются по совокупности. Объясняется это тем, что ст.ст. 160 и 312 УК РФ охраняются совершенно разные объекты: в первом случае это отношения собственности, а во втором – отношения, возникающие по поводу обязательности исполнения судебных постановлений. При этом данные отношения совершенно не пересекаются, что уже исключает возможность констатации конкуренции ст. 160 и ст. 312 УК РФ. Подобным образом решается и вопрос о квалификации умышленного уничтожения или повреждения имущества, подвергнутого аресту – при одновременном наличии признаков этих преступлений, содеянное квалифицируется по совокупности ст. 167 и ст. 312 УК РФ;

3) злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности после вступления в законную силу соответствующего судебного акта может быть сопряжено с фактом незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту. Однако эти деяния отчётливо размежевываются, и их уголовно-правовая оценка предполагает квалификацию по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 177 и 312 УК РФ. Причём в подобных ситуациях имеет место реальная совокупность преступлений;

4) квалификация по ч. 1 ст. 312 УК РФ совершённых банковским работником расчётных операций с денежными средствами, на которые наложен арест, подразумевает арест как меру процессуального принуждения, применяемую судом. В противном случае незаконные действия банковского служащего с денежными средствами, арестованными налоговым органом, также не могут подлежать уголовно-правовой оценке в рамках ст. 312 УК РФ. Уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 199² и ст. 312 УК РФ, не могут

находиться в отношениях конкуренции. При одновременном наличии признаков указанных преступлений содеянное подлежит квалификации по совокупности;

5) уголовно-правовые нормы об ответственности за незаконные действия с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ могут конкурировать с соответствующими предписаниями ч. 2 ст. 315 УК РФ. А разрешаться данная конкуренция должна в порядке, установленном ч. 3 ст. 17 УК РФ, в пользу ст. 312 УК РФ, как нормы, в которой уточнено содержание судебного акта, а также конкретизированы действия по неисполнению судебного постановления;

6) совершение незаконных действий с имуществом, регламентированных ст. 312 УК РФ, лицом с использованием своих служебных полномочий при наличии иных необходимых признаков должно дополнительно квалифицироваться по ст. 201, 286 либо 286 УК РФ;

7) сопоставление уголовно-правовых норм, установленных ст.ст. 313-314¹ УК РФ и ч. 2 ст. 315 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что их ведущим разграничительным признаком является субъект преступления. Эти деяния чётко отличаются субъектами правоотношений по исполнению судебных постановлений. В первом случае это лица, подвергнутые мерам государственного принуждения (уголовного наказания, мерам пресечения, принудительным мерам медицинского характера, административному надзору), то есть лица, пассивно исполняющие (подчиняющиеся исполнению) соответствующие судебные постановления. В свою очередь, в ч. 2 ст. 315 УК РФ закреплена ответственность субъектов активного исполнения судебных актов;

8) в ряде случаев содеянное лицом может одновременно подпадать под признаки преступлений, регламентированных ч. 2 ст. 315 и ст. 177 УК РФ, то есть будет иметь место конкуренция уголовно-правовых норм. Сопоставительный анализ данных уголовно-правовых предписаний позволяет сделать вывод о том, что ст. 177 УК РФ полнее охвачены нарушаемые таким деянием общественные отношения, уточнено содержание объективной стороны за

счёт указания на содержание неисполняемого судебного акта, а также конкретизированы признаки субъекта преступления, так как по ст. 177 УК РФ им может выступать не любой служащий организации, а только её руководитель. В этой связи при конкуренции ч. 2 ст. 315 и ст. 177 УК РФ применению в качестве специальной нормы подлежит ст. 177 УК РФ;

9) ст. 315 и ст. 199² УК РФ не могут находиться в отношениях конкуренции. Причиной тому служат, прежде всего, несовпадающие и даже не пересекающиеся объекты данных преступлений. Положения ст. 199² УК РФ ориентированы на охрану налоговых правоотношений, обеспечение фискальных интересов государства. При этом общественные отношения, складывающиеся в связи с обязательностью реализации судебных постановлений, этой нормой уголовного закона не защищаются даже косвенно. Ответственность по ст. 199² УК РФ наступает не за игнорирование судебных постановлений, а за невыполнение предписаний налоговых органов. При таких обстоятельствах можно утверждать, что уголовно наказуемое неисполнение судебного постановления, сопряжённое с сокрытием имущества в смысле ст. 199² УК РФ, подлежит квалификации по совокупности данных преступлений.

3.2. Перспективные пути совершенствования российского уголовного законодательства об ответственности за неисполнение судебных постановлений

Фундаментальной задачей любого уголовно-правового исследования, посвящённого конкретным преступлениям, должна являться разработка направлений совершенствования мер противодействия таким общественно опасным деяниям. В этом ракурсе, наряду с рассмотрением особенностей квалификации преступлений, должны быть изучены возможные пути оптимизации соответствующих уголовно-правовых предписаний. Анализ уголов-

но-правовой характеристики преступлений в сфере исполнения судебных постановлений демонстрирует наличие потенциала для совершенствования уголовно-правовых средств противодействия данным общественно опасным деяниям.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что в теории уголовного права высказано уже немало весьма продуктивных предложений по оптимизации нормативной основы уголовно-правовой борьбы с неисполнением судебных постановлений. Эти предложения следует рассмотреть с позиции их соответствия динамично развивающимся общественным отношениям на современном этапе.

Так, в юридической литературе выражена точка зрения о необходимости перемещения норм об ответственности за неисполнение судебного постановления в главу о преступлениях против порядка управления¹²⁴. Не соглашаясь с такой позицией, Ю.И. Кулешов указывает на то, что «реализация судебного акта является содержанием правосудия, поскольку доводит процесс данной деятельности до его логического завершения»¹²⁵.

На первый взгляд, вопрос о месторасположении изучаемых норм может показаться исключительно техническим. Но это отнюдь не так, поскольку указанными обстоятельствами формируется представление о видовом объекте преступления, во многом предопределяющем содержание и непосредственного объекта преступления.

В этой дискуссии, по нашему мнению, стоит поддержать сторонников сложившегося подхода, согласно которому преступления, связанные с неисполнением судебных постановлений, размещены в главе о преступлениях против правосудия. Аргументацией такой точки зрения служит тот факт, что обязательность исполнения судебного постановления в её конституционно-

¹²⁴ Глистин В.К. проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. – Л., 1979. – С. 108-109.

¹²⁵ Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законодательства и правоприменения: Дис. ... докт. юрид. наук. – Владивосток, 2007. – С. 47.

правовом смысле непосредственным образом связана с гарантией защиты прав и свобод, в том числе с помощью правосудия. Именно поэтому судебное постановление – это не простое управленческое решение, а акт, разрешающий юридический конфликт, документ, порождающий или определяющий содержание определённых правоотношений.

Д.Ю. Виноградов обращает внимание на то, что в рамках ст. 312 УК РФ не предоставляется уголовно-правовая охрана отношений, возникающих в связи с обращением к исполнению удостоверений комиссий по трудовым спорам. Вместе с тем социальная значимость таких отношений не уступает, например, отношениям по принудительному исполнению административного штрафа, наложенного по решению суда, которые регулируются ст. 312 УК РФ¹²⁶. По утверждению данного автора, «ценность общественных отношений не может зависеть от статуса органа, вынесшего решение об их защите. Поэтому законодатель должен предоставить равную уголовно-правовую охрану отношениям, возникающим при хранении имущества, подвергнутого описи или аресту в связи с удовлетворением не только судебных актов, но и актов иных органов»¹²⁷.

Следует заметить, что в современных условиях, помимо комиссии по трудовым спорам, существенными властно-распорядительными полномочиями наделены трудовые инспекции. Кроме того, внесудебный принудительный порядок взыскания предусмотрен в налоговом законодательстве. Однако неисполнение каких-либо не изданных судом актов из названных сфер не подпадает под правовое регулирование ст. 312 УК РФ. Эта норма охраняет исключительно отношения правосудия. При этом, на наш взгляд, существу-

¹²⁶ Виноградов Д.Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации): Дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – С. 73-74.

¹²⁷ Виноградов Д.Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации): Дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – С. 79.

ющий подход является вполне оправданным. Абсолютно неприемлемо предоставлять актам каких-либо административных органов правовую защиту, идентичную юридическим механизмам обеспечения обязательности судебных постановлений. Только суд правомочен, например, принять окончательное решение в споре с теми же административными органами.

По мнению Д.Ю. Виноградова, вне поля уголовно-правового регулирования ст. 312 УК РФ оказались действия, состоящие в переработке, повреждении, уничтожении имущества его собственником, а также в перемещении в труднодоступные или отдалённые местности¹²⁸. Представляется, что перемещение арестованного имущества в труднодоступные или отдалённые местности в определённых случаях может расцениваться как их сокрытие. Хотя в общем автор прав в том, что указанные действия, сходные по своей социально-юридической природе с ныне запрещёнными ст. 312 УК РФ, могут не в меньшей мере влиять на возможность последующего исполнения судебного постановления. Можно предположить, что подобные действия могут быть квалифицированы как растрата или отчуждение арестованного имущества. Ведь например, уничтожение с известной долей условности допустимо признать отчуждением имущества, поскольку оно в этой ситуации выбывает из владения лица. Однако такое решение основывается на расширительном толковании уголовного закона, что вряд ли оправданно. В этих условиях следует поддержать предложение автора о необходимости расширения криминализации деяний в ч. 1 ст. 312 УК РФ за счёт охвата таких деяний, как переработка, повреждение, уничтожение или перемещение арестованного имущества. Данное предложение одобрено 70 % респондентов, опрошенных в ходе проведённого нами исследования.

¹²⁸ Виноградов Д.Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации): Дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – С. 88-89; Гулый А.А. Уголовная ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 60.

При этом, на наш взгляд, существующий перечневый подход, при котором некоторые деяния практически дублируют друг друга, должен быть оптимизирован. Думается, что признаки «растрата» и «передача» могут быть с успехом исключены, поскольку они в полной мере охватываются термином «отчуждение». Сомнительной видится целесообразность сохранения в диспозиции ч. 1 ст. 312 УК РФ признаков «сокрытие» при условии введения признаков «переработка», «повреждение», «уничтожение» или «перемещение» арестованного имущества. Полагаем, что излишняя казуистичность в данном случае неуместна. Сущность ареста имущества, применённого по постановлению суда, сводится к запрету каких-либо действий с таким имуществом. Для системы правосудия важно, чтобы конкретные вещи, подвергнутые аресту, были сохранены в неизменном виде и состоянии до решения их дальнейшей правовой судьбы. И эта сохранность в полной мере может быть обеспечена недопущением любых действий с арестованным имуществом.

Получается, что признаки «переработка», «повреждение», «уничтожение» или «перемещение» в достаточной степени будут охвачены формулировкой «незаконное использование».

Таким образом, считаем целесообразным существующее словосочетание в ч. 1 ст. 312 УК РФ «растрата, отчуждение, сокрытие или незаконная передача имущества» заменить формулировкой «незаконное отчуждение, а равно совершение иных незаконных действий с имуществом». Это предложение поддержал 61 % опрошенных нами практикующих юристов.

Д.Ю. Виноградов приходит к выводу о необходимости криминализации незаконных действий в отношении арестованного имущества, совершённых лицом, которому это имущество не вверялось¹²⁹. На наш взгляд, рассуждения такого плана контрпродуктивны. Попытки расширить круг субъектов

¹²⁹ Виноградов Д.Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации): Дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – С. 104-105.

преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, способны лишь нивелировать саму суть анализируемого преступления. И так ведутся дискуссии относительно понимания отдельных аспектов состава незаконных действий с арестованным имуществом, о его разграничении с присвоением или растратой. Исключение специальных признаков субъекта в данном случае вынудит правоприменителя проводить разграничение ч. 1 ст. 312 УК РФ не только со ст. 160 УК РФ, но уже и с другими видами хищения. Считаем это совершенно необоснованным.

В уголовно-правовой науке высказываются и предложения о совершенствовании предписания, закреплённого ч. 2 ст. 312 УК РФ. Например, по мнению А.А. Гулого, в ч. 2 ст. 312 УК РФ целесообразно отказаться от указания на приговор суда и распространить действие этой нормы на случаи незаконных действий в отношении имущества, подлежащего конфискации, назначаемой не только по приговору суда, но и в рамках других правоотношений.¹³⁰

Мы считаем, что идеи такого расширения криминализации являются недостаточно обоснованными на современном этапе. В любом случае необходимо учитывать ещё и наличие нормы об ответственности за неисполнение судебного постановления, предусмотренной ч. 2 ст. 315 УК РФ. В соответствии с действующим административным законодательством, конфискация выступает в качестве одного из видов административных наказаний. И вряд ли есть целесообразность ставить под прямой уголовно-правовой запрет неисполнение одного из видов административных наказаний.

В юридической литературе уделяется определённое внимание факту стоимостного выражения имущества, в отношении которого совершены незаконные действия в смысле ст. 312 УК РФ. По этому поводу Д.Ю. Виногра-

¹³⁰ Гулый А.А. Уголовная ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 94-95.

дов предлагает закрепить в примечании к статье об ответственности за незаконные действия с арестованным имуществом положение о том, что соответствующие действия в отношении имущества стоимостью менее 100 рублей являются малозначительным деянием¹³¹.

С одной стороны, автор поднимает, казалось бы, закономерный вопрос о нецелесообразности уголовно-правового противодействия посягательствам на арестованное имущество в крайне незначительном размере. С другой стороны, вряд ли можно представить на практике ситуации ареста имущества, стоимостью 100 рублей. Если же автор имеет в виду случаи незаконных действий с малой частью общего объёма арестованного имущества, то такое поведение оправдать уже сложнее. Однако самое главное заключается в том, что положение о малозначительности деяния в настоящее время и так имеет нормативное закрепление в ч. 2 ст. 14 УК РФ, и какие-либо основания для закрепления подобных норм в примечании к ст. 312 УК РФ вряд ли могут быть приняты во внимание.

Многие специалисты, исследовавшие проблемы уголовно-правового противодействия побегам, обращали внимание на то, что в подавляющем большинстве современных случаев совершения данного преступления имеет место побег из колонии-поселения. И это заставляет задуматься о дифференциации уголовной ответственности за побег в зависимости от типа исправительного учреждения.

Так, А.Д. Смиян считает, что самовольное оставление колонии-поселения по степени общественной опасности значительно отличается от побега из-под стражи, из-под ареста или из других мест лишения свободы. В

¹³¹ Виноградов Д.Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации): Дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – С. 128.

этой связи автор предлагает установить ответственность за такое деяние в рамках ст. 314 УК РФ¹³².

Результаты проведённого нами исследования позволяют согласиться с названным автором в том, что побег из колонии-поселения значительно отличается по степени общественной опасности от побегов, совершённых из иных мест лишения свободы или из-под стражи. Однако правовая природа деяний, поставленных под уголовно-правовой запрет в ст. 314 УК РФ, несколько отличается от преступления в виде побега. В ст. 314 УК РФ помещены нормы об ответственности всё же за менее злостные факты неисполнения судебных постановлений, в сравнении с побегом.

Имеются основания полагать, что, несомненно, уменьшенная степень общественной опасности побега из колонии-поселения может быть учтена в рамках санкции ст. 313 УК РФ, поскольку она предусматривает, например, по ч. 1 ст. 313 УК РФ наказание в виде принудительных работ на срок до четырёх лет либо лишение свободы на тот же срок. Таким образом, осуждённому может быть назначено наказание в его минимальных пределах.

Немало внимание в теории уголовного права уделено проблемам совершенствования ст. 315 УК РФ. Так, М.А. Князьков аргументирует целесообразность установления уголовной ответственности за неисполнение постановлений Конституционного Суда РФ в рамках самостоятельной нормы уголовного закона. При этом в качестве месторасположения такой нормы автор предлагает главу о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства¹³³.

¹³² Смиян А.Д. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (уголовно-правовая и криминологическая характеристика): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997. – С. 9.

¹³³ Князьков М.А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – С. 78.

Представляется, что такая трансформация уголовно-правового запрета, сформулированного в ч. 2 ст. 315 УК РФ, является недостаточно аргументированной. Конечно же, постановления Конституционного Суда РФ имеют весьма специфичное юридическое содержание и обладают известными оригинальными правовыми свойствами. Однако, по нашему мнению, этого недостаточно для дробления ч. 2 ст. 315 УК РФ. Более того, ряд факторов неизменно подтверждают необходимость сохранения запрета на неисполнение постановлений Конституционного Суда РФ в рамках ч. 2 ст. 315 УК РФ. В частности, Конституционный Суд РФ включён в судебную систему РФ на общих основаниях и не выделяется в какую-либо отдельную категорию. Поэтому наличие рассматриваемого запрета в рамках ч. 2 ст. 315 УК РФ видится вполне логичным и оправданным.

По мнению М.А. Князькова, существует потребность дополнения ст. 315 УК РФ указанием не только на судебные постановления, вступившие в законную силу, но и на судебные постановления, которые в предусмотренном законом порядке обращены к немедленному исполнению¹³⁴. В данном случае считаем, что для опровержения этого тезиса не требуется развёрнутой аргументации. Дело в том, что судебные постановления, обращённые к немедленному исполнению, юридически приравниваются к судебным актам, вступившим в законную силу.

М.А. Князьков подвергает критике факт наличия в ст. 315 УК РФ признака злостности. По утверждению данного автора соответствующее деяние обладает достаточным для криминализации уровнем общественной опасности даже при отсутствии обстоятельств, свидетельствующих о злостности неисполнения судебного постановления¹³⁵. На наш взгляд, имеются основа-

¹³⁴ Князьков М.А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – С. 91.

¹³⁵ Князьков М.А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения:

ния охарактеризовать такие рассуждения, как имеющие рациональное зерно. По типу, предлагаемому автором, выстроены нормы об ответственности за неисполнение судебного постановления в некоторых зарубежных странах.

Вместе с тем, принимая во внимание сложившуюся практику толкования данного признака в российском уголовном праве, доводы в пользу сохранения признака злостности представляются более весомыми. Ведь в современных условиях злостность констатируется после однократного письменного предупреждения об ответственности за неисполнение судебного постановления. Думается, что таким способом достигается оптимальный баланс интересов должника и взыскателя (судебного пристава-исполнителя).

Следует отметить, что авторы, поддерживающие наличие в ст. 315 УК РФ признака злостности, нередко предлагают включить в уголовный закон нормативное определение злостности. Так, Ю.И. Кулешовым аргументировано предложено дополнение ст. 315 УК РФ примечанием, посвящённым дефиниции злостности: «Под злостностью неисполнения следует понимать повторное неисполнение лицом возложенных на него обязанностей, вытекающих из судебного акта, после предписания, сделанного уполномоченным лицом, и предупреждения об уголовной ответственности при наличии реальной возможности исполнить приговор, решение или иной судебный акт»¹³⁶. Безоговорочно поддерживая содержание предложенной формулировки злостности неисполнения судебного постановления, считаем излишним её включение в текст уголовного закона. Анализ материалов судебной практики демонстрирует достаточно единообразное применение указанного признака

Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – С. 117-118. См. также: Оленьчева А.Н. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 10.

¹³⁶ Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: Дис. ... докт. юрид. наук. – Владивосток, 2007. – С. 334.

уголовного закона. Квалификационные ошибки в этой части являются скорее исключением, чем правилом.

По утверждению М.А. Князькова, в настоящее время назрела необходимость расширения криминализации неисполнения судебных постановлений за счёт законодательного закрепления уголовной ответственности за такое деяние в отношении любых лиц, обязанных подчиниться требованиям судебного акта, а не только лиц, наделённых определёнными служебными полномочиями¹³⁷.

В этом ракурсе О.Н. Румянцев в качестве контраргумента указывает на факты неисполнения судебных постановлений общим субъектом по административным делам. По мнению данного автора, в таком случае невозможно усмотреть достаточную для криминализации общественную опасность содеянного. Несмотря на это, сам О.Н. Румянцев высказывается за то, чтобы уголовная ответственность за воспрепятствование исполнению судебного постановления наступала в отношении общего субъекта¹³⁸.

Стоит заметить, что в современных условиях многие административные правонарушения могут расцениваться опаснее, чем некоторые преступления. Как минимум, административное наказание бывает более суровым, чем уголовное наказание за отдельные преступления. Кроме того, криминальным является именно злостное неисполнение судебного постановления, поэтому уровень общественной опасности такого деяния, даже совершённого общим субъектом, является, по нашему мнению, достаточным для криминализации. Достаточно сравнить, например, факт злостного неисполнения су-

¹³⁷ Князьков М.А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – С. 165. См. также: Оленьчева А.Н. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 10-11.

¹³⁸ Румянцев О.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с неисполнением приговора суда и иных судебных решений: Дис. . канд. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – С. 101.

дебного постановления, допускаемый служащим коммерческой организации, и аналогичное деяние со стороны лица, не наделённого такими полномочиями. Полагаем, что в данном случае отсутствует ощутимая разница в уровне общественной опасности. Такой подход реализован в УК Азербайджанской Республики¹³⁹.

Аналогичной точки зрения придерживаются 72 % опрошенных нами респондентов.

На основании изложенного представляется целесообразным расширить круг субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ. Субъект данного преступления должен быть общим – любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Одной из тенденций современного российского уголовного законодательства является широкое закрепление административной преюдиции в числе признаков состава преступления. Например, она используется в таких новых нормах о преступлениях, связанных с неисполнением судебных постановлений, как ст. 314¹, а также ч. 1 ст. 315 УК РФ. В этой связи в юридической литературе многие авторы нередко задаются вопросом о расширении круга норм, закрепляющих данные конструкции. Высказываются такие предложения и применительно к другим нормам об ответственности за неисполнение судебного постановления. Так, А.Н. Оленьчева приходит к выводу, что одним из перспективных путей оптимизации нормативной регламентации ответственности за неисполнение судебных постановлений является преобразование ст. 315 УК РФ посредством установления ответственности за рассматриваемое преступление с административной преюдицией¹⁴⁰.

¹³⁹ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09 июля 2019 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 20.12.2019).

¹⁴⁰ Оленьчева А.Н. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 22. См. также: Вороной В.В. Преступления, связанные с неисполнением судебного акта по гражданским делам: понятие, виды, проблемы законо-

Если ориентироваться на существующие тренды современной уголовной политики, то ч. 2 ст. 315 УК РФ – это один из лидирующих кандидатов на преобразование по типу норм с административной преюдицией. Однако реализация подобных предложений возможна исключительно при наличии в административном законодательстве соответствующих «родственных» предписаний, которые в настоящее время применительно к ч. 2 ст. 315 УК РФ отсутствуют. Разработка же таких норм об административных правонарушениях не входит в объект и предмет настоящего исследования. Поэтому считаем предложения о преобразовании ч. 2 ст. 315 УК РФ по типу норм с административной преюдицией преждевременными, хотя и заслуживающими внимания.

В уголовно-правовой литературе высказана точка зрения о целесообразности закрепления в рамках ст. 315 УК РФ уголовной ответственности не только за общие случаи неисполнения судебного постановления, но и за его специальные виды, связанные с уплатой алиментов¹⁴¹. Думается, что норму об ответственности за неуплату алиментов весьма затруднительно признать специальной по отношению к ч. 2 ст. 315 УК РФ вследствие разницы в объектах и субъектах преступлений. Кроме того, для состава неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей характерно не только неисполнение решения суда, но и неисполнение нотариально удостоверенного соглашения. В целом эти обстоятельства минимизируют обоснованность включения данного уголовно-правового предписания в конструкцию ч. 2 ст. 315 УК РФ.

дательного описания (по материалам судебной практики Краснодарского края): Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – С. 8.

¹⁴¹ Вороной В.В. Преступления, связанные с неисполнением судебного акта по гражданским делам: понятие, виды, проблемы законодательного описания (по материалам судебной практики Краснодарского края): Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – С. 8.

В свою очередь уголовно-правовая норма, регламентированная ст. 177 УК РФ, признана нами специальной по отношению к ч. 2 ст. 315 УК РФ. Единственное ограничение – это гражданин как альтернативный субъект злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности. Но в случае реализации предложения о закреплении в ч. 2 ст. 315 УК РФ ответственности для общего субъекта, ст. 177 УК РФ будет выступать специальной нормой в полной мере. И тогда действительно возникнет сомнение в целесообразности сохранения ст. 177 УК РФ, которая будет безоговорочно частным случаем неисполнения судебного постановления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ.

Следует отметить, что в качестве направлений совершенствования норм об ответственности за неисполнение судебного постановления могут быть выделены следующие мероприятия. Так, в корректировке нуждается описание предмета состава преступления, регламентированного ч. 1 ст. 312 УК РФ. В частности, речь ведётся об имуществе, подвергнутом описи. Согласно положениям действующего законодательства, опись имущества выступает в качестве неотъемлемой процедуры его ареста. Поэтому отсутствует какой-либо юридический смысл самостоятельного указания на имущество, подвергнутое описи. Достаточно сохранить ссылку на имущество, подвергнутое аресту.

В диспозиции ч. 1 ст. 312 УК РФ законодатель описывает деяние в виде осуществления служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами (вкладами), на которые наложен арест. Однако современная редакция Федерального закона «О банках и банковской деятельности» к банковским операциям относит не только соответствующие операции с денежными средствами, но и операции с драгоценными металлами¹⁴². В этой связи было бы оправданным дополнить деяние в виде осуществления

¹⁴² Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 05.02.1996. – № 6. – Ст. 492 (ред. от 27.12.2019).

служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами (вкладами), на которые наложен арест, ещё и указанием на драгоценные металлы как предмет преступления. В итоге эта формулировка может быть представлена в следующем виде: «осуществление служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами или драгоценными металлами, на которые наложен арест».

За расширение круга предметов преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, путём включения драгоценных металлов высказалось 64 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведённого нами исследования.

Длительная история существования уголовно-правового запрета на побег из мест лишения свободы или из-под стражи сама по себе не может рассцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о безупречности данного предписания уголовного закона. Более того, считаем, что отдельные его положения следует откорректировать в соответствии с современными условиями. Так, необходимо обратить внимание на наличие в тексте диспозиции ч. 1 ст. 313 УК РФ указания на арест. Уголовный закон не содержит пояснений о том, что за арест в данном случае подразумевается. Вероятно, данным понятием не охватывается административный арест. Можно предположить, что по идее законодателя арест в данном случае фигурирует в качестве вида уголовного наказания, не применяемого до настоящего времени.

Между тем, ещё одним видом ареста, известного современной отечественной юриспруденции, является домашний арест, который при этом получил в последние годы уже довольно широкое распространение. Домашний арест, в силу ст. 107 УПК РФ, является мерой пресечения. В ст. 313 УК РФ, как известно, криминальным признаётся побег не только лиц, отбывающих уголовное наказание, но и лиц, находящихся под стражей, то есть лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В этих условиях возникает вопрос о целесообразности криминализации в рам-

ках данной уголовно-правовой нормы, в том числе, побега из-под домашнего ареста. Данная мера пресечения также применяется исключительно по судебному решению.

На наш взгляд, ответ на вопрос о необходимости криминализации в рамках ст. 313 УК РФ побега из-под домашнего ареста должен быть отрицательным. Несмотря на относительную строгость данной меры пресечения, она значительно менее суровая, чем содержание под стражей. Полагаем, что достаточной мерой воздействия за нарушение меры пресечения в виде домашнего ареста является её замена на более строгую меру, которой выступает содержание под стражей. Стоит отметить, что против криминализации в рамках ст. 313 УК РФ побега из-под домашнего ареста высказались 73 % опрошенных.

Одним из значимых вопросов при рассмотрении проблемы совершенствования уголовно-правовых средств противодействия побегам является потенциальная возможность учёта самостоятельного и добровольного возвращения сбежавшего виновного. В частности, такой учёт осуществляется в некоторых иностранных государствах. Так, в УК Республики Таджикистан добровольное возвращение лица, совершившего побег, расценивается в качестве обстоятельства, освобождающего при определённых условиях от уголовной ответственности¹⁴³, а по УК Турции – обстоятельства, снижающего наказание¹⁴⁴.

По нашему мнению, такой зарубежный законодательный опыт заслуживает пристального внимания и изучения. Думается, что вряд ли можно оспорить утверждение о том, что добровольное возвращение лица, совер-

¹⁴³ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02 января 2020 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 11.02.2020).

¹⁴⁴ Уголовный кодекс Турции / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 30.01.2020).

шившего побег, существенно снижает уровень общественной опасности его преступления. Полагаем, что это именно тот случай, когда постпреступное поведение лица способно влиять на уровень общественной опасности оконченого преступления.

Проведённый нами анализ материалов судебной практики свидетельствует, что зачастую лица, отбывавшие наказание в виде лишения свободы в колониях-поселениях, и совершившие побег, длившийся всего несколько часов, осуждались по ст. 313 УК РФ. На наш взгляд, если лицо в подобных ситуациях после нескольких часов отлучки из колонии-поселения добровольно возвращалось в место лишения свободы, содеянное им не должно влечь наказания за побег.

В этой связи нами предлагается закрепить примечание к ст. 313 УК РФ следующего содержания: «Лицо, отбывающее наказание в колонии-поселении, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, и добровольно вернувшееся в место лишения свободы в течение суток, подлежит освобождению от уголовной ответственности за побег из места лишения свободы при условии отсутствия в его действиях иного состава преступления».

Изучение опыта уголовного законодательства Республики Беларусь демонстрирует наличие в нём ответственности за уклонение не только от лишения свободы, но и от иных видов наказания¹⁴⁵. Как известно, российский уголовный закон в случае уклонения от исполнения иных видов наказания устанавливает возможность их замены более строгим видом наказания. Сопоставление данных подходов позволяет выделить в качестве предпочтительного отечественный. По нашему мнению, замена наказания более строгим его видом является достаточной санкцией за допущенное лицом уклоне-

¹⁴⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11 ноября 2019 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 21.12.2019).

ние от наказания. И лишь побег из места лишения свободы влечёт дополнительное наказание, в том числе и потому что лишение свободы фактически не может быть заменено более строгим видом наказания.

В числе преступлений против обязательности судебных постановлений обращает на себя внимание предписание об ответственности за уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера. Думается, что целесообразность криминализации такого деяния вряд ли может вызвать обоснованные сомнения. Вместе с тем такой законодательный подход представляется весьма однобоким.

Уголовно-правовое противодействие криминальным проявлениям педофилии, безусловно, должно быть максимально жёстким. Однако не стоит забывать и о других особо опасных преступлениях и лицах, склонных к совершению таких деяний. Например, терроризм, насильственные преступления против жизни и здоровья, а также половой свободы и половой неприкосновенности личности.

На наш взгляд, наряду с ответственностью за уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера, должна быть закреплена ответственность за аналогичное деяние, совершённое лицом, страдающим иными психическими расстройствами, проявляющимися, в том числе в совершении насильственных преступлений.

В итоге нами предлагается следующая редакция ч. 3 ст. 314 УК РФ: «Уклонение лица, страдающего психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и сопряжённым со склонностями к совершению насильственных преступлений, от применения к нему принудительных мер медицинского характера».

Относительно перспектив совершенствования ст. 315 УК РФ, помимо уже озвученных предложений, необходимо отметить следующее. Законодательный шаг в виде установления самостоятельной ответственности общего субъекта за злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ, совершённое в отношении того же судебного акта, является, по нашему мнению, шагом по направлению к расширению криминализации фактов неисполнения судебного постановления.

В данном случае регламентирована ответственность общего субъекта, но с административной преюдицией. Одновременно ч. 1 ст. 315 УК РФ ограничено содержание объективной стороны, в сравнении с ч. 2 ст. 315 УК РФ. Однако остаётся открытым вопрос о социально-правовой обоснованности формирования таких сложных конструкций, с трудом воспринимаемых даже юристами.

Совершенно очевидно, что предпочтительнее норму, сформулированную в ч. 1 ст. 315 УК РФ, включить в ныне действующую ч. 2 ст. 315 УК РФ. При этом в целях сохранения объёма криминализации потребуются исключить указание в ч. 2 ст. 315 УК РФ на специального субъекта преступления.

При реализации данного предложения возникнет вопрос о целесообразности сохранения ст. 312 УК РФ, так как она приобретёт статус безусловно специальной нормы по отношению к ст. 315 УК РФ. Представляется, что оптимальнее будет включить её в содержание ст. 315 УК РФ. Оставлять такую разновидность неисполнения судебного постановления не имеет смысла.

На наш взгляд, установление в рамках ст. 315 УК РФ общего запрета на неисполнение судебного постановления послужит цели повышения эффективности соблюдения принципа обязательности судебных постановлений. В одной норме будут сконцентрированы уголовно-правовые запреты неисполнения различных судебных постановлений, облечённые в форму единого

предписания. Думается, это только подчеркнёт необходимость строгого и неукоснительно исполнения судебных постановлений. В качестве специальных норм об ответственности за неисполнение судебного постановления останутся в таком случае уголовно-правовые нормы о неисполнении судебных постановлений в уголовно-правовой сфере.

На основании изложенного необходимо сделать следующие основные выводы:

1) существующее словосочетание в ч. 1 ст. 312 УК РФ «растрата, отчуждение, сокрытие или незаконная передача имущества» заменить формулировкой «незаконное отчуждение, а равно совершение иных незаконных действий с имуществом»;

2) в корректировке нуждается описание предмета состава преступления, регламентированного ч. 1 ст. 312 УК РФ. В частности, речь ведётся об имуществе, подвергнутом описи. Согласно положениям действующего законодательства, опись имущества выступает в качестве неотъемлемой процедуры его ареста. Поэтому отсутствует какой-либо юридический смысл самостоятельного указания на имущество, подвергнутое описи. Достаточно сохранить ссылку на имущество, подвергнутое аресту;

3) современная редакция Федерального закона «О банках и банковской деятельности» к банковским операциям относит не только соответствующие операции с денежными средствами, но и операции с драгоценными металлами. В этой связи является оправданным дополнение деяния в виде осуществления служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами (вкладами), на которые наложен арест, ещё и указанием на драгоценные металлы как предмет преступления. В итоге эта формулировка может быть представлена в следующем виде: «осуществление служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами или драгоценными металлами, на которые наложен арест»;

4) обоснована необходимость закрепления примечания к ст. 313 УК РФ следующего содержания: «Лицо, отбывающее наказание в колонии-поселении, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, и добровольно вернувшееся в место лишения свободы в течение суток, подлежит освобождению от уголовной ответственности за побег из места лишения свободы при условии отсутствия в его действиях иного состава преступления»;

5) наряду с ответственностью за уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера, в ч. 3 ст. 314 УК РФ должна быть закреплена ответственность за аналогичное деяние, совершённое лицом, страдающим иными психическими расстройствами, проявляющимися, в том числе, в совершении насильственных преступлений. В итоге нами предлагается следующая редакция ч. 3 ст. 314 УК РФ: «Уклонение лица, страдающего психическим расстройством, не исключаящим вменяемости, и сопряжённым со склонностями к совершению насильственных преступлений, от применения к нему принудительных мер медицинского характера»;

6) аргументирована целесообразность расширения круга субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ. Субъект данного преступления должен быть общим – любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста;

7) доказана обоснованность перемещения нормы, сформулированной в ч. 1 ст. 315 УК РФ, в структуру ныне действующей ч. 2 ст. 315 УК РФ. При этом в целях сохранения объёма криминализации потребуются исключить указание в ч. 2 ст. 315 УК РФ на специального субъекта преступления.

При реализации данного предложения возникнет вопрос о целесообразности сохранения ст. 312 УК РФ, так как она приобретёт статус безусловно специальной нормы по отношению к ст. 315 УК РФ. Представляется, что

оптимальнее будет включить её в содержание ст. 315 УК РФ. Оставлять такую разновидность неисполнения судебного постановления не имеет смысла;

8) в случае реализации предложения о закреплении в ч. 2 ст. 315 УК РФ ответственности для общего субъекта, ст. 177 УК РФ будет выступать специальной нормой в полной мере. И тогда возникнет сомнение в целесообразности сохранения ст. 177 УК РФ, которая будет безоговорочно частным случаем неисполнения судебного постановления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ. Её предлагается исключить;

9) обоснована необходимость изложения ст. 315 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 315. Неисполнение судебного постановления

Злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению, -

наказываются ...».

Заключение

В завершение уголовно-правового исследования вопросов противодействия неисполнению судебного постановления необходимо сделать следующие основные выводы:

1. Существующими нормативными установлениями, закрепляющими обязательный характер постановлений суда, формируется их единая система. Некоторые из их предпосылок включает в себя Конституция РФ. Они регламентируются как на общеправовом уровне, так и в отраслевом законодательстве и на уровне отраслевого правового регулирования. Подобная структура норм, закрепляющих обязательный характер исполнения постановлений суда, не только указывает на важность данных правоотношений, но и в значительной мере сказывается на реальном осуществлении этого принципа.

Законодательные нормы, закрепляющие обязательный характер исполнения постановлений суда, имеют силу прямого действия. В законодательстве отсутствуют какие бы то ни было помехи к непосредственному применению соответствующего требования.

С точки зрения обязательного характера исполнения постановления суда имеют некоторые качества, свойственные закону. Причем постановления суда зачастую по уровню обязательности оказываются выше правоприменительных актов, принимаемых исполнительными органами.

Обязательный характер исполнения постановлений суда обусловлен значимостью решаемых вопросов и предусмотренной исключительной прерогативой суда являться арбитром при разрешении споров. Решение, которое выносит суд, носит окончательный, властный и независимый характер. Специфика обязательности судебного постановления, помимо прочего, выражается в том, что никакой субъект не может отказаться от выполнения судебного постановления по любым причинам, в т. ч. формальным.

Специальные юридические качества обязательного характера исполнения постановления суда выражаются также в том, что данный принцип действует в том числе в отношении судебных органов.

2. Выявлен вполне достаточный для целей криминализации уровень общественной опасности посягательств в сфере невыполнения постановлений суда. Данные посягательства направлены против одного из основополагающих принципов правосудия – обязательный характер исполнения постановлений суда. Это важное обстоятельство, указывающее на их общественную опасность.

Преступное невыполнение постановления суда обусловлено неполным урегулированием сложившегося правового спора, что усугубляет или продолжает его. Характер общественной опасности рассматриваемых посягательств обусловлен тем, что они относятся к нормам общего права, предусматривающим обязательный характер постановлений суда, или же к посягательствам, проявляющимся в невыполнении таких постановлений в сфере уголовного права. Первые зачастую наносят существенный имущественный ущерб или формируют риск его нанесения. Кроме того, в них заложен потенциал нанесения другого ущерба. Преступное невыполнение постановлений суда в области уголовного права не приводит к прямому и непосредственному ущербу, но формирует опасность последующей противоправной деятельности преступника.

3. Неисполнение постановления суда криминализован в разной степени практически во всех уголовных законодательствах, проанализированных нами. Это говорит о широком международном признании потребности в беспрекословном соблюдении принципа, провозглашающего обязательный характер исполнения постановлений суда, а также уголовном преследовании попыток уклониться от этого принципа.

Проведенный нами сравнительный анализ не обнаружил ни одного кодекса, в котором бы отсутствовала уголовная ответственность за побег. Сре-

ди специальных характеристик данного уголовно-правового запрещения в законодательствах разных государств можно выделить несколько аспектов:

- подлежат криминализации противоправные манипуляции с электронными приборами, позволяющими отслеживать перемещение людей, которые используются в правоохранных целях (Уголовный кодекс Франции);

- уголовная ответственность подразделяется по такому основанию, как вид мест лишения свободы. Так, может быть установлена облегченная ответственность за случаи самовольного оставления специального пенитенциарного поселения (Уголовный кодекс Республики Болгария);

- в уголовном законодательстве некоторых стран факт добровольного возвращения преступника, который совершил побег, рассматривается как обстоятельство, позволяющее освободить его при соблюдении некоторых условий от уголовного преследования (Уголовный кодекс Республики Таджикистан) либо уменьшить наказание (Уголовный кодекс Турции).

В некоторых государствах законодатель предусматривает более широкую, по сравнению с Россией, криминализацию случаев неисполнения постановлений суда в уголовно-правовой области. Так, в УК Республики Беларусь уголовно-правовое запрещение применяется в отношении как уклонения от исполнения наказания в виде ограничения и лишения свободы, так и от остальных его видов.

Общие положения, закрепляющие ответственность за невыполнение постановлений суда (аналогичные части 2 статьи 315 Уголовного кодекса РФ), как правило, демонстрируют более расширенную криминализацию посягательств в данной области: нет такого признака, как злостное уклонение от исполнения постановления суда; не нужны признаки, указывающие на специальный субъект (Уголовный кодекс Азербайджанской Республики). При этом зачастую при конструировании анализируемого посягательства законодатель использует административную преюдицию (Уголовный кодекс Республики Молдова).

4. В роли непосредственного объекта противоправных действий с арестованным или описанным имуществом, которое подлежит изъятию, выступают общественные правоотношения, формирующиеся в сфере обеспечения закреплённого в постановлении суда особого правового режима такого имущества. Причем в структуре состава деяния, закреплённого статьей 312 Уголовного кодекса РФ, дополнительный объект отсутствует. Если указанный правовой режим имущества сопровождался незаконными действиями в виде хищения, то эти действия должны быть квалифицированы по совокупности составов.

Под описью имущества следует понимать документ, который составляется, если осуществляется арест имущества. В данном документе приводится перечень объектов имущества, на которые налагается арест. На этом основании следует отметить, что опись имущества не является самостоятельной процедурой по отношению к его аресту – она выполняет подчиненную роль. Также нам представляется, что законодательное закрепление описи имущества не имеет смысла, так как такой описи не отводится правовое значение, если отсутствует арест.

Имущество, арест на которое налагают налоговые и другие административные органы, не может рассматриваться как предмет состава деяния, закреплённого статьей 312 Уголовного кодекса РФ.

Попытка сокрыть имущество означает, что лицо стремится утаить его от представителей правоохранительных структур или судебных приставов. Действия в виде присвоения имущества, закреплённого частью 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ, не должны рассматриваться как посягательство, закреплённое статьей 160 Уголовного кодекса РФ (Присвоение или растрата). Также следует отметить, что имущество, подлежащее изъятию на основании судебного постановления, не всегда вверяется кому-то. К примеру, это относится к полученным неправомерным способом доходам, к имуществу, которое представляет собой инструмент или средство осуществления посягатель-

ства. Полагаем, что присвоение в этих обстоятельствах означает в первую очередь попытку незаконно обратить в свою пользу бесхозное имущество. Это обусловлено тем, что зачастую изымаемое имущество не имеет законных собственников и не может их иметь по причине своего нелегального происхождения.

Попытка уклониться от реализации вступившего в законную силу судебного решения о назначении изъятия имущества подразумевает, что лицо стремится помешать обращению такого имущества в пользу государства. Эти действия могут осуществляться в самых разных формах, однако их содержательное наполнение не имеет квалифицирующего значения.

Субъект проведения банковских операций в отношении арестованных финансовых ресурсов – специальный. Это значит, что в роли такого субъекта может выступать только работник кредитного учреждения. В данном случае законодатель, понятно, говорит не о совершенно любом сотруднике, а о сотруднике, который злоупотребил своими должностными полномочиями, чтобы провести неправомерные банковские операции в отношении арестованных финансовых средств;

Неправомерные действия судебного пристава-исполнителя надлежит квалифицировать по части 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ лишь при условии, что для того чтобы совершить посягательство, он не воспользовался своими должностными полномочиями и его действия не формируют признаков соответствующего состава (злоупотребление либо превышение должностных полномочий). Если имеются признаки посягательств, установленных статьями 285 или 286 Уголовного кодекса РФ, деяние должно быть квалифицировано лишь по указанным нормам, а не по совокупности с частью 2 статьи 312 Уголовного кодекса РФ.

5. Если говорить о непосредственном объекте данного состава, закрепленного статьей 313 Уголовного кодекса РФ, то он представлен общественными правоотношениями в части обеспечения особого правового статуса

субъекта, в отношении которого на основании постановления суда были применены меры государственного принуждения в сфере лишения свободы.

До тех пор, пока не будет составлен протокол о задержании на основании статьи 91 УПК РФ, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, субъект не может рассматриваться как находящийся под стражей в понимании статьи 313 Уголовного кодекса РФ.

Объективная сторона побега имеет законодательную конструкцию, не позволяющую включить это посягательство в категорию длящихся. Это посягательство считается законченным в тот момент, когда преступник покидает место заключения либо нахождения под стражей. Последующие его действия никак не сказываются на квалификации посягательства по статье 313 Уголовного кодекса РФ.

Субъект состава, закрепленного статьей 313 Уголовного кодекса РФ, является специальным. Речь может идти об исключительном лице, в отношении которого были реализованы уголовно-процессуальные меры принуждения, такие как заключение под стражу, а также о лице, которое отбывает лишение свободы.

6. В качестве непосредственного объекта посягательств, закрепленных статьей 314 Уголовного кодекса РФ, следует рассматривать общественные правоотношения в сфере обеспечения обязательного характера исполнения постановлений суда относительно ограничения свободы как факультативного наказания, лишения свободы и принудительных медицинских мер, реализуемых по отношению к виновному после того, как он отбудет наказание.

Под уклонением от реализации принудительных медицинских мер, согласно части 3 статьи 314 Уголовного кодекса РФ, подразумевается, что осужденный не пришел к психиатру, чтобы встать на учет; не приходит на регулярные приемы, которые назначает лечащий психотерапевт, не следует врачебным предписаниям в отношении назначенной терапии. Необходимо отметить, что в связи с тем, что в указанной норме отсутствует такой при-

знак, как злостность, каждое, пусть даже и однократное, нарушение будет образовывать состав анализируемого посягательства.

Субъект каждого из деяний, установленных в статье 314 Уголовного кодекса РФ, является специальным. В частях 1 и 2 статьи 314 речь идет об осужденных, приговоренных судом к ограничению свободы в виде факультативного наказания либо же, соответственно, лишению свободы. В части 3 статьи 314 УК РФ в качестве субъекта посягательства может рассматриваться лишь лицо, у которого имеется расстройство сексуальных предпочтений, то есть педофилия, не исключающее вменяемости.

7. В качестве непосредственного объекта посягательства, предусмотренного статьей 314¹ Уголовного кодекса РФ, выступают общественные правоотношения, наступающие в части обеспечения предусмотренного решением суда особого правового режима административного надзора. Следует отметить, что в составе рассматриваемого посягательства нет факультативного непосредственного объекта.

Такой признак, как сопряжённость, в посягательстве, закреплённом частью 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ, подразумевает объединённость, при которой не требуется единовременность в буквальном понимании. К примеру, достаточно того, чтобы на протяжении года субъект два раза понес административную ответственность за нарушение установленных ограничений и снова совершил те же действия и при этом им было осуществлено как минимум одно административное правонарушение, закреплённое частью 2 статьи 314¹ Уголовного кодекса РФ.

8. Непосредственный объект состава преступления, закреплённого ч. 1 ст. 315 УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением обязательности исполнения судебных постановлений о защите чести, достоинства, деловой репутации, а равно частной жизни лица.

Признак злостности в диспозиции ч. 1 ст. 315 УК РФ фактически раскрывается через ссылку на применение к лицу наказания за совершение ад-

министративного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ. По законодательной конструкции объективная сторона состава преступления, регламентированного ч. 1 ст. 315 УК РФ, имеет формальный характер – преступление окончено с момента назначения лицу административного наказания по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ и продолжения неисполнения судебного постановления.

Субъектом злостного неисполнения судебного постановления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ, выступает только лицо, наделённое специальными должностными (служебными) полномочиями. Субъект неисполнения судебного постановления о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространённой информации общий – любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, подвергнутое административному наказанию по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ.

Законодателем дифференцирована уголовная ответственность за неисполнение судебного постановления о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространённой информации в зависимости от признаков субъекта совершённого преступления. При этом квалификация по ч. 2 ст. 315 УК РФ возможна как при наличии, так и при отсутствии административного наказания по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ, применённого в отношении виновного.

Уголовно-правовой нормой, регламентированной ч. 2 ст. 315 УК РФ, обеспечивается охрана постановлений любых судов, предусмотренных законодательством о судебной системе в РФ.

Состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 315 УК РФ, образует неисполнение любого судебного постановления, вступившего в законную силу. При этом обязательность исполнения постановлений советов судей, квалификационных коллегий судей не охраняется ч. 2 ст. 315 УК РФ, так как подобные акты исходят не от суда, а от органов судейского сообщества.

Субъект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ, в том числе и в форме воспрепятствования исполнению судебного постановления, специальный – им может выступать исключительно представитель власти, государственный служащий, муниципальный служащий, а также служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации. Стоит подчеркнуть, что, в силу буквального толкования уголовного закона, субъектом данного преступления не может быть признан в том числе и индивидуальный предприниматель либо его работники.

9. Утверждения о том, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ч. 1 ст. 312 УК РФ, является специальной нормой по отношению к предписанию, закреплённому ст. 157 УК РФ, являются необоснованными. Указанные предписания уголовного закона не находятся в отношениях конкуренции. При одновременном наличии признаков названных общественно опасных деяний они квалифицируются по совокупности ст. 157 и ст. 312 УК РФ.

Нормы об уголовной ответственности за присвоение или растрату и за незаконные действия с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ не могут состоять в отношениях конкуренции. В случаях, когда содеянное лицом одновременно содержит признаки преступлений, предусмотренных ст. 160 и 312 УК РФ, данные статьи применяются по совокупности. Объясняется это тем, что ст.ст. 160 и 312 УК РФ охраняются совершенно разные объекты: в первом случае это отношения собственности, а во втором – отношения, возникающие по поводу обязательности исполнения судебных постановлений. При этом данные отношения совершенно не пересекаются, что уже исключает возможность констатации конкуренции ст. 160 и ст. 312 УК РФ. Подобным образом решается и вопрос о квалификации умышленного уничтожения или повреждения имущества, подвергнутого аресту – при одновременном наличии признаков этих преступлений, содеянное квалифицируется по совокупности ст. 167 и ст. 312 УК РФ.

Злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности после вступления в законную силу соответствующего судебного акта может быть сопряжено с фактом незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту. Однако эти деяния отчётливо размежёвываются, и их уголовно-правовая оценка предполагает квалификацию по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 177 и 312 УК РФ. Причём в подобных ситуациях имеет место реальная совокупность преступлений.

Квалификация по ч. 1 ст. 312 УК РФ совершённых банковским работником расчётных операций с денежными средствами, на которые наложен арест, подразумевает арест как меру процессуального принуждения, применяемую судом. В противном случае незаконные действия банковского служащего с денежными средствами, арестованными налоговым органом, также не могут подлежать уголовно-правовой оценке в рамках ст. 312 УК РФ. Уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 199² и ст. 312 УК РФ, не могут находиться в отношениях конкуренции. При одновременном наличии признаков указанных преступлений содеянное подлежит квалификации по совокупности.

Уголовно-правовые нормы об ответственности за незаконные действия с имуществом в смысле ст. 312 УК РФ могут конкурировать с соответствующими предписаниями ч. 2 ст. 315 УК РФ. А разрешаться данная конкуренция должна в порядке, установленном ч. 3 ст. 17 УК РФ, в пользу ст. 312 УК РФ, как нормы, в которой уточнено содержание судебного акта, а также конкретизированы действия по неисполнению судебного постановления.

Совершение незаконных действий с имуществом, регламентированных ст. 312 УК РФ, лицом с использованием своих служебных полномочий при наличии иных необходимых признаков должно дополнительно квалифицироваться по ст. 201, 286 либо 286 УК РФ.

Сопоставление уголовно-правовых норм, установленных ст.ст. 313-314¹ УК РФ и ч. 2 ст. 315 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что их ведущим разграничительным признаком является субъект преступления. Эти деяния чётко отличаются субъектами правоотношений по исполнению судебных постановлений. В первом случае это лица, подвергнутые мерам государственного принуждения (уголовного наказания, мерам пресечения, принудительным мерам медицинского характера, административному надзору), то есть лица, пассивно исполняющие (подчиняющиеся исполнению) соответствующие судебные постановления. В свою очередь, в ч. 2 ст. 315 УК РФ закреплена ответственность субъектов активного исполнения судебных актов.

В ряде случаев содеянное лицом может одновременно подпадать под признаки преступлений, регламентированных ч. 2 ст. 315 и ст. 177 УК РФ, то есть будет иметь место конкуренция уголовно-правовых норм. Сопоставительный анализ данных уголовно-правовых предписаний позволяет сделать вывод о том, что ст. 177 УК РФ полнее охвачены нарушаемые таким деянием общественные отношения, уточнено содержание объективной стороны за счёт указания на содержание неисполняемого судебного акта, а также конкретизированы признаки субъекта преступления, так как по ст. 177 УК РФ им может выступать не любой служащий организации, а только её руководитель. В этой связи при конкуренции ч. 2 ст. 315 и ст. 177 УК РФ применению в качестве специальной нормы подлежит ст. 177 УК РФ.

Статьи 315 и 199² УК РФ не могут находиться в отношениях конкуренции. Причиной тому служат, прежде всего, несовпадающие и даже не пересекающиеся объекты данных преступлений. Положения ст. 199² УК РФ ориентированы на охрану налоговых правоотношений, обеспечение фискальных интересов государства. При этом общественные отношения, складывающиеся в связи с обязательностью реализации судебных постановлений, этой нормой уголовного закона не защищаются даже косвенно. Ответственность по ст. 199² УК РФ наступает не за игнорирование судебных постановлений, а за

невыполнение предписаний налоговых органов. При таких обстоятельствах можно утверждать, что уголовно наказуемое неисполнение судебного постановления, сопряжённое с сокрытием имущества в смысле ст. 199² УК РФ, подлежит квалификации по совокупности данных преступлений.

10. Обоснована необходимость существующее словосочетание в ч. 1 ст. 312 УК РФ «растрата, отчуждение, сокрытие или незаконная передача имущества» заменить формулировкой «незаконное отчуждение, а равно совершение иных незаконных действий с имуществом».

В корректировке нуждается описание предмета состава преступления, регламентированного ч. 1 ст. 312 УК РФ. В частности, речь ведётся об имуществе, подвергнутом описи. Согласно положениям действующего законодательства, опись имущества выступает в качестве неотъемлемой процедуры его ареста. Поэтому отсутствует какой-либо юридический смысл самостоятельного указания на имущество, подвергнутое описи. Достаточно сохранить ссылку на имущество, подвергнутое аресту.

Современная редакция Федерального закона «О банках и банковской деятельности» к банковским операциям относит не только соответствующие операции с денежными средствами, но и операции с драгоценными металлами. В этой связи является оправданным дополнение деяния в виде осуществления служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами (вкладами), на которые наложен арест, ещё и указанием на драгоценные металлы как предмет преступления. В итоге эта формулировка может быть представлена в следующем виде: «осуществление служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами или драгоценными металлами, на которые наложен арест».

Доказана необходимость закрепления примечания к ст. 313 УК РФ следующего содержания: «Лицо, отбывающее наказание в колонии-поселении, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, и добровольно вернувшееся в место лишения свободы в течение

суток, подлежит освобождению от уголовной ответственности за побег из места лишения свободы при условии отсутствия в его действиях иного состава преступления».

Наряду с ответственностью за уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера, в ч. 3 ст. 314 УК РФ должна быть закреплена ответственность за аналогичное деяние, совершённое лицом, страдающим иными психическими расстройствами, проявляющимися, в том числе, в совершении насильственных преступлений. В итоге нами предлагается следующая редакция ч. 3 ст. 314 УК РФ: «Уклонение лица, страдающего психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и сопряжённым со склонностями к совершению насильственных преступлений, от применения к нему принудительных мер медицинского характера».

Аргументирована целесообразность расширения круга субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ. Субъект данного преступления должен быть общим – любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Доказана обоснованность перемещения нормы, сформулированной в ч. 1 ст. 315 УК РФ, в структуру ныне действующей ч. 2 ст. 315 УК РФ. При этом в целях сохранения объёма криминализации потребует исключить указание в ч. 2 ст. 315 УК РФ на специального субъекта преступления.

При реализации данного предложения возникнет вопрос о целесообразности сохранения ст. 312 УК РФ, так как она приобретёт статус безусловно специальной нормы по отношению к ст. 315 УК РФ. Представляется, что оптимальнее будет включить её в содержание ст. 315 УК РФ. Оставлять такую разновидность неисполнения судебного постановления не имеет смысла.

В случае реализации предложения о закреплении в ч. 2 ст. 315 УК РФ ответственности для общего субъекта, ст. 177 УК РФ будет выступать специ-

альной нормой в полной мере. И тогда возникнет сомнение в целесообразности сохранения ст. 177 УК РФ, которая будет безоговорочно частным случаем неисполнения судебного постановления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ. Её предлагается исключить.

Обоснована необходимость изложения ст. 315 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 315. Неисполнение судебного постановления

Злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению, -

наказываются ...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

І. Нормативные акты

1. Конституция РФ. – М., 2022.
2. Уголовный кодекс РФ. – М., 2022.
3. Гражданский кодекс РФ. – М., 2022.
4. Гражданско-процессуальный кодекс РФ. – М., 2022.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. – М., 2022.
6. Арбитражно-процессуальный кодекс РФ. – М., 2022.
7. Кодекс РФ об административных правонарушениях. – М., 2022.
8. Кодекс административного судопроизводства РФ. – М., 2022.
9. Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века // Официальный сайт ООН / URL: <https://undocs.org/ru/A/CONF.187/4/Rev.3> (дата обращения 10.02.2019).
10. Декларация ООН о преступности и общественной безопасности 1996 г. // Официальный сайт ООН / URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/51/60> (дата обращения 10.02.2019).
11. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 2.
12. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // Вестник ВАС РФ. – 1993. – № 8.
13. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 14.02.2011. – № 7. – Ст. 898. (ред. от 06.03.2019).
14. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 25.07.1994. – № 13. – Ст. 1447. (ред. от 29.07.2018).

15. Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 01.05.1995. – № 18. – Ст. 1589. (ред. от 18.07.2019).

16. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 06.01.1997. – № 1. – Ст. 1. (ред. от 30.10.2018).

17. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 // Собрание законодательства РФ. – 05.02.1996. – № 6. – Ст. 492 (ред. от 27.12.2019).

18. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 13.03.2006. – № 11. – Ст. 1146 (ред. от 18.04.2018, с изм. от 29.03.2019).

19. Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 11.04.2011. – № 15. – Ст. 2037 (ред. от 29.07.2017).

20. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 08.10.2007. – № 41. – Ст. 4849 (ред. от 02.12.2019).

21. Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 18.03.2002. – № 11. – Ст. 1022 (ред. от 26.07.2019).

II. Материалы судебной практики

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.04.2015 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта "а" части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой

гражданина В.В. Кряжева» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 4.

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 2.

24. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Собрание законодательства РФ. – 11.07.2005. – № 28. – Ст. 2904.

25. Определение Конституционного Суда РФ от 11.10.2016 № 2164-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Еременко Тамары Александровны и Кривцова Евгения Валерьевича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 3.

26. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2016 № 4-О «По жалобе гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД "Об объявлении амнистии"» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2016. – № 3;

27. Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Тасии Ивановны на нарушение её конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ "О внесении изменений

в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

28. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2016 № 1748-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 4 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

29. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 10.

30. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 9.

31. Определение № 3-097-42 по делу Иванова и Владимирова / Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 1998 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 9.

32. Определение № 73-АПУ14-8 / Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2014) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24.12.2014) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 3.

33. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4. (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.11.2016 № 41).

34. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21

// Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 3. (ред. от 18.12.2018).

35. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 1.

36. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9.

37. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12.

38. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 2.

39. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2.

40. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 3141 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 7.

41. О судебном решении: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 2. (ред. от 23.06.2015).

42. Постановление Президиума Московского областного суда от 20.08.2014 № 517 по делу № 44у-250/2014 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

43. Постановление Мариинского городского суда Кемеровской области от 19.02.2018 по уголовному делу № 1-36/2018 / Официальный сайт Мариинского городского суда Кемеровской области / URL: <http://mariinsky.kmr.sudrf.ru> (дата обращения 11.11.2019).

44. Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 22.02.2019 по уголовному делу № 1-67/2019 / Официальный сайт Ленинского районного суда г. Курска / URL: <http://lensud.krs.sudrf.ru/> (дата обращения 14.01.2020).

45. Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 26.01.2018 по уголовному делу № 1-8/2018 / Официальный сайт Ленинского районного суда г. Пензы / URL: <http://leninsky.pnz.sudrf.ru/> (дата обращения 04.11.2019).

46. Приговор Новокузнецкого районного суда Кемеровской области от 18 марта 2020 г. по уголовному делу № 1-11/2020 / Официальный сайт Новокузнецкого районного суда Кемеровской области / URL: <http://novokuznecky.kmr.sudrf.ru/> (дата обращения 28.04.2020).

47. Приговор Новооскольского районного суда Белгородской области от 17.02.2020 по уголовному делу № 1-10/2020 / Официальный сайт Новооскольского районного суда Белгородской области / URL: <https://novooskolsky--blg.sudrf.ru/> (дата обращения 29.02.2020).

48. Приговор Омского районного суда Омской области от 14.01.2019 по уголовному делу № 1-2/2019/ Официальный сайт Омского районного суда Омской области / URL: <http://omskiyecourt.oms.sudrf.ru/> (дата обращения 14.12.2019).

49. Приговор Провиденского районного суда Чукотского автономного округа от 20.01.2020 по уголовному делу № 1-3/2020/ Официальный сайт Провиденского районного суда Чукотского автономного округа / URL: <http://providensky.chao.sudrf.ru> (дата обращения 11.02.2020).

50. Приговор Сысольского районного суда Республики Коми от 17 марта 2020 г. по уголовному делу № 1-17/2020 / Официальный сайт Сысоль-

ского районного суда Республики Коми / URL: <http://sysola.komi.sudrf.ru> (дата обращения 29.04.2020).

51. Приговор Тощкого районного суда Оренбургской области от 24.01.2018 по уголовному делу № 1-6/2018 / Официальный сайт Тощкого районного суда Оренбургской области / URL: <http://totsky.orb.sudrf.ru/> (дата обращения 10.11.2019).

52. Приговор Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югра от 20.02.2018 по уголовному делу № 1-17/2018 / Официальный сайт Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югра / URL: <http://hmray.hmao.sudrf.ru/> (дата обращения 19.03.2020).

53. Приговор Целинного районного суда Республики Калмыкия от 13 марта 2020 г. по уголовному делу № 1-19/2020 / Официальный сайт Целинного районного суда Республики Калмыкия / URL: <http://celinny.kalm.sudrf.ru> (дата обращения 10.05.2020).

II. Монографии, учебники и иная учебная литература

54. Андриенко В.А., Лесниченко И.П., Пудовочкин Ю.Е., Разумов П.В. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации / Под науч. ред. Ю.Е. Пудовочкина, с предисловием д.ю.н., проф., заслуж. деятеля науки РФ М.М. Бабаева. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. – 384 с.

55. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. – 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 784 с.

56. Благов Е.В. Преступления против государственной власти, военной службы, мира и безопасности государства: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 200 с.

57. Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 505 с.

58. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. Изд. 2-е, перераб. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. – 303 с.
59. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М., 1967. – 123 с.
60. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 560 с.
61. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. – Киев, 1969. – 216 с.
62. Векленко С.В., Бавсун М.В., Фаткуллина М.Б. Вина и ответственность в уголовном праве: монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2009. – 256 с.
63. Винокуров В.Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. – 224 с.
64. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М., 2000. – 324 с.
65. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 448 с.
66. Герцензон А.А. Уголовное право: Часть Общая. – М., 1948. – 496 с.
67. Глистин В.К. проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. – Л., 1979. – 127 с.
68. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 491 с.
69. Groшиков К.К. Социально значимая информация и ее уголовно-правовая охрана: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 144 с.
70. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 2002. – Т. 1: А-З. – 2002. – 699 с.
71. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка; В 4 т. – М.: Рус. яз., 2002. – Т. 3: П. – 2002. – 555 с.

72. Дерягин Г.Б. Криминальная сексология: курс лекций для юридических факультетов. – М., 2008. – 552 с.

73. Динека В.И. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы органов местного самоуправления: монография / Под ред. профессора Н.И. Ветрова. – М.: Юридический институт МВД России, 2000. – 250 с.

74. Друзин А.И. Воспрепятствование исполнению судебного акта. – Ульяновск: ФГУП ИПК «Ульяновский дом печати», 2001. – 124 с.

75. Егорова Н.А. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: Лекция. – Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2000. – 69 с.

76. Епифанова Е.В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 152 с.

77. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / Отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2010. – 576 с.

78. Жалинский А.Э. Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 2005. – 1088 с.

79. Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. – М.: ИД «Юриспруденция», 2009. – 216 с.

80. Закон об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита: магистр права М. Дорфман; науч. ред. к.ю.н. Н.И. Мацнев. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 412 с.

81. Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 100 с.

82. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 100 с.

83. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления: понятие и квалификация. – М., 1975. – 168 с.
84. Ибрагимов М.А., Ображиев К.В. Нормативные акты иных отраслей права как источники уголовного права: монография. – Ставрополь: Сервисшкола, 2005. – 96 с.
85. Кадников Н.Г. Категории преступлений и проблемы уголовной ответственности: Учебное пособие. – М.: Книжный мир, 2005. – 83 с.
86. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: Учебное пособие. – М., 2003. – 101 с.
87. Квалификация преступлений: учебное пособие / Под ред. д.ю.н., доц. К.В. Ображиева, д.ю.н., проф. Н.И. Пикурова. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2016. – 87 с.
88. Кобликов А.С. Судебный приговор. – М., 1966. – 135 с.
89. Ковалев М.И., Васьков П.Т. Причинная связь в уголовном праве. – М., 1958. – 72 с.
90. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 362 с.
91. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2010. – 1392 с.
92. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 888 с.
93. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т., постатейный. – Том 2. – 2-е издание / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – 704 с.
94. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Т. 4. Разделы X – XII / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – 278 с.

95. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / Под ред. А.И. Рарога. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 176 с.

96. Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 312 с.

97. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 300 с.

98. Крылова Н.Е., Серебрянникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. – М., 1998. – 208 с.

99. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2006. – 304 с.

100. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – 244 с.

101. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. – М.: Госюриздат, 1958. – 68 с.

102. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. – 336 с.

103. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. – М.: МГУ, 1976. – 182 с.

104. Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2001. – 569 с.

105. Курс уголовного права: Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. Т. 3. – 470 с.

106. Курс уголовного права: Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. Т. 5. – 512 с.

107. Кучеров И.И., Щукин А.В. Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств и имущества, за счёт которого должно производиться взыскание налогов и сборов. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006. – 119 с.

108. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2000. – 178 с.

109. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 339 с.

110. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. Учебное пособие. – М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – 118 с.

111. Марцев А.И., Вишнякова Н.В. Развитие учения об объекте преступления. – Омск, 2002. – 48 с.

112. Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / А.В. Наумов, А.Г. Кибальник, В.Н. Орлов, П.В. Волосюк ; под редакцией А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 444 с.

113. Михлин А.С. Последствия преступления. – М.: Юридическая литература, 1969. – 104 с.

114. Мшевиерадзе П.Я. Институт давности в советском уголовном праве. – Тбилиси, 1970. – 291 с.

115. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973. – 176 с.

116. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М., 1996. – 560 с.

117. Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 216 с.

118. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. – 640 с.

119. Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам: Сборник определений и постановлений / [сост. В.А. Давыдов, В.В. Дорошков, А.С. Харламов]; под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Норма, 2007. – 752 с.

120. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2014. – 736 с.

121. Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность: Монография. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». – СПб.: Издательство «Лань», Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – 192 с.

122. Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. – Воронеж, 2004. – 256 с.

123. Панько К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 312 с.

124. Пикуров Н.И. Комментарий к судебной практике квалификации преступлений на примере норм с бланкетными диспозициями. – М.: Издательство Юрайт, 2009. – 488 с.

125. Плохова В.И. Системное толкование норм Особенной части уголовного права: учеб. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 320 с.

126. Преступления против правосудия / Под ред. канд. юрид. наук А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2005. – 416 с.

127. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 280 с.

128. Пудовочкин Ю.Е. Вопросы квалификации соучастия в преступлении в судебной практике. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. – 238 с.
129. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 280 с.
130. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 248 с.
131. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 224 с.
132. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник / под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д.ю.н., проф. Э.Ф. Побегайло. – М.: Илекса, 2008. – 752 с.
133. Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: учебное пособие. – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД РФ, 2005. – 158 с.
134. Савельева В.С. Основы квалификации преступлений: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 80 с.
135. Ситникова А.И. Законодательная текстология и ее применение в уголовном праве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 232 с.
136. Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 326 с.
137. Советское уголовное право. Общая часть. – М., 1977. – 543 с.
138. Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. – М.: Илекса, 2007. – 1040 с.
139. Соктоев З.Б. Причинность и объективная сторона преступления: монография. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. – 256 с.
140. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2019. – 508 с.

141. Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 192 с.
142. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. С. В. Бородин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2010. – 1253 с.
143. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Сост. С.В. Бородин, А.И. Трусова; Под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Спарк, 2001. – 1168 с.
144. Сулейманов Т.А., Павлухин А.Н., Эриашвили Н.Д. Механизм и формы реализации норм уголовного права: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. – 288 с.
145. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Общая часть, вып. II, 1888. – 974 с.
146. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2 т. – М., 1994. – Т. 1. – 380 с.
147. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. – Тула, 2001. – Т. 1. – 800 с.
148. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. – М., 1974. – 208 с.
149. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. – М.: «ЮРКНИГА», 2003. – 478 с.
150. Трайнин А.Н. Избранные труды / Составление, вступительная статья докт. юрид. наук, профессора Н.Ф. Кузнецовой. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 898 с.
151. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. д.ю.н., проф. В.К. Дуюнова. – М.: РИОР, 2008. – 651 с.
152. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2008. – 1232 с.

153. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Под ред. А.И. Рарога. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2012. – 728 с.

154. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / Отв. ред. А.И. Рарог. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2019. – 624 с.

155. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / Под ред. В.В. Лунеева. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – 779 с.

156. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / Под ред. А.И. Чучаева. – М.: Проспект, 2012. – 512 с.

157. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09 июля 2019 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 20.12.2019).

158. Уголовный кодекс Голландии / Науч. ред. д.ю.н., заслуженный деятель науки РФ, проф. Б.В. Волженкин, пер. с англ. И.В. Мироновой. 2-е изд. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 510 с.

159. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Официальный сайт Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации // URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения 15.02.2020).

160. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 02 февраля 2017 г. № 19 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03 апреля 2020 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 20.04.2020).

161. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11 ноября 2019 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 21.12.2019).

162. Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. к.ю.н., проф. А.И. Лукашова. Перевод с болгарского Д.В. Милушева, А.И. Лукашова; вступ. статья Й.И. Айдарова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 298 с.

163. Уголовный кодекс Республики Болгария / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 02.02.2020).

164. Уголовный кодекс Республики Корея / Науч. ред. и предисловие д.ю.н., проф. А.И. Коробеева; перевод с корейского к.филол.наук В.В. Верхоляка. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. - 240 с.

165. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12 марта 2020 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 18.04.2020).

166. Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. к.ю.н., доц. А.И. Лукашов, д.ю.н., проф. Н.Ф. Кузнецова; вступ. статья к.ю.н., доц. А.И. Лукашова, к.ю.н., проф. Э.А. Саркисовой; перевод с польского Д.А. Бариллович. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 234 с.

167. Уголовный кодекс Республики Польша / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 22.03.2020);

168. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02 января 2020 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 11.02.2020).

169. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-ХП (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26 марта 2020 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 14.02.2020).

170. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30 ноября 2019 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 28.01.2020).

171. Уголовный кодекс Турции / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 30.01.2020).

172. Уголовный кодекс Турции / Предисловие к.ю.н., доц. Н. Сафарова и докт. права Х. Аджара. Науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 374 с.

173. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. и вступ. статья д.ю.н., проф. Д.А. Шестакова; предисловие доктора права Г.-Г. Йешека; перевод с немецкого Н.С. Рачковой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 524 с.

174. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 15.04.2020).

175. Уголовный кодекс Франции / Науч. редактирование к.ю.н., доц. Л.В. Головки, к.ю.н., доц. Н.Е. Крыловой; перевод с французского и предисловие к.ю.н., доц. Н.Е. Крыловой. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 650 с.

176. Флетчер Д., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М.: Юристъ, 1998. – 512 с.

177. Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 434 с.

178. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2003. – 416 с.

179. Яни П.С. Экономические и служебные преступления. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Ител-синтез»», 1997. – 208 с.

180. Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования: монография. – М.: Моск. юрид. ин-т, 1996. – 226 с.

III. Статьи

181. Анисимова И.А. Уклонение от административного надзора (ст. 314.1 УК РФ) // Актуальные проблемы уголовного права: сборник научных статей. – Барнаул, 2012. – С. 179-188.

182. Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Вопросы применения части 2 статьи 314¹ УК РФ // Законодательство и практика. – 2015. – 2015. – № 1. – С. 27-29.

183. Васина И.В. Общественная опасность уклонения от применения принудительных мер медицинского характера // Эпоха науки. – 2015. – № 4. – С. 154.

184. Гаухман Л.Д., Журавлев М.П. Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 40-43.

185. Городнова О.Н. Оптимизация норм уголовного законодательства как цель обеспечения неотвратимости наказания и совершенствования исполнительного производства // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 3. – С. 97.

186. Дворянсков И.В. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право». Томск, 19-20 апреля 2018 г. Под общей редакцией В.А. Уткина. – С. 116.

187. Дружинин А.В. Уклонение от административного надзора (ст. 314.1. УК РФ): анализ объекта преступления // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 3. – С. 297-300.

188. Друзин А. Диспозиция ст. 312 УК РФ требует уточнения // Законность. – 2002. – № 10. – С. 27.

189. Зыков В. Исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности за деяния преступления // Советская юстиция. – 1968. – № 10. – С. 5-6.

190. Непранов Р.Г., Петрашева Н.В. Назад в будущее или Уголовный кодекс Российской Федерации 20 лет спустя // Юрист-правовед. – 2017. – № 1. – С. 41-46.

191. Ображиев К.В., Шуйский А.С. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 12. – С. 116-122.

192. Одинцова Л.Н. Вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, страдающих педофилией, не исключающей вменяемости, за уклонение от принудительных мер медицинского характера // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 4. – С. 67-74.

193. Рарог А.И. Сближение уголовно-правовых систем в эпоху глобализации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. № 3. – С. 584-590.

194. Сабитов Т., Морозов М. Вывод по аналогии при квалификации преступлений // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 63-68.

195. Сасин А.А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта как преступление против правосудия // Общество и право. – 2011. – № 4. – С. 183.

196. Тепляшин П., Летягина Е. Квалификация неисполнения приговора, иного решения суда по признаку злостности // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 46;

197. Харьковский Д.А. Уголовно-правовая характеристика неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта // Юрист-правовед. – 2006. – № 4. – С. 90.

198. Эргашева З.Э. Неоднократность и сопряжённость как признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ // Криминалисть. – 2016. – № 1 (18). – С. 116-119.

199. Яни П.С. Значение решений по гражданскому (арбитражному) делу для квалификации мошенничества // Законность. – 2022. – № 5. – С. 32-36.

IV. Диссертации, авторефераты диссертаций

200. Андреев К.П. Ответственность осуждённых за неисполнение требований приговора суда в российском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – 25 с.

201. Астахова А.О. Уголовно-правовая характеристика уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314¹ УК РФ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2017. – 24 с.

202. Басова Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук. – Владивосток, 2005. – 404 с.

203. Безверхов А.Г. Должностные (служебные) преступления и проступки: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1995. – 237 с.

204. Виноградов Д.Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – 26 с.

205. Вороной В.В. Преступления, связанные с неисполнением судебного акта по гражданским делам: понятие, виды, проблемы законодательного описания (по материалам судебной практики Краснодарского края): Автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – 21 с.

206. Губко И.В. Преступления, связанные с уклонением от отбывания уголовного наказания или иных мер правового принуждения (статьи 313, 314, 314¹ УК РФ): понятие, система, основные направления оптимизации законодательного описания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – 26 с.

207. Гулый А.А. Уголовная ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 195 с.

208. Динека В.И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России (уголовно-правовой и криминологический аспект): Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2000. – 348 с.

209. Друзин А.И. Уголовно-правовое обеспечение реализации судебного акта: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2001. – 32 с.

210. Жуйков А.Л. Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: Дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2008. – 214 с.

211. Князьков М.А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – 221 с.

212. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: Дис. ... докт. юрид. наук. – Владивосток, 2007. – 490 с.

213. Летягина Е.А. Уголовная ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: Дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2009. – 217 с.

214. Львович Е.В. Должностное злоупотребление: проблемы криминализации, квалификации и отграничения от правонарушений, не являющихся преступными: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 199 с.

215. Малов В.Н. Преступления против исполнения судебных решений (уголовно-правовые и криминологические аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2010. – 19 с.

216. Оленьчева А.Н. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 30 с.

217. Румянцев О.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с неисполнением приговора суда и иных судебных решений: Дис. канд. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – 213 с.

218. Смиян А.Д. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (уголовно-правовая и криминологическая характеристика): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997. – 237 с.

219. Харьковский Д.А. Уголовно-правовая характеристика неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 179 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты опроса сотрудников правоохранительных органов и судей по проблемам уголовно-правового противодействия неисполнению судебных постановлений¹⁴⁶

№ п/п	Вопрос	Варианты ответов	Распределение Ответов
1.	Имущество, подвергнутое арестам, налагаемым налоговыми, а также иными административными органами ...	а) не может выступать предметом состава преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ б) может выступать предметом состава преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ в) затрудняюсь ответить	68 % 23 % 9 %
2.	Совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 312 УК РФ, судебным приставом-исполнителем с использованием своего служебного положения квалифицируется...	а) по совокупности ч. 2 ст. 312 и ст. 285 или 286 УК РФ б) только по ч. 2 ст. 312 УК РФ в) только по ст. 285 или 286 УК РФ г) затрудняюсь ответить	12 % 4 % 73 % 11 %
3.	Побег задержанного по подозрению в совершении преступления до составления протокола задержания ...	а) квалифицируется по ст. 313 УК РФ б) не подлежит квалификации по ст. 313 УК РФ в) затрудняюсь ответить	22 % 60 % 18 %
4.	Неисполнение постановления Конституционного Суда РФ ...	а) может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 315 УК РФ б) не может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 315 УК РФ в) затрудняюсь ответить	72 % 10 % 18 %
5.	Субъект воспрепятствования исполнению судебного постановления является ...	а) общим б) специальным в) затрудняюсь ответить	7 % 76 % 17 %

¹⁴⁶ Сведения о возрасте респондентов, их образовательном уровне, месте жительства, профессиональном стаже, занимаемой должности и т.д. в приложении не приводятся.

6.	Каким образом квалифицируется деяние, одновременно содержащее признаки преступлений, предусмотренных ст. 160 и 312 УК РФ?	а) по совокупности ст. 160 и 312 УК РФ б) только по ст. 312 УК РФ в) только по ст. 160 УК РФ г) затрудняюсь ответить	65 % 16 % 3 % 16 %
7.	Как квалифицируется совершение незаконных действий с имуществом, регламентированных ст. 312 УК РФ, лицом с использованием своих служебных полномочий?	а) по совокупности ст. 312 ист. 201, 285 либо 286 УК РФ б) только по ст. 312 УК РФ в) только по ст. 201, 285 либо 286 УК РФ г) затрудняюсь ответить	74 % 15 % 10 % 1 %
8.	Уголовно наказуемое неисполнение судебного постановления, сопряжённое с сокрытием имущества в смысле ст. 199 ² УК РФ подлежит квалификации ...	а) только по ст. 315 УК РФ б) по совокупности данных преступлений в) только по ст. 199 ² УК РФ г) затрудняюсь ответить	11 % 62 % 5 % 22 %
9.	Как Вы оцениваете предложение о расширении криминализации деяний в ч. 1 ст. 312 УК РФ за счёт охвата таких деяний, как переработка, повреждение, уничтожение или перемещение арестованного имущества?	а) положительно б) отрицательно в) затрудняюсь ответить	70 % 10 % 20 %
10.	Поддерживаете ли Вы предложение о замене существующего словосочетания в ч. 1 ст. 312 УК РФ «растрата, отчуждение, сокрытие или незаконная передача имущества» формулировкой «незаконное отчуждение, а равно совершение иных незаконных действий с имуществом»?	а) нет, не поддерживаю б) да, поддерживаю в) затрудняюсь ответить	7 % 61 % 32 %
11.	Согласны ли Вы с тем, что уголовной ответственности по ч. 2 ст. 315 УК РФ должен подлежать общий субъект?	а) нет, не согласен б) да, согласен в) затрудняюсь ответить	14 % 72 % 14 %
12.	Как Вы оцениваете предложение о расширении круга предметов преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, путём включения драгоценных металлов?	а) положительно б) отрицательно в) затрудняюсь ответить	64 % 13 % 23 %
13.	Поддерживаете ли Вы предложение о криминализации в рамках ст. 313 УК РФ побега из-под домашнего ареста?	а) да, поддерживаю б) нет, не поддерживаю в) затрудняюсь ответить	10 % 73 % 17 %